

СЕРИЯ «ЖИВОЕ РУССКОЕ СЛОВО»

Г. В. Судаков

ЖИВОЕ
РУССКОЕ
СЛОВО

*Книга для внеклассного чтения
по русскому языку*

Вологда
2002

Жили-были... люди, слова и вещи

Жили-были Иван да Марья, Владимир и Елена. Имена им дали родители при рождении. А еще при них жили-были кафтан с армяком, медовая коврижка и пшеничный блин. Кафтан и армяк, коврижку и блин придумал народ, он же дал им «имена», как дает имена своим детям.

В книге, которую открываете, пойдет речь о русских людях и их именах, о предметах повседневного обихода и об истории их названий, хранящих в себе тайны веков. За каждым словом — вещь, которая постепенно

менялась, человек делал ее более удобной, совершенной. Менялось отношение людей к этой вещи. Все это находило отражение в значении слова, в изменении смысла других, близких к нему слов. Бытовой словарь старой Руси для современного человека подобен воспоминаниям о полузаытом прошлом.

Эта книга и есть воспоминание о народном быте и истории русского бытового словаря, о развитии домашнего уклада и состоянии просвещения на Русском Севере во времена Московской Руси и позднее. Об этом не бабушки рассказали, потому что не помнят той поры. Автор обратился к архивным материалам, использовал источники по истории народных промыслов и по истории культуры. Он нашел ответы на вопросы: как появились имена *Владимир* и *Всеволод*, когда и почему исчезли охабни, как назывались шапки, когда стали носить куртки и юбки, когда появились слова *ковши* и *подойник*, какие пироги пекли в старину, как учились грамоте, что читали? Исследуя историю того или иного слова, он ведет занимательное повествование о главном для человека: пище, одежде, утвари, 1. Слова

просвещении. Помня при этом, что русский человек всегда старался держать свой дом в порядке и чистоте. Не упускает и другой мысли — основой бытового словаря, как и всей народной речи, были об разность и смысловая емкость. Раскрывая прошлое во всех его гранях, автор призывает перенять все лучшее из уклада жизни наших предков.

...Итак, откроем вместе дверь в старую Русь, Русь времен князя Владимира.

Владимир и Людмила

Имя человека — зеркало культуры народа. Но в развитии языков у разных народов есть знаменательные совпадения. К таким относятся, например, двухосновные имена собственные. Они имеют в своем составе не менее двух корневых морфем с соединительной гласной или без нее: русские *Владимир, Людмила*, немецкие *Зигфрид, Гертруда*, английское *Роберт*, греческое *Леандр*.

Чем вызвано их появление? Когда был пик их употребления?

Факт наличия сложных собственных имен в иранских, германских, кельтских, греческих, славянских старинных текстах позволяет относить начало появления этих имен к глубокой древности.

Т.В. Топорова, изучавшая подобные имена в немецком языке, считает, что они служили для обозначения представителей высшей знати в период «военной демократии», когда военная дружина во главе с вождем была главным институтом власти (Топорова Т.В. Язык в зеркале культуры: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996). Высказывались мнения, что такие имена давались только людям из благородных сословий, знатного происхождения, и имели эти имена провидческий характер, обещали своему носителю счастливую судьбу.

Если, действительно, *Людмила* — «людям милая», а *Эберхарт* — «силен, как дикий кабан», то интересно выявить и сравнить другие понятия и свойства, которые отмечались как положительные у

разных народов приблизительно на одном этапе их исторического развития, например, в чем видели «тевтонский дух» древние германцы, а что ценили в жизни и в человеке наши славянские предки. При этом будем учитывать, что основы сложных имен напоминают кусочки мозаики, которые можно складывать по-разному, но значение целого не будет равно сумме значений частей. Чем древнее сложное имя, тем меньше зависимость между смыслом всего слова в целом и значением его компонентов.

Значимость человеческой личности в сознании этноса в разные эпохи не была одинакова. Менялся общественный статус человека как члена общества — менялся и статус категории собственного имени, менялась структура наименования человека. Судьба сложных имен в этой связи особенно показательна.

Первые индивидуальные именования человека были вызваны не только функциональной необходимостью общения, но и стремлением создать для биологической сущности человека ее знак — некий смысловой фантом, который люди древних эпох воспринимали как независимую от человека духовную сущность. Идеальным казался сложный знак, объединяющий целый комплекс смыслов, причем — с положительной оценкой: *Святослав*, *Добромусл*. Такие сочетания смыслов отражали народное самосознание, нравственные предпочтения людей. Кроме того, сложное имя лучше, чем односоставное наименование, выполняло охранную функцию.

Повторяемость имени, приложимость его к разным личностям постепенно приводит к угасанию первообразности смысла сложных слов. Конечно, сложное (двусоставное) имя хранит смысловую заданность чуть дольше, чем простое (одноосновное), но судьба всех имен примерно одинакова. Первоначальная установка иметь для каждого человеческого индивидуума его персональное, неповторимое имя заменяется желанием хотя бы передать имя по наследству, сохранить его как родовое: *Иван Николаевич*, сын *Николая Ивановича* и внук *Ивана Николаевича*.

Но рассмотрим учитываемые в древних сложных именах те свойства и признаки, которые были значимы с точки зрения их носителей, памятуя, что сами эти имена возникли в дописьменную эпоху, а ко времени письменной фиксации претерпели известную семантическую эволюцию. Сравним с этой точки зрения два ономастикона: древненемецкий и древнерусский (далее излагаются результаты исследования Н.В.Комлевой).

Древненемецкий список сложных имен (*Fleischer W. Die deutschen Personennamen. Berlin, 1968*) учитывает шесть семантических сфер:

со значением «борьба», «битва», «сражение», «воинство», «доспехи», «копье»: *Gundbald* (битва + смелый), *Brunhild* (доспехи + битва), *Gunther* (битва + войско), *Siegfried* (победа + мир), *Gertrude* (копье + сильная), *Matilda* (сила + битва). У немцев это самая продуктивная группа.

2. Имена, производящие основы которых восходят к названиям животных. Сила и ловкость животных, незнание страха вызывали завистливое желание древних германцев заимствовать эти качества: *Bernhart* (медведь + сильный), *Wolfgang* (волк + путь). Для женского имени предпочтительнее основа *Swan* «лебедь»: *Swanhild* (лебедь + битва).

3. Мифологическая и сакральная лексика: *Gotfrid* (бог + мир), *Anshild* (бог + битва), где германское *Ans* — старое название бога; *Alberich* (эльф + могучий).

4. Имена существительные со значением родовых или имущественных отношений: *Agalgund* (благородный + битва), *Adelheid* (благородный + род), *Erdmar* (земля + слава).

5. Имена, связанные с образом могущественного и справедливого властелина: *Dietmar* (народ + слава), *Richard* (повелитель + твердый), *Waldemar* (власть + мир).

6. Имена, связанные со значением «любовь», «дружба»: *Sconiburg* (красивая + защита), *Truthild* (милая + битва). Характерна связь этих имен с понятиями «битва», «защита».

В семантике имен заметно стремление к идеализации, акцентирование положительного, причем древние германцы связывали это с военной тематикой, с достижением власти, при этом и воин, и властитель должны чем-то походить на животное.

Рассмотрим рядом семантику основ в русских собственных именах. Для удобства сравнения сведем все учтенные качества тоже в шесть групп.

1. Имена, связанные с военной тематикой: *Бронислав* — *Бронислава*, *Ратибор*, *Яргнев*, *Воибор*.

2. Мифологические и сакральные имена: *Богдан*, *Молибог*, *Богуслав*.

3. Имена с основами «дом», «гость», а также со значением родовых отношений: *Домажир*, *Радогость*, *Гостомысл*.

4. Имена с основами «мир», «слав» (ср. в древненемецком близкие к ним имена, характеризующие справедливого и могущественного властителя): *Владимир*, *Владислав*, *Всеволод*, *Ладислав*, *Ладимир*, *Станислав*, *Святослав*, *Святополк*, *Святогор*. У славян это самая продуктивная группа.

5. Имена с компонентом *мил-* (ср. в древненемецком близкие к ним имена со значением «любовь», «дружба»): *Людмила, Милослава, Всемил.*

6. Имена с основой *добр-*: *Добромусл, Доброслав, Добромир, Добромил.*

Таким образом, в немецком оказались наиболее распространеными имена, основы которых связаны со значением «война», «оружие». Есть такие примеры и в русском (*Борислав*), но они редки. Сосредоточенность древних германцев на вооруженном сопротивлении, военном противостоянии отчетливо проявляется в именнике составных имен. Воинственному духу древних германцев противостояли славянские приоритеты — добро, свет, святость, мир, слава, милость, творчество: в древнерусском именнике наиболее многочисленная группа слов с компонентами *слав-, мир-*. Зато практически нет имен с основами, восходящими к названиям животных.

Выясняется также, что у славян и германцев наблюдалось примерно одинаковое внимание к понятиям «дом» и «гость».

В структурном отношении древние двухосновные личные имена в этих двух языках имеют много общего: образованы по одинаковым моделям, совпадают фонетический состав и лексическое значение основ (*Владимир — Waldemar, Милослав — Milbert, Волимир — Willmar, Рогволод — Ragnwald*). Двухосновные личные имена — очень древние по происхождению, они были распространены примерно в одно и то же время у многих народов. Прославление новорожденного специально созданным сложным именем было характерно как для семей знатных общинников, так и для рядовых членов сообщества.

Постепенно смысловая структура имен *Владислав* или *Wolfgang*, многократно повторенная при тысячах носителей этих имен, теряет свою свежесть, становится повседневностью. Закрепляя эту обыденность, люди начинают сокращать сложные имена, превращая их в более привычные однословные наименования: *Владислав — Слава, Wolfgang — Wolf*. Сокращению подвергается одна из основ сложного имени, или происходит полное усечение этой основы. Но здесь уже начинается современная, совершенно самостоятельная и неодинаковая жизнь сокращенных форм двухосновных имен в разных языках.

Следуя пословице «По одежке встречают, а по уму провожают», начнем знакомство с одежды наших предков. Посмотрим их домашнее убранство. Посидим с ними за праздничным столом. А потом поинтересуемся, что читали в старину, что сочиняли сами.

Откуда кафтан пошел и когда исчезли охабни

Верхняя мужская одежда у русских отличалась большим разнообразием в покрое. Носили, например, кафтаны и зипуны, надеваемые при выходе в теплую погоду, а также второе верхнее платье, которое было необходимо в холод и в ненастье.

Слово *кафтан* проникло из тюркских языков. В русской письменности отражается с 1524 г. Кафтаны были общесословной одеждой, но шили их в зависимости от достатка из разного материала. Сермяжные предназначались крестьянам. Носили их по-

ти одни мужчины, лишь в царской семье надевали и женщины. Как и многие другие типы верхней одежды, кафтан мог быть теплым или холодным, с тканевой подкладкой. На улицах в этой одежде появлялись только молодые. Пожилые носили или сразу два кафтана, холодный и теплый, или надевали поверх ферязь, охабень, шубу. У крестьян нижний кафтан был сермяжным, а верхний — шубным.

Чтобы легче было понять описания одежд в древних текстах, отрывки из которых приводятся, поясним значения отдельных слов, обозначающих ткани и меха, их цвет или детали одежды: *аксамит* (*оксамит*) — драгоценная ткань с золотыми и серебряными нитями в основе, плотная и ворсистая; *бурнатный* (*бурматный*) — красновато-коричневый, сшитый из бурмети — азиатской грубой бумажной ткани; *веницейка* (*виницейка*) — сорт тафты; *вошва* — кусок вышитой ткани или кожи, пришиваемой для украшения к платью; *дорога* — восточная шелковая ткань; *zendень* — хлопчатобумажная ткань; *испод* — подкладка одежды; *камка* — шелковая цветная ткань с узорами; *киндяк* — вид хлопчатобумажной ткани; *кострыш* — вид сукна; *кошачий* — сделанный из меха животного семейства кошачьих; *крашенина* — грубый крашеный холст; *куфтерь* — вид камки; *лаудан* (*лудан*) — сорт шелковой ткани; *лундыш* — сорт английского (лондонского) сукна; *объярь* (*объяры*) — плотная шелковая ткань; *осиновый* — цвета осиновой коры; *ровдуга* (*ролдуга*) — выделанная оленья шкура; *рубковый* — с обшитыми краями; *стамед* — шерстяная ткань с особым (косым) расположением нитей в основе; *тмозеленыш* — темно-зеленый; *юfty* — сорт обработанной кожи; *червчатель*, *червлениный* — багряный, ярко-малиновый.

Вот описание царского наряда в рукописи 1681 г.: «На великом государе было платье белое: кафтан верхний камчатой китайской, испод соболей, исподней кафтан камчатой же китайской, холодной». Разновидности кафтанов по покрою или по назначению получали специальные названия: проезжой, ездовой, столовый, дождевой, турской, польской, становой.

Традиционно кафтаны считаются долгополой, почти до пят, одеждой. Однако мода на длину менялась: первоначально русский кафтан был коротким, а в восьмидесятых годах XVII в. у знати появляется долгополый, сделанный по иностранным образцам. Вот что писал модник в 1688 г. своему приятелю: «Кафтан я купил длинной для того, что ныне такие носят, а не короткие». Их еще называли китайскими или немецкими. А вот как характеризует иностранец традиционный русский кафтан в «Описании Московского государства», которое обнаружено в составе сборника XVII в.: «Наверх надевают они уской кафтан (которым именем и турки свою одежду именуют); и тот у них делается по колено с долгими рукавами, которые напереди уски, и те набирают на руки бором, у тех же кавтанов назади козыри или воротники зделаны». Таким образом, русский кафтан имел длину до колен или чуть выше, поскольку исподние кафтаны были немного короче теплых. Кстати, и Адам Олеарий, посетивший Москвию в середине XVII в., описал его похожим образом: «На сорочку и штаны они надевают узкие одеяния вроде наших камзолов, только длинные, до колен, и с длинными рукавами. Это одеяние они называют кафтаны». В начале XVIII в. длина была определена более строго. В «Дворцовых разрядах» за 1700 г. записано: «Генваря в 4 день великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич указал: бояром и оконничим, и думным, и ближним людем, всех чинов служилым, и приказным, и торговым людям и людям боярским на Москве и в городех носить платье венгерские кафтаны, верхние длиною по подвязку, а исподние короче верхних тем же подобием». Укороченная одежда облегающего покрова, надеваемая под вторую верхнюю одежду, именовалась полукафтаньем.

С кафтаном «неразлучен» зипун. Зипуны получили широкое распространение в конце XVI — начале XVII вв. Считают, что само название пришло к нам из итальянского языка. Зипуны были мужской комнатной одеждой, узкой и укороченной, надеваемой поверх сорочки. Теплыми были и холодными. Уже в XVI в. они становятся общесословной одеждой и мало отличаются от кафтана, поэтому при описании одежды одно и то же платье называли то кафтаном, то зипуном, как, например, в расходной книге царского двора за 1629 г.:

«Государева жалованья Ивану Лодыгину: зипун сукно кострыш темновишневое сукна пошло полчетверта аршина нашито две нашивки цена шесть алтын и всего кафтану цена три рубли семь алтын четыре деньги».

Кафтаны и зипуны долго сохранялись в русском быту, особенно у крестьян.

Особый тип кафтана на меховой подкладке, покрой которого был заимствован у поляков, получил название *жулан*, родственное со словом *зипун*.

Была еще мужская комнатная одежда типа халата с завязками или пуговицами — *армяк*. Название перешло от тюркских народов в XV в. Он сразу стал всесословной одеждой, но чаще появлялся в гардеробах людей среднего и низшего сословия, а в XVIII в. превратился в крестьянское платье.

У восточных народов русские научились шить и носить чекмени. Чекмени были короткими, зауженными в талии. Надевали их поверх кафтана. Эта одежда значится в перечнях казачьего имущества и росписях восточных товаров с начала XVII в. Название чекмень часто заменялось более знакомым *кафтан* и *зипун*. Особый покрой имели и *азямы*, которые походили на стеганые зипуны. Впервые об азямах упоминается в сибирских источниках (1627 г.), а также в статейных списках русских послов, ездивших в Монголию и Китай. Азямы закрепились в быту простого народа, дворянам не рекомендовалось их носить. Царский указ от 1701 г. предупреждал: «Русского платья и черкесских кафтанов и тулупов и азямов и штанов и сапогов и башмаков и шапок отнюдь никому не носить».

Привычный ныне *халат* наши предки тоже переняли у иноземцев. Его в XVII в. впервые привезли в Россию послы от восточных шахов и султанов в числе подарков царю. (Слово *халат* — турецкое.) Но понадобилось еще два века, чтобы эта одежда стала у россиян каждодневной.

Стоит вспомнить здесь еще стеганые прилегающие полукафтаны, которые называли татарским словом *бешмет*.

Феодальная знать и служилые люди носили зауженные облегающие вещи, скопированные с иноземных образцов. Узкий комнатный кафтан с короткими рукавами и поясом, подбитый мехом, назывался *терликом*. Заимствованное в тюркских языках, слово это отмечается в текстах с 1412 г. Особенно часто упоминается в рукописях XVI в. В XVII в. терлики превращаются в церемониальную одежду придворных, выдаваемую из казны на время торжеств, затем вовсе выходят из употребления.

Через белорусское и польское посредство усвоено турецкое название *доломан*. Это тоже мужская верхняя одежда для выездов и службы. В XIX в. в доломанах ездили гусары, а гражданские люди в поездки надевали чугу — короткий и узкий кафтан с короткими рукавами, который застегивался на пуговицы. Чуга — тюркское слово, известное в русской письменности с 1569 г. Первоначально чуги носили только иностранцы, приезжающие в Россию, но скоро новую одежду приобрели и знатные москвичи, но все равно в общее употребление чуги не вошли.

Из художественных произведений русской классической литературы хорошо знакомо слово *камзол*, которое появилось в самом конце XVII в. Активному внедрению его в русский быт способствовал царский указ от 30 декабря 1701 г., которым, в частности, предписывалось: «Всем, кроме духовного чину священников и диаконов, и церковных причетников, и пашенных крестьян, носить платье немецкое: верхнее — саксонская и французская, а исподнее: камзолы и штаны, и сапоги, и башмаки, и шапки — немецкая». Камзолы петровского времени — распашные одежды, надеваемые под кафтан. По длине чуть ниже поясницы.

Первое упоминание о *ливрее* относится к 1698 г. Ливрея — одноцветное платье придворного или господского служителя.

Посмотрим теперь, как сформировалась одежда, предназначавшаяся для выходов или для праздников. Обычно ее носили только богатые люди.

Плащи, судя по письменным источникам, давно известны на Руси, но в XV—XVII вв. в них появлялись лишь иностранцы. А в конце XVIII в.— это наиболее популярная выходная одежда, особенно в ненастную погоду.

Плащи русских князей представляли собою короткие накидки, застегивающиеся на плече. Их называли *корзнами*, *коцами*, позднее — *шатами*, *мятелями*. Слова довольно редкие, до наших дней не дошли.

В старой Руси широко была распространена плащевидная одежда, служившая защитой от дождя и пыли. Ее носили все и почти повсеместно. Накидку без рукавов для седоков в санях называли *еланчой*. Вот как сказано про нее в пословицах XVII в.: «Без клинья — кафтан, без рукав — еланча»; «Еланчу возят в вёдро, а в дождь и сама ездит». Накидку на меху именовали *еланечкой*. Очень часто слово это употреблялось и в XVIII в., но затем вытесняется названием *плащ*.

Мужская дорожная одежда из толстого сукна, предназначенная для ненастной погоды, называлась *кебеняк* или *келеняк*. Ее носили люди, имеющие духовные звания, или представители знати. Кстати, в турецком языке *келеняк* — тоже дождевой плащ. Приведем описание царского кебеняка из кроильной книги 1629 г.: «Скроен государю кебеняк лундыш темновишнев, в длину 2 аршина без полутора вершков, ширина в плечах аршин в полчетверта вершка, по подолу 4 аршина без 2 вершков. Рукава в длину от стану аршин с четью, ширина в корени 7 вершков, в запястье четыре вершка без чети». Теперь сама одежда не носится, а вот слово сохранилось: в курских, орловских, тульских говорах зимнюю шапку вроде треуха называют *кебеняком*.

В XVII в. появляется тюркское по происхождению название *емурлук* — от татарского *ягмур* «дождь». Емурулук — тип кафтана для защиты от дождя. Емурулук не прижились в русском гардеробе. Со второй половины XVII столетия в текстах упоминается *бурка* — войлочный плащ без рукавов, эту одежду носили лишь южнорусы.

Главной же одеждой в период Московской Руси были кафтан и зипун. В парадном и церемониальном гардеробе знати сохранялись архаичные терлики, кабаты и чуги, а простой народ и служилое двоинство уже шьют армяки и азямы, камзолы и доломаны.

На изменения нарядов серьезное влияние оказывали прежде всего культурные и экономические условия эпохи, нормы морали, привычки, довольно быстро меняющиеся в России. Да к тому же правительство своими предписаниями, указами постоянно «корректировало» моду на одежду и даже предметы быта. Были на Руси когда-то охабни...

Охабни, как и опашни, ферязи, свиты, сукни, однорядки, относились к верхней длиннополой одежде, которую охотно носили лишь до второй половины XVII в. Если говорить более конкретно, то *охабень* (от *охабити* — «обнять, охватить») — это легкая верхняя распашная, длинная, до каблуков, одежда, с прорехами под рукавами, с четвероугольным откидным или стоячим воротником. Застегивалась на пуговицы. Носили ее поверх кафтанов. Судьба одежды, упоминавшейся в письменных источниках еще с 1489 г., была решена царским указом 1679 г.: «В лета 7188 году октября в 23 день великий государь по своему царскому благоразсудительному милосердному рассмотрению указал своего царского синклиту бояром и оконничим, и думным, и ближним, и служилым, и приказным людем по Москве и в городах носить служилое платье, а прежние старобытные городовые одежди

охобни и однорядки отставити для того, что те одежди долги прилично женскому платью и к служилому и дорожному времени было не потребно да и многоубыточно». Как ослушаться? Легче было опальное одеяние спрятать подальше да забыть о нем. Так многие и поступили. Лишь крестьяне ходили по-прежнему.

Вторая верхняя одежда прямого покроя, широкая и долгополая, с висячими рукавами, с пуговицами от верха и до низа называлась *опашень*, опашни носили мужчины и женщины дома. В них ходили и летом. Название *опашень* употреблялось реже, чем *охабень*, хотя в текстах оно замечено несколько раньше: с 1359 г. Уже упоминавшийся указ 1679 г. отбил охоту рядиться в широкие верхние кафтаны. Сохранились они несколько дольше только в костромских, тверских и псковских местах. А ведь было время; опашни привлекали внимание даже иностранцев. Так, английский посол Флетчер в 1591 г. писал: «У женщин верхняя одежда широкая, называемая опашень, обыкновенно красная, с пышными и полными рукавами, висящими до земли, застегивают спереди».

Носили в старое время и *приволоки*. Это — богатая одежда, широкая и длинная, подбитая мехом, с широким воротником. По летописям приволока известна как княжеский плащ, который надевался поверх воинского доспеха, а в старорусский период его носили служилые люди. Во второй половине XVII в. *приволока* упоминается все реже, затем вовсе выходит из употребления.

Одна из распространенных долгополых одежд простого люда имела название *однорядка* — по фасону. Это было общесословное платье для мужчин и женщин. Без ворота, в отличие от охабня, с пуговицами или завязками. Под длинными рукавами были прорехи для рук. Надевалась поверх зипуна или каftана. Тот же Флетчер оставил следующее замечание: «Мужчина ходит в однорядке из грубого белого или синего сукна, у мужчин победнее однорядки из коровьей шерсти, при выходе из дома набрасывается сверх всей этой одежды однорядка, похожая на охабень, с тою разницею, что шьется без воротника». Слово *однорядка* фиксируется с 1489 г. Приведем описания однорядок в явочной celibitной 1611 г. из Москвы: «Живота в нем поставил платья однорядку мускую темно-лазурь четырнадцать пугвиц да жены однорядка вишнев цвет девять пугвиц». Удобная одежда, но царь и в ней усмотрел «социальный» изъян.

В указе 1679 г. он повелевал в Московском государстве в охабнях и в однорядках не ходить. «И со многих людей в Кремле горо-

де по воротам з дворян и с подъячих охобни и однорядки здирали». С этого времени однорядки остаются только у простолюдинов, а в национальный период постепенно переходят в разряд крестьянского платья.

Слово *ферязь* (1556 г.) заимствовано из тюркских языков. Оно обозначало богатую и нарядную одежду, без перехвата в поясе и без воротника, с длинными, суживающимися к запястью рукавами. Застегивались ферязи пуговицами или завязывались. Носили их летом и зимой. Зимние делали на меху. Ферязь была преимущественно парадной одеждой. Приведем несколько описаний, сделанных иностранными послами в XVI—XVII вв.: «Сверх кафтана надевают распашное платье из дорогой шелковой материи, подбитое мехом и общитое золотым галуном: оно называется ферезью»; «На них ловко сидели красные полукафтанья, а другие, вроде длинного плаща, были накинуты на шею, мастерски вышитые, подбитые соболем,— они называют их ферезью»; «Поверх этого кафтана они носят еще другой, покрывающий икры и называющийся ферезью».

Ферези носили повсеместно. К середине XVII в. покрой их несколько меняется. Они превращаются в придворную одежду и называются *ферезями*, которые иногда шили с учетом западной моды, короткополые.

Царский указ 1679 г. определил ферези как церемониальную одежду особо знатных лиц: «Великий государь указал в Московском государстве бояром и окольничим и ближним людем ходить в ферезях цветных, всяких чинов людем — в кафтанах всяких». В грамотке 1681 г. один из москвичей пишет своему приятелю: «Да писал ты ко мне про ферези, их на Москве не носят и делать их не велят». Дело в том, что в 1681 г. запрет на ферези был повторен еще более строго, о чем летописец сообщает: «Того же году повелением царя и великого князя Феодора Алексеевича всея России самодержца Московского государства всяких чинов российским людям старинного платия однорядок и ферезей никому носить не указано, то платие оставлено, а ведено платие всем носить служилое, какое кому бог прилучил».

В XVIII в. ферези — нарядный крестьянский сарафан, тип платья у простолюдинов.

Поговорим о свитках. Название *свита* появилось в дописменную эпоху, поэтому привычно для многих славянских языков. В русской письменности употребляется с XI в. как наименование верхней одежды. Часто так называли одежду постригающихся в монахи. А

вот *свиткой* (не свитой) называли широкое длинное одеяние, которое носили монастырские работники и сами монахи. За роскошью в выборе ткани не гнались, довольствовались лишь сермяжным грубым сукном. В то же время в Подвинье и Зауралье *свитками* именуют женскую нарядную одежду. В национальный период, то есть после XVII в., все круто меняется: свитки для работы надевают мужчины. Ну а потом как-то само по себе так стали называть всю поношенную одежду.

Участь всей длиннополой одежды «была решена» в XVII в. до Петра. Простой же народ не знал никаких запретов: носил то, что было удобно. Считался лишь со временем года и погодой.

Кожаная и меховая одежда

Благодаря климатическим условиям кожаная и меховая одежда традиционна в русском быту. К числу наиболее древнего мехового платья относится кожух — вторая верхняя одежда из шкур или меха. Это мог быть и кафтан, подбитый мехом. О кожухах упоминается в рукописных источниках с конца XI в. Кожух, несомненно, отличался от шубы, иногда надевался одновременно с шубой. Царь Алексей Михайлович на своей свадьбе в 1626 г. был так одет: «...в кожух золотной аксамитной на соболях да в шубу русскую соболью, крыта бархатом золотным».

Любопытно, что со временем кожухи стали употребляться все реже и сохранялись лишь как ритуальная торжественная одежда на свадьбах. Иногда *кожухами* называли и выходящие из употребления терлики, подбитые мехом. Вот фрагмент описания той же царской свадьбы: «Наперед шли свещники и коровайники и фонарники в терликах на соболях, а кожухи были им даны с Казенного двора». В литературном языке XVIII—XX вв. *кожух* — старинное слово, но в народных говорах на Смоленщине и в калининских местах так называют меховые тулуны, кое-где кожухами именуют кожаную непромокаемую одежду, которая также звалась *кожан*, но то была походная и рыбакская одежда простого народа.

То есть вещь просто изменила свое название, так как имена существительные с суффиксом *-ух* выходят из употребления и заменяются названиями с суффиксом *-ан*.

А когда же появляются шубы? Можно сказать более точно о времени появления в письменности слова: имя собственное *Шуба* относится к 1368 г., а нарицательное *шуба* — к 1382 г. Оно заимствовано из тюркских языков. Шуба — долгополая меховая одежда, чаще мужская. У знати были шубы специального назначения и различного покроя: столовые, санные, лунские (то есть лондонские). Носили их иногда сразу по две: первую — укороченную до щиколоток, покрытую тканью, и вторую — длинную, из голой овчины. Первые были исподними, вторые называли *шубой одевальной*, *одевальницей*, *одеялом* и *шубой якутской* (имелся в виду тулуп). Названия *одеяло* и *одеяльница* применительно к шубе встречались лишь на Севере. Одевальные имели особый покрой и большую длину. Понятно почему: согревались в поездке. Иногда они имели внизу закрытое отверстие для ног.

Меховая одежда для служилых людей получала наименование по роду войск и воинских чинов: *шуба гусарская, гусарка, солдатка*. Женскую и детскую меховую одежду называли *шубками*. Среди них различались столовые, или холодные, то есть комнатные, и выходные, или теплые. Некоторые специалисты утверждают, что шубки надевались через голову.

Крестьянская рабочая одежда из непокрытой овчины с укороченными полами была распространена на Севере и в Заволжье. Это шубняки или шубники, известные и сейчас в вологодских, ярославских местах. Кстати, если название *полукафтан* существует уже в языке Московской Руси, то *полушубок* появляется лишь в первой четверти XVIII в., оно встречается в сельскохозяйственной инструкции 1724 г., составленной в Москве А. И. Волынским: «Им же давать в год по две овчины на безрукавные полушибки и по шапке».

Разновидность шуб, сшитых из специально выделанной шкурки путем сшивания с нее мездры, получила название *сбитень*. Известны с конца XVI в. на северо-русской территории, в смоленских краях. В Москве и Твери носили *бармихи* (от *бармы* — оплечье) с широкими отложными воротниками. Вот как выглядел наряд женщины в старые времена по допросной записи, сделанной в Москве в 1620 г.: «Да на жене шуба заечья под зенденью под червчатою да шапка камчатая червчата да шуба одевальная бормиха, да на дочери шуба заечья». В Подвинье и на Соловках шубы покрывали тканью бусого цвета (бусый — серо-голубой), что и определило название — *бусарка*.

В конце XVI в. в письменности появляется слово *тулуп* (из тюркских языков). А до этого долгополую меховую одежду без пояса

именовали *шуба якутская*. Да и тулупы имели определения: якутский, калмыцкий; нетрудно догадаться поэтому, откуда заимствовали покрои. Носили же их сначала только на Севере и в Сибири, к середине XVII в. про тулупы узнают москвичи, а к концу столетия и южане. Несмотря на практичность этой одежды, ее носили все-таки не все. Например, отказывались дворяне. Но не потому, что не хотели: запрещал царский указ от 30 декабря 1701 г.

Из языков народов Сибири и Дальнего Востока русские заимствовали еще несколько слов. Одновременно и некоторые другие типы меховой одежды: *малица* — мужская верхняя меховая одежда типа рубахи с капюшоном; *парка* — длинная одежда из шкур, мехом наружу, надевается поверх малицы; *санаяк* — вид меховой одежды; *яка* — род охабня мехом наружу.

Одежда, подбитая мехом песца-крестовика, в Подвинье, а также по Енисею называлась *крестоватик* и *крестовик*: шушун крестоватик, кафтан крестовик. Меховая одежда имелась у русских постоянно. Почти всегда одинакового покрова. Обновлялись лишь названия: *кожух* заменяется словом *кожан*. Его сменяет более активное наименование — *шуба*. Следом появляются названия ее разновидностей, каждое новое слово при этом указывает на особенности изготовления, назначение, некоторые внешние признаки одежды. Меховые вещи различались также качеством меха и отделкой. Естественно, роскошные шубы носили богатые люди, а короткие шубники и длинные тулупы — крестьяне и ремесленный люд города.

Что надевали на работу

В зависимости от материала, сроков носки рабочими могли быть зипуны, кафтаны и шубы. Однако существовала и специальная рабочая одежда. Она носила словесный характер, так как пользовались ею крестьяне и посадское население городов.

Самым распространенным был *сермяжный кафтан* (или *сермяга*), который шился из сермяжного сукна и предназначалась для работы во время холодной или сырой погоды. Название связывают с балтийскими языками. А вообще-то оно широко употребляется в XVI—XVII вв. Одежда эта упоминалась вначале даже в числе летнего государева платья, но не царю она

предназначалась, поскольку отличалась простотой кроя, отсутствием отделки и дешевизной материала, который и давал названия: известны сермяги — «холщевица», «збитень», «бусырь».

Летняя рабочая одежда из ряднины или другой грубой ткани, длинная и широкая, именовалась *балахон*. Появляется у русских поздно. Впервые это слово записано в Холмогорах в 1619 г. В северных краях балахоны были рабочей одеждой плотников, кузнецов, поваров. Лишь во второй половине столетия они стали известны в средней Руси и Рязани. Приведем несколько свидетельств из письменных источников XVII в.: «Коровнику Ивашку дал балахон новой»; «Овечью пастуху Пупышу дано на рубашки да на портки да на балахон холста двенадцать аршин»; «Крестьян в своем лесу переловили и сняли с них четыре зипуненка, 5 топоров да балахонишко, всего на рубль». Источником происхождения слова *балахон* могут быть тюркские языки Сибири.

Население Великоустюжского уезда имело в старину *шабуры* — летние рабочие балахоны из холста. *Шабур* — тоже тюркское название. Наблюдается в письменности с 1626 г. Встречается также в сольвычегодских, пермских и мангазейских источниках.

Рабочей одеждой были и *костоланы*, их тоже носили летом. Это — тип кафана или балахона. Довольно поздно появляются понитки — рабочие кафтаны из понитка, то есть домотканого сукна, где основа пеньковая или льняная, а уток шерстяной. С конца XVII в. слово *пониток* быстро прогрессирует, а в XIX в. приобретает почти общерусскую известность. Фактически словом *пониток* заменили слово *сукман*, существовавшее в языке с XV в. и бывшее довольно активным в старорусский период.

О суконной одежде следует поговорить особо. Вначале *сукном* называли как саму ткань, так и одежду, сшитую из нее. Подобные случаи отмечаются даже в XVI в. С 1610 г. фиксируется название *сукня*, затем — *суконник* и *сукник*. Сукня — верхняя женская одежда из сукна, ее носили на Севере, в Сибири и в западной части южно-русской территории. Сукни имели зеленый цвет и, судя по описаниям, соответствовали женским нарядным свиткам, которые встречались в северо-восточной зоне. В западных областях и на юге сукни надевали и женщины, и мужчины, только мужские были обычными суконными кафтанами. *Суконник* и *сукник* — это их северно-русские названия, известные в других местах как *сукман*. Сукман — мужская и женская одежда для разных домашних работ. Вот такие исторические перевоплощения происходили часто со словами и одеждой!

«Рубахи надобно: часто наг хожу»

В 1670 г. протопоп Аввакум писал своей жене: «А о рубашках я с Тимофеем писал. Три рубахи пришлите. Давно рубахи надобно: часто наг хожу». Нательная или исподняя одежда носила общее название *рубаха* — *рубашка*. Произошло оно от слова *руб* — «кусок ткани». Отмечается в текстах удивительно поздно: *рубашка* — с 1521 г., *рубаха* — с 1569 г. *Рубашка* употребляется чаще, это — более официальное название. Холщовые рубашки на Севере именовались так: *холщевица*, *холщевня*, *холщевка*, *холщага*, *холщевенца*. Распространены были в нижнем и среднем Подвилье, в бассейне реки Ваги.

На северо-русской территории обычно носили одновременно две рубахи: нательную исподку и поверх нее — верхницу. *Исподкой* чаще называли женскую нательную рубашку, которая по отношению к сарафану действительно была исподней одеждой. «Меня Агафьицу ограбил, снял с меня сукман белой да рубаху исподку, да с ворота крест сорвал», — сообщается в явке Важского уезда за 1605 г. «Пропало у меня сироты з двора с сараю с шеста две рубашки мужская да женская по утрянои зоре безвесно и нынешнего 1662 г. июля в 25 день тое свою женскую испотку познала на ней Кунаве». Эти строки взяты из челобитной Вологодского уезда за 1662 г. Судя по всему, само слово *исподка* в данном значении возникло в старорусский период в речи населения, занимавшего бассейн рек Сухоны и Ваги, а оттуда распространилось в соседние говоры, в Зауралье и Сибирь. Псковское и тверское *исподница* в том же значении возникло из слова *исподка*.

Верхница — тоже северо-русское слово, наблюдаемое в важских, великоустюгских и сибирских источниках со второй четверти XVII в. *Верхницей* называли не только рубашки, но иногда и вообще верхнюю одежду.

Женская сорочка, которую носили в паре с сарафаном, называлась то *верхницей*, то *воротком*. Последнее характерно для архангельских говоров.

А как же назывались рубашки тогда, когда не было такого слова? В летописях встречаются *срачица* (XI в.), *сорочица* (XII в.). Первый вариант возник в старославянском языке и характерен для

текстов религиозного содержания и книжной литературы. Второй найден в новгородских берестяных грамотах и летописях. Судя по летописям, в XI в. в живой речи древнерусичей присутствует и слово *сорочка*, сорочки упоминаются в текстах как спальная и нательная одежда, необходимая после бани. Так называли и наиболее нарядные рубашки. Однако часто к одному и тому же предмету подходили оба слова: *сорочка* и *рубашка*, которые сохраняются и в современном литературном языке.

Спальню и банную рубашку, а также халат в свадебном наряде называли *чехлом*. Жених и невеста перед первой брачной ночью надевали чехлы, а поверх них — нагольную шубу. Так их и провожали в клеть — пустую избу, служившую им спальней.

В книжной письменности религиозного содержания встречались архаичные названия рубашек *котыга* и *льняница*, а в живой речи начинается формирование общего обозначения нательной одежды из белого полотна и вообще швейных изделий из белой ткани. Лишь в языке Московской Руси получает свои права слово *белье*, которое живо до сих пор.

С древней поры существует мужская набедренная одежда, которую уже в источниках XIII в. называют *портами*, а с XV в. — *портками*. Со второй половины XVII в. слово *портки* применяется по отношению к исподней одежде, а верхнюю именуют *штанами*. А до XIII в. мужские штаны имели название *гачи* или *гащи*, которое постепенно архаизировалось и вышло из языка. Современное название *штаны* отражается в письменности с 1597 г. Оно сразу стало общерусским. Не прижились в речи термины *плюнды* и *пукши*. На периферии остается название *шаровары*.

Боеводы — в сарафанах, молодцы — в «юпках»

В истории русского бытового словаря есть случаи, немало удивляющие современного человека. К числу курьезных относятся, например, факты использования в былые времена в качестве наименований мужских нарядов таких слов, которые сейчас обозначают лишь женскую одежду.

Подобную эволюцию пережило хорошо знакомое всем слово *сарафан*, которое вначале имело значение «мужская легкая одежда, тип походного или рабочего каftана».

В актах Русского государства 1505—1526 гг. читаем: «Староста Васюк с теми своими товарыщи того старца Мисаила и его хрстьян били, а грабежу деи у них взяли три сермяги да три сарафана да три колпаки». А в Никоновской летописи, относящейся к 20-м годам XVI в., есть такая фраза: «Русские воеводы начяша ходити и ездити в охабнех и в сарафанех, а доспехи своя на телеги и в сумы скуташе». Слово *сарафан* впервые появилось в письменности в XVI в. Обозначало в ту пору общесословную одежду. Известно было в центре и на западе России. А уже в следующем столетии сарафан как тип мужской одежды встречается крайне редко, да и значение его выросло: теперь это был меховой кафтан в царском или архиерейском облачении.

Последнее упоминание о мужских сарафанах относится к 1677 г. Сравнительно редкое употребление слова *сарафан* со значением «тип мужской одежды» обусловило одно единственное уменьшительное от него: *сарафанец*. В описи царского платья 1626 г. упоминается «сарафанец объять червчета подпушка тафта лазорева нашивки шолк лазорев з золотом».

Сарафан как женская одежда впервые упоминается в духовной грамоте князя Оболенского в 1565 г.: «...да дочере ж моей княжне Огрофене моего платья в приданые: сарафанец на зелене земли шелк двоеличен, а на нем дватцать три пугвицы». В XVII в. это слово употребляется особенно широко, но исключительно в деловых текстах, что говорит о его обычности и в устной речи. Известно оно было на всей русской территории. Много фактов XVII—XVIII вв., подтверждающих распространение на юге страны слова *сарафан* и соответствующего женского наряда, опубликовал большой знаток старой русской письменности С. И. Котков.

Между тем еще недавно этнографы утверждали, что сарафаны проникли в южные области лишь в XIX в., что на юге сарафан был костюмом знати, а народ носил *поневы*. Пока не подтвердилось предположение, что существовали другие названия этой женской одежды. Нет данных и о том, что слово *сарафан* было использовано позднее, чем появился сам предмет в гардеробе русских женщин: все названия одежды типа женского сарафана отмечаются в письменности не ранее второй половины XVI в. Правда, они носят местный характер, а местные названия в силу разных причин отражались в текстах гораздо реже.

Так, с 1595 г. отмечается в актах Двинского и Важского уездов *костыч* — крашенинный сарафан особого покроя, который имел

нашивки из шнура на боковых швах. Их называли *костылями*, отсюда и сарафан — *костыч*. Позднее костычи носили в архангельских краях. Близкое по звучанию *костолан* наблюдается в новгородских актах. *Костоланом* в наши дни называют сарафан в новгородских, псковских, калининских и смоленских деревнях. Приведем старорусские примеры: «Внуке моей Офимы замужной костыч крашенинной»; «А сказала у себя сукман желтой простой, рубашка муская простая да костолан женской».

В свирских и вологодских текстах с первой половины XVII в. употребляется наименование *шушлан*. Так назывался женский повседневный сарафан из простого материала. Он сохранился здесь и в XIX в. Зато южно-русское *шушлан* («женский каftан») появляется лишь в национальный период и отмечается специалистами с начала XX в.

Сарафаны из крашенины на Двине в старое время называли *крашенинниками*, а такую же одежду из кумача на Русском Севере называли *кумачниками*. В Зауралье были известны *дубленники* — сарафаны из дубленого холста. Название *синяк* (по цвету материала) отмечено в калужской челобитной 1699 г., а *красик* — в росписи крестьянского имущества конца XVII в., составленной на юге России, в Дедилове. На Севере сарафаны называли также *верхница* (Зауралье) или *верхник* (Подвилье и Белозерье). В среднерусской полосе было известно также слово *расстегай*, так называли распашной крестьянский сарафан: «...сшил он за те деньги скотья двора девке Марфицы разстегай крашенинной» — отмечается в приходно-расходной книге Иверского Валдайского монастыря за 1665—1666 гг. В западной части среднерусской и южно-русской территории со словом *сарафан* употребляли близкое по значению *саян*, заимствованное в результате белорусско-польского влияния.

С давних времен на Севере отмечается обилие типов сарафанов и разнообразие их названий, в которых учтены характер материала, отделка одежды, способ ее ношения. По-видимому, данный тип одежды в северной Руси был распространен шире, чем на юге, где в качестве набедренной женской одежды была известна уже в старомосковский период понева.

Любопытно, что отдельные названия типов сарафанов вслед за основным словом *сарафан* могли одновременно называть как женскую одежду, так и определенный тип мужской рабочей одежды. В целом же употребление слова *сарафан* в качестве названия мужской одежды носило эпизодический характер, а разные типы женс-

ких сарафанов с общим названием *сарафан* и со своими индивидуальными наименованиями широко распространяются по всей русской территории еще в допетровскую эпоху.

А кто же такие «урядные молодцы в золотых юпках»? Процитируем отрывок из статейного списка, то есть отчета русского посольства во Флоренцию в 1659 г.: «...княжих урядных молодцев в золотых юпках человек со сто встречали с восковыми свечами». Урядные — значит наряженные, празднично одетые. А каково значение слова *юпка*? Это, несомненно, название одежды, образовано оно от *юла* с помощью суффикса -к- и имело вначале значение уменьшительности: рука — ручка, кадь — кадка, юпа — юпка. *Юла* — название иноземной мужской легкой одежды, надеваемой на плечи, в длину — до колен или чуть выше, надевалась на рубашку, то есть была похожа на русский зипун или польский жупан. Кстати, впервые слово *юла* употреблено в одном тексте с названием *жупан*, как его полное соответствие по происхождению и по значению: «Он посыпал в Можайску с подворником доправить жупан белый лисы подшитый, а жупана не вернули, и та юла взята» (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. СПб., 1892, т. 3, с. 749). А в других контекстах *жупан* заменяется словом *кафтан*, как в царском указе 1636 г.: «...зделано немецкаго платья три жупана да трои пушки... на кафтаны и на штаны пошло кружива серебрянаго кованого немецкovo 67 золотникъ».

Слово *юпка* появляется в конце XVI в., первоначально с обязательным определением *немецкая*. Уменьшительного оттенка в своем значении это новообразование не имело, что сыграло решающую роль в вытеснении им первичного слова *юла*. В тихвинской таможенной книге 1688 г. наблюдаем уже вариант *юбка*: «Явил Никита Герасимов 5 шляп, 2 юбки». Этот вариант появился под влиянием слов того же словообразовательного типа, но со звуком *б* в основном слове: труба — трубка. В русский язык *юла*, *юпка* пришли из немецкого, где они обозначают «кафтан», «куртка», через польский. Германские языки, в свою очередь, еще раньше заимствовали его из арабского.

Приведем пример, характеризующий внешний вид этой одежды в тот период, когда слово только еще входило в русский язык: «Он с Андрея снял юпу для соболей, чтоб соболям в грязи убытка не было». В этой фразе из дипломатического акта 1571 г. речь идет о юпе — одежде из соболиного меха. А вот как описана одежда одного из западно-европейских государей русскими послами в 1576 г.: «Це-

сарь лежит на постеле на кровати, а на нем юпа сукно бурнатно теплая да колпак». Платье польского короля русским послом в 1602 г. описывается следующим образом: «А на короле платно было немецкое: юпа короткая бархат чорн». В приходно-расходной книге Соловецкого монастыря за 1579 г. отмечено: «Куплено у Михалка у Резвого юпка немецкая дано тринатцат алтын». На протяжении XVII столетия одежда сохраняет свой экзотический облик, ее носят иноzemцы, а также — это ритуальное платье участников религиозного представления «шествия на осляти». Общерусского распространения слово *юла* не имело, оно замечено в письменности Москвы, Великого Новгорода, Тихвина, Холмогор, Великого Устюга, Вологды. Кстати, на Севере, где слово употреблялось шире, благодаря активной торговле с иноземцами, его перенесли на одежду северных ста-рожилов. Так, в бумагах Холмогорской таможенной избы за 1682 г. написано: «Пять юфтея ролдуг оленых, три юпы бельи хребтовые». У лопарей *юлой* называют летнюю длинную, надеваемую через голову одежду.

В языке XVIII в. идет противоборство между первоначальным значением «исподний каftан» и вторичным, новым «женская набедренная одежда, юбка». Закреплению слова *юбка* и соответствующего женского платья способствовал указ Петра I, обнародованный в 1701 г.: «А женскому полу носить платье и шапки, и кунтыши, а исподния бострого и юбки, и башмаки немецкие ж». Однако в ряде русских говоров и в XIX в. сохранялось старое слово *юла* в значении «безрукавка».

Все же вопрос об истории слова *юбка* нельзя считать окончательно решенным. Может быть, прямого переноса названия с мужской одежды на женскую и не было, а произошло вторичное заимствование слова вслед за усвоением русскими женщинами нового типа набедренной одежды, поскольку юбка как тип набедренной одежды появляется в России не ранее конца XVII — начала XVIII вв. Была выдвинута версия о первоначальном появлении юбки на сравнительно ограниченной западно-русской территории, то есть на Смоленщине, благодаря связи местного населения с белорусами и украинцами. Но, по данным письменных источников, на Смоленщине слово *юбка* фиксируется лишь в XVIII в. Ученые выделяют четыре зоны на территории России, где распространен комплект «рубаха и юбка»: запад, южно-русские области, юго-восток, северо-восток. Зоны эти, как правило, не соседствуют друг с другом, поэтому трудно допустить возможность перенесения, заимствования предмета из за-

падных губерний в остальные три зоны за счет перемещения населения. Гораздо реальнее — юбки появились во всех этих зонах независимо друг от друга в результате общения с иноземцами или торговых связей, а также прихотливости моды.

Душегрейка, безрукавка и куртка

Верхняя одежда на Руси была преимущественно длиннopolой. Один из иностранных послов, посетивший Россию в XVI в., писал: «Московиты очень бранят короткую итальянскую, французскую, испанскую и германскую одежду, потому что она оставляет открытыми те части тела, которые следуют скрывать более всего. Сами же они, следуя обычаям всего Востока, одеваются для степенности в два или три платья почти до пят». Короткие одежды русские начинают активно носить со второй половины XVII в., а

модники использовали их и раньше, например, в XVI в. Уже тогда существовали и исконные названия короткой одежды. Однако влияние западной моды, усилившееся с середины XVII столетия, сказалось и здесь. Появились новые типы короткой одежды и соответствующие иноязычные названия. Группа обозначений короткополой одежды начинает увеличиваться, идет стихийный процесс отбора слов, сближения и расхождения их значений.

Из исконных названий по текстам XVI в. известно слово *душегрея*, а в XVII в. появляется производное от него *душегрейка*: «...душегрея моя лисья» (1503 г.); «...архиепископу Иосифу отдано рухляди его: ряса под сукном песцовская, душегрейка под кумачем песцовская ж» (1676 г.). Заметим, что слова *душегрея* и *душегрейка* в языке донационального периода, т. е. до XVIII в., были распространены мало. Дело в том, что мужские безрукавные душегрейки как вид Одежды не закрепились, а для наименования соответствующей женской одежды употреблялись названия *телогрея*, *телогрейка*. Кроме того, влияла конкуренция со стороны более активного слова *нагрудник*. Активизация обозначений *душегрея* и *душегрейка* в русском языке происходит с середины XVIII в., тогда же они проникают и в украинский язык. Широко употреблялись эти слова в XIX в., а затем перешли в состав пассивной лексики.

Упоминавшееся уже слово *нагрудник* известно с XVII в. Его основное значение — «верхняя короткая наплечная одежда, без рукавов, иногда — с меховой подкладкой». Кроме того, оно могло обозначать передник, род украшения, разновидность панциря. В 1629 г. дочери царя Алексея Михайловича был «скроен нагрудник в тафте в червчатой в виницейке тафты пошло аршин три вершка да на простилик тринадцать золотников бумаги хлопчатой битой».

Зимой 1649 г. в московских торговых рядах был схвачен беглый холоп. Было «на нем, Данилке, платья: шуба баранья да нагрудник зенденинной». Нагрудники являлись комнатной одеждой, носили их люди всех сословий, известны в ту пору на северно-русской территории, в Москве, Туле, Разани. Есть основания считать слово *нагрудник* синонимом к слову *душегрея*.

В воронежских местах безрукавная короткополая одежда типа нагрудника в конце XVII в. получает наименование *безрукавка*: «Он Борис снял с меня сироты вашего курпячную безрукавку». Это слово в дальнейшем получило широкое распространение и вошло в современный русский литературный язык.

Таким образом, исконные названия короткой одежды относились главным образом к комнатной одежде, не имевшей рукавов. Короткая выходная (для улицы) одежда с рукавами пришла с Запада с новыми наименованиями, среди которых в XVII в. распространились слова с корнем *курт-*: *курта* — с 1615 г., *куртка* — с 1648 г., *куртишка* — с 1671 г. *Курта* — заимствование из латинского через польское посредство. Слова этого корневого гнезда были первоначально зафиксированы в письменности северо-западных и юго-западных областей (Великий Новгород, Валдай, Яблонов), а также в Москве. Кстати, в староукраинской письменности *куртка* отмечается еще раньше, с 1606 г. Во второй половине XVII в. эти слова встречаются на всей северно-русской территории и в Поволжье. Выходное короткое платье в ту пору, когда появляются первые упоминания о куртах — куртках, было еще запрещено моралью и бытовыми нормами эпохи, но уже появилось в царском быту. Дети царя Михаила Алексея и Иван и их стольники были одеты по новой моде. Активно зажило позже в языке и слово, ведь *курта* — название одежды для всех сословий, для мужчин и женщин. На русской почве от *курта* было образовано *куртка*, которое почти сразу утратило уменьшительный оттенок, поэтому вскоре появляется вторичное уменьшительное слово *куртишка*. Приведу такие примеры: в 1662 г. писано: «...дали ему платья курту суконную лазоревую да жупан», а в

1648 г. сказано: «...две куртки суконные красные снурки шелк с золотом». В 1671 г. используют другой вариант: «...куртишко суконное тмозеленое снурок шелковой ношеной». Сейчас *куртка* — литературное слово, но в западных и северно-русских говорах известно архаичное *курта* «кафтан, куртка, жакетка», как и в белорусском языке.

В конце XVII в. в русскую письменность проникает заимствованное из германских языков слово *бострок* — *бустрог*, которое в Москве обозначало полукафтан, короткую мужскую одежду, а в Воронеже — женскую короткую душегрейку, входящую в комплект с юбкой. В 1697 г. сторожам нового сержантского двора сделали «по бостроку суконному аглинскому». Бострошки были подложены полотном, а пуговицы нашиты оловянные, немецкие.

Итак, процесс отбора наиболее подходящего наименования для короткой верхней одежды, начавшийся в старорусский период, завершается «победой» слов *безрукавка* для одежды без рукавов и *куртка* — для одежды с рукавами. Остальные упомянутые здесь слова переходят в пассивный запас языка или сохраняются только в местных говорах.

Женские... подзатыльники

Женская одежда раньше была преимущественно распашной. Заметное своеобразие имела первая верхняя одежда, к которой относились летники и телогреи.

Летник — верхняя холодная, причем накладная одежда, надеваемая через голову. Отличался покроем рукава, который равнялся по длине всему летнику, а ширина его была равна половине длины. Сшивались рукава до половины. Вот описание старорусского летника, сделанное стольником П. Толстым в 1697 г.: «Дворяне носят верх-

ния одежды черныя ж, долгия, до самой земли и широкия и рука-ва зело долгие и широкие подобно тому, как прежде сего на Москве нашивал женский пол летники». Название *летник* зафиксировано в 1486 г. Оно имело общерусский характер, позднее *летник* как название общей для мужчин и женщин одежды появляется в северно-русских и южно-русских диалектах.

Поскольку летники не имели подкладки, то есть были холодной одеждой, их называли также *холодниками*. Женские ферязи — тоже холодники. В челобитной из Шуи 1621 г. читаем: «Жены моей пла́тья феряз холдник кинďяк желт да ферязи другие теплые кинďяк лазорев». Еще в XIX в. *холодниками* в ряде мест называли различные виды летней одежды из холста.

В описаниях быта царской семьи, относящихся ко второй четверти XVII в., несколько раз упомянута распашница — женская верхняя распашная одежда с подкладкой и пуговицами. Только наличием пуговиц она и отличалась от летника. Слово *распашница* появилось от необходимости в особом названии женской распашной одежды, поскольку мужскую называли *опашнем*. Старомосковское слово *опашница* тоже называло распашницу. Во второй половине XVII в. распашная одежда свободного покроя потеряла спрос у представительниц высшего сословия. Все эти названия перешли в разряд историзмов.

Теплую верхнюю женскую одежду чаще именовали *телогрея*, которая была комнатной, но подбивалась сукном или мехом. Телогреи мало отличались от опашней, их носили и мужчины. Эти меховые изделия не отличались от шуб: «Скроена государыне царице телогрея отлас цветной по нем травы куфтерные шолк червчат да светлозелен, длина шубе по передом 2 аршина». Так описано платье царицы в 1636 г. Телогреи длиной были короче шуб. Вообще в быт русского народа они вошли очень широко.

В национальный период — это женская теплая кофта, душегрейка. Женские шубы иногда называли *торлопами*, но в начале XVII в. *торлоп* заменяется более универсальным *шубка*.

Богатые меховые шубки короткого покроя, мода на которые пришла из-за рубежа, именовались *кортельями*. Кортели часто давали в приданое. Вот как они описываются в рядной о приданом 1514 г.: «На девке пла́тья: кортель кунеи с вошвою семь рублей, кортель белей хребтов полтретя рубли да кортель черева бельи с тафтою и вошвою». К середине XVII в. кортели вышли из моды, а название перешло в разряд архаизмов.

История слова *кодман* начинается с XII в. Кодман был женской одеждой, особенно распространенной на юге. В актах Воронежской приказной избы за 1695 г. описывается юмористическая ситуация, когда в кодман нарядился мужчина: «В катером де дни приходил наряясь в женской в кодман и он пра то Василии не упомнит а котмон де надевал для шутки». Кодман был похож на накидку, которую носили в рязанских и тульских селах до революции.

А когда появились «старомодные ветхие шушуны», о которых упоминает в своих стихах Сергей Есенин? В письменности слово *шушун* отмечается с 1585 г., предполагается его финское происхождение. Шушун — женская одежда из ткани, иногда подбитая мехом, известны были: «шушун лазорев да шушун кошечей женской»; «зачинной шушун под ветошкою и тот шушун сестре моей»; «да шушуненко теплое зачинное ветхое». Шушун, говоря иначе, это северно-русская телогрея. Первоначально слово употреблялось только в восточной части северо-русской территории (Подвилье, Вага, Великий Устюг, Тотьма, Вологда), было представлено также в Зауралье и Сибири. В национальный период распространяется к югу до Рязани, к западу до Новгорода, проникает даже в белорусский язык.

У поляков были заимствованы *ката́нки* — верхняя короткая одежда из шерстяной ткани, которую чаще носили женщины. Это тип телогрейки. В них ходили некоторое время в Москве, но закрепилась эта одежда только в тульских и смоленских местах. Пошивали ее из овчины, покрывали сверху сукном.

Среди головных уборов необходимо различать женские платки, девичьи ленты и венцы, уборы, развившиеся из платков, уборы типа чепцов и шапочек.

Плат — таково основное название женского платка в старое время. В ряде современных говоров оно сохраняется до наших дней. Уже в XVII в. известно и название *платок*. Вот как выглядел весь комплект головных уборов: «А грабежом с нее сорвала треух низаной с соболями, цена пятнадцать рублей, кокошник лудановой осиновой золотной с зернами жемчужными, цена семь рублей, да платок рубковой шит золотом, цена рубль». Цитата взята из московского судного дела за 1676 г.

Платки, входившие в комнатный или летний наряд, называли *убру́сами*. Слово *убрус* — от *брұснуть, брысать*, то есть тереть. Одежда модниц в Московской Руси выглядела очень красочно, что подтверждает список «Домостроя» XVII в.: «На всех летники желтые и шубки червчаты, в убрусе, с ожерели бобровыми, а в зиме в каптурах».

Ширинка — другое название головного платка. А вот *повой* известен в донациональный период очень мало, хотя позднее от этого слова развивается общезвестное *повойник*.

С XV в. русские знакомы со словом *фата*. *Фата* — арабское заимствование, первоначально оно обозначало любое покрывало на голову. Затем развивается его нынешнее значение «накидка невесты», вот одно из первых употреблений слова в этом значении,

взятое из описания свадьбы князя Василия Ивановича, которая была в 1526 г.: «Великой княжне голову почешут и на княжну кику возложат, и фату навесят».

Девичий наряд отличали повязки, которые оставляли открытой макушку (женщины же покрывали все волосы). Разными были эти уборы. Одни — из простых матерчатых лоскутков, другие напоминали необычный обруч. Основное название такое: *перевязка* (1637 г.). Носили ее повсеместно: в царских дворцах и крестьянских избах. Наряд крестьянской девушки в XVII в. состоял из следующих предметов: «На девке Аньотке платья: кафтанишко зеленою суконной, телогрея крашенинная лазорева, перевязка шита золотом». Перечень этот приводится в записи допроса беглых холопов от 1649 г., сделанной в Москве. Постепенно название это выходит из употребления. Наиболее долго оно сохранялось в наших северных местах, как и сам головной убор.

Повязки — девичьи головные ленты, как и перевязки. Название *повязка* было распространено меньше, лишь в районе от Тихвина до Москвы. В конце XVIII в. так называли ленты, которые носили сельские девушки. На юге употреблялось название *связки*.

По внешнему виду и по назначению близок к повязке *венец*. Это нарядный девичий головной убор в виде широкого обруча, расшитого и украшенного жемчугом, бисером, мишурой, золотой нитью. Нарядная передняя часть его носила название *переденка*, иногда так именовали и весь венец.

У замужних женщин были закрытые головные уборы. Например, покрывало в сочетании с древними славянскими «оберегами» в виде рогов, гребней — это *кика*. *Кика, кичка* — славянское слово с первым значением « волосы, коса, вихор ». *Кикой* называли только венчальный убор, что видно, например, из описания царской свадьбы, которая была в 1526 г.: «Великому князю и княжне голову почешут, а на княжну кику положат и покров навесят». Кичка — повседневный убор, который носили главным образом женщины южно-русской территории. Разновидность кики с лентами называлась *снуром*. Известен в Воронеже, Рязани и Москве.

История слова *кокошник* (от *кокошь* — «петух»), судя по письменным источникам, начинается во второй половине XVII в. Кокошник был общесословным головным убором, носили его в городах и деревнях, особенно на Севере.

Кики и кокошник имели... *подзатыльники* — задки в виде широких сборок, покрывающих затылок. Их любили северянки, а южанки обходились зачастую и без них.

Вместе с кичкой носили *сороку* (шапочку с узлом назад), но на Севере она распространена меньше. Ее при необходимости заменял кокошник.

В северо-восточных краях кокошники были своеобразны. Их называли *шамшурами*. В росписи имущества Строгановых, составленной в Сольвычегодске в 1620 г., находим такое описание: «Шамшура шита золотом по белой земле, очелье шито золотом и серебром; шамшура плетеная».

Нарядный девичий или женский головной убор — *головодец* — представлял собой высокий овальный формы убор с открытым верхом. Делался из нескольких слоев бересты и обтягивался вышитой тканью. В вологодских деревнях головодцы могли быть свадебными уборами невест.

Различные шапочки под платки, под кички носили только замужние женщины, особенно на северо-русской территории и в средней России, где климатические условия и нравственные требования суровее, чем на юге. Напомним, что замужней женщине полагалось полностью покрывать волосы.

После венчания на женщину надевали *подубрусник*. «Да на четвертом блюде положити кика, да под кикою положити подзатыльник, да подубрусник, да волосник, да покрывало», — читаем в «Домострое» XVI в. Сравним с этими словами такую ситуацию, описанную в 1662 г.: «Он же, Симеон, велел, со всех жон с роботниц подубрусники снять и простоволосыми ходить, девками, потому что де у них законных мужей не бывало». Подубрусники часто упоминаются в описях имущества горожан и богатых жителей села, но в XVIII в. квалифицируются «Словарем Академии Российской» как тип пристонародного женского головного убора.

На севере чаще, чем на юге, встречается *волосник* — шапочка из ткани или вязаная, под платок или шапку. Слово упоминается с последней четверти XVI в. Вот несколько примеров: «Меня Марьицу во дворе у себя бил по ушам и окосматил, и ограбил, а грабежом у меня з головы схватил шапку да волосник золотой да шелком вязан, обшивка жемчужная». Запись эта сделана в Великом Устюге в 1631 г. От кокошника волосник отличался меньшей высотой, он плотно облегал голову. Уже в XVII в. этот убор носили лишь сельские женщины. Снизу подшивали расшитый круг из плотной ткани — *ошивку*. Волосник иногда даже назывался *ошивкой*, которая являлась самой роскошной и видной частью убора. Приведем два описания волосника: «Да жены моей два волосника золотных, у одного ошивка

жемчужная, у другова ошивка шита золотом»; «ошивка с волосником жемчужная с канителью».

Во второй половине XVII в. в среднерусских источниках наряду со словом *ошивка* начинает употребляться слово *сетка*, что свидетельствует об изменении вида шапочек, надеваемых на волосы. Она стала употребляться как единое целое с пришиваемым снизу плотным кругом и получила название *отшивка*. Волосник же по-прежнему сохраняется на северно-русской территории.

Таким образом, подубруски в донациональный период чаще носили в городе, волосники — в селе. *Ошивка* и *волосник* — два синонимичные названия.

Шитая комнатная шапочка у знатных женщин называлась *чепец* (XV в.).

Из татарского языка заимствовано название *тафья*. Тафья — шапочка татарского образца, надеваемая под шапку. Впервые упоминание о ней находим в тексте 1543 г. Первоначально ношение тафей яростно осуждалось церковью, поскольку тафьи не снимали в церкви. Но они все-таки вошли в обычай царского двора и в быт феодальной знати. Со второй половины XVII в. их носят и женщины.

Все упомянутые головные уборы женщины носили преимущественно дома, а также летом на улице. В зимнее время наряжалась в меховые шапки самого различного вида из разнообразных мехов. Верх — обязательно ярко-цветной. Словом, утеплялись сразу в несколько платков и шапок. А о них рассказ дальше...

Про Сенькину шапку

«**П**о Сеньке и шапка», «Каков Пахом, такова и шапка на нем» — утверждают пословицы. Выходит, каждому человеку подходил свой головной убор, то есть простой мужик никак не мог появиться в дорогой меховой шапке. Да что говорить, при их выборе учитывались куда более «тонкие» детали: чем мирянин занимался, какого он происхождения да где проживал. При таком разграничении у каждого головного убора было свое название.

Более того, в Московской Руси общепринятого родового названия не существовало. В деловой письменности в этой роли выступает слово *шапка*, а в

книжных текстах употреблялось наименование *платье*. Дело в том, что названия головных уборов не были обособлены в такой степени, как сейчас, от остальных названий одежды. Выражение *головной убор* появляется лишь в первой половине XVIII в.

В зависимости от фасона и назначения головных уборов их названия в старорусском языке делились на несколько групп: женские полотенечные покрывала и платки, девичьи ленты и венцы, женские уборы из платков, чепцы и шапочки. И шапки. Об истории последней группы слов, называвших преимущественно мужские уборы, и рассказывается здесь.

Шапка в Московской Руси была самым популярным головным убором. Сам тип его был заимствован русскими у других народов, часто вместе с соответствующими названиями. В связи с этим приведем любопытный пример из московского летописца 1630—1640 гг.: «А послы розных земель стояли коиждо под своим знаменем: государевы московские послы знамя колпак, турские земли знамя чолма, цесарские земли знамя шапка римская, польская земля знамя магирка, скейское знамя шляпа». Всякому послу — своя «голова».

Слово *шапка* фиксируется в XIII в., впервые оно отмечается в новгородской берестяной грамоте № 141: «А Гришки кожюхе свита сорочица шяпка». Первоначально это слово могло иметь местный характер. Кстати, Великий Новгород в старые времена славился шапочным промыслом, здесь одновременно работали до 100 шапочников и даже учились мастера из других мест. *Шапка* — это название мехового головного убора для мужчин и женщин всех возрастов. «Шапка потребна и жене и мужу», — читаем в «Букваре» Кариона Истомина, напечатанном в 1694 г. В письменных источниках упоминаются шапки мужские, женские, девичьи, «робячии», «дитячии». Можно встретить указание на сезонное их назначение и качество подкладки: шапка студеная, теплая; указывается также и назначение: шапка ходильная, ездовая, спальная; отмечаются особенности покроя: круглая, низкая, кумыкская, польская, тунгусская, черкасская.

Слово *шапка* возникло в русском языке из французского заимствования *шап*, *шала*, хотя высказывается предположение и о тюркском происхождении этого слова. В текстах XVII в. наряду с распространенным *шапка* употреблялись еще *шап*, *шала*, которые можно считать исторически первоначальными для *шапка* (*шап-ка* с первоначальным уменьшительным значением, которое вскоре исчезает): «Явил новгородец Ануфреи Артемьев сын 110 шап муских»; «Михаила шапки мне не отдал начюи де здеся са мною, так де и шап твою отдам». Примеры эти взяты из исторических источников XVII в.

В XVII в. охотно носится шапка с тремя лопастями — *треух*, это название впервые упоминается в описи имущества Михаила Татищева 1608 г.: «...треух рысей сукно вишнево, ветчан, цена 10 алтын». Слово *треух* как имя собственное известно по расходной книге Болдин-Дорогобужского монастыря с 1598 г. Треухи получили общерусское признание, хотя приверженцы старых обычаев осуждали их ношение. Например, известный протопоп Аввакум в 1671 г. выговаривал своей стороннице боярыне Морозовой: «Да не носи себе треухов тех, сделай шапку, чтоб и рожу-то всю закрыли, а то беда на меня твои треухи-те». Этот головной убор носили мужчины и женщины, причем независимо от социального положения. Они упоминаются в описях имущества знатных бояр, обычны они и в одежде простолюдинов, поэтому слово *треух* широко и быстро закрепилось в общерусском употреблении.

Треухи изредка использовали как подшлемники. Такие уборы получали второе название — *наушники*. Упоминаются в описи имущества Голицыных 1689 г.: «...два наушника по обяри шиты шелками, на собольих пупках, цена 10 алт.». Со слова *наушник* началось развитие целого гнезда однокоренных слов, в том числе и широко известного в наши дни *ушанка*.

Высокая меховая шапка или колпак с круглым верхом, входившие в царский наряд, назывались *столбуном*. Правда, это название встречено всего один раз в духовной князя Дмитрия Ивановича 1509 г.: «А саженово моего платья: колпак столбун полици сажены жемчугом». Похожий головной убор с высоким цилиндрическим верхом, который носили бояре, имел название *шапка горлатная*. Небольшие шапочки с высоким верхом — *столбунцы* — надевали девушки и девочки-подростки, но, как правило, в богатых семьях. Вероятнее всего, именно это и повлияло на скорый выход из активного употребления всех этих слов.

Все времена на Руси в каждой местности были свои типы шапок и свои названия для них. На востоке южно-русской территории часто употреблялось наименование *вершень* — мужская шапка из сукна вишневого цвета, отороченная мерлушки. Там же зафиксировано слово *трухмен*: «...шапка из смушки, с круглым верхом, узкая». Близко к нему по структуре *шепень* — видоизмененное от *шап*: «А на нем платья: зипун, рукавицы, шепень черлена на лисице». Это описание взято из записи допроса беглых холопов, сделанной в 1620 г. В Сибири местная разновидность меховых мужских шапок с наушниками и задником до плеч называлась *малахай*. Слово заим-

ствовано из монгольского языка и первоначально известно лишь в текстах, связанных с Томском и Якутском. Наш земляк Ерофей Хабаров в 1652 г. писал из Якутска об одежде и обычаях местного населения: «У того мужика богдойского платье на нем камчатое все и на голове у него малахай соболей». В наши дни слово наиболее широко известно в северно-русских и сибирских говорах как название меховой шапки с широкими наушниками и задником до плеч, а также верхней широкой одежды.

Меховые шапки черного цвета и особого покроя назывались *мурманки*. История этого простого названия пока не изучена, связывать его прямо с географическим термином Мурман вряд ли возможно. Некоторый свет на происхождение слова проливает одно замечание в русско-немецком разговорнике, составленном в Пскове в 1607 г.: «...лисицы-морманки—с нацветом лисицы». В описи теплого платья знатных людей Строгановых, составленной в 1627 г. в Сольвычегодске, читаем: «...2 шапки мурманки лисицы черные». Может быть, вначале *мурманка* обозначало «черно-бурая лисица», а затем приобрело значение «шапка из меха темно-буровой лисицы, шапка из темного меха». Позднее *шапка мурманка* встречается в фольклорных произведениях.

Среди названий меховых головных уборов были и иноязычные заимствования, но лишь некоторые из них получили широкое распространение. Большинство подобных слов употреблялось на русских окраинах, в зонах непосредственных контактов с иноязычными народами. Так, тюркское по происхождению слово *курлек* «смушка, овчина» эпизодически употреблялось как название шапки из овчины, в частности, и на Русском Севере, что доказывает опись имущества Кирилло-Белозерского монастыря за 1699 г.: «...шапка червчата с соболем, другой курлек вишневой пух овчинной». Приведу описание головного убора крестьянина, сделанное в Москве в 1673 г.: «Микитка Родионов... шапка на нем курлечик вершек белой». Первое употребление слова *курли* в перечне названий головных уборов обнаружено нами в уже упоминавшемся русско-немецком разговорнике 1607 г. Судьба этого слова позволяет понаблюдать за процессом формирования значений у слова вообще. Оказывается, в языке тоже ведется проба материала, своеобразный эксперимент, который осуществляется коллективными усилиями всех, пользующихся данным языком. Попытка создать особое название шапок из смушки путем переноса слова-наименования с материала на изделие из этого материала в данном случае не удалось: слово *курлек* не смогло ото-

рваться от родового названия *шапка* и употреблялось только в сочетании *шапка курлек* как конкретизатор, уточнитель родового обозначения, а *шапка* в свою очередь устранило двусмысленность в значении лексемы *курлек*. Дальнейшего продолжения в истории языка *курлек* «шапка» не имело.

Не нашло широкого распространения в языке слово *кучма* «меховая шапка, ушанка», наблюдаемое в письменных источниках с XV в. Известно, что соболью кучму с золотой запоной носил Борис Годунов. В XIX в. *кучма* считалось стариным названием крестьянской шапки, а теперь вообще не употребляется. Зато в белорусском и польском языках оно известно несколько шире.

Из названий мужских головных уборов общерусским являлось слово *колпак* «остроконечная шапка с подкладкой и отворотами», которое усвоено из тюркских языков. Самые первые случаи его употребления относятся к XV в. и характеризуют одежду иностранцев, как, например, в сказании «О человечех незнаемых в восточной стране»: «А коли ядят и они крошат мясо или рыбу да кладут под колпак или под шапку». Колпаки были вторым головным убором, их надевали на комнатные шапочки — тафейки, а поверх колпака иногда водружали горлатную шапку с высоким верхом. Свидетельства такого рода обнаруживаем в челобитных и явках о грабежах, как, например, в такой записи, сделанной в Москве в 1543 г.: «А грабежу у него взяли... сняли колпак да шапку черну да тафью камчату». Шапка и колпак внешне различались, а функционально дополняли друг друга, поэтому состоятельные люди носили шапку и колпак одновременно, а бедные — какой-либо один убор. Неразлучность известной пары Фомы и Еремы из «Повести о Фоме и Ереме», сочиненной не позднее XVII в., как раз в том и состоит, что на двоих у них есть то, что положено иметь одному человеку: «На Ереме зипун, на Фоме каftан, на Ереме шапка, на Фоме колпак».

Головной убор, аналогичный колпаку, в западной части южно-русской территории получил название *мегерка*, известное также в старобелорусском и старопольском языках и часто употребляемое в сочетании *магерка литовская*. «Выехали из деревни человек с пятнадцать, а на них магирки литовские, а почали им говорить по-литовски», — свидетельствуют акты Московского государства 1890 г. «Куплено в казну магирка литовская на голову», — помечено в приходно-расходной книге Свирского монастыря за 1658 г. В национальный период магирка «род кол-

пака без кисти, валяная белая шапка» употребляется в западных районах России.

К названиям колпаков принадлежит и *шлык* «высокий колпак из меха или ткани, носимый поверх шапки». Фактически *шлык* и колпак — это одно и то же, но слово *шлык* вошло в русский язык позднее, лишь со второй половины XVI в., поэтому оно и не получило столь широкого распространения. Вначале *шлык* обозначало «часть головного убора, подзатыльник», а в XVII в. *шлык* «колпак» уже встречается в описаниях одежды иностранцев. Сравним два значения этого слова в старых русских текстах: «...шапка авчинная без шлыка»; «...шлык немецкой, дороги зелены, стеган».

Судьба слова *шлык* выглядит так: в середине XVI в. оно было заимствовано русским языком из старобелорусского и старопольского (кстати, в старопольских текстах оно отмечается с 1325 г.), причем непосредственно в форме *шлык*, а не *башлык*, как это иногда предполагают. *Башлык* отмечается в русском языке несколько позже и лишь как имя собственное: Башлык Леонтьевич Кокорев (1566 г.). Нарицательное *башлык* известно лишь в первой трети XIX в., а *шлык* «шапка, чепец, колпак» в то время уже популярно по всей России.

В описаниях царских нарядов в старомосковский период было отмечено тюркское слово *науруз*, которое обозначало головной убор с полями, украшенный оригинальными пуговицами и кистями. Такой убор носил царь Иван Грозный. Во второй половине XVII в. тот же предмет называется *мурмолкой*, но и слово *мурмолка* употребляется также очень редко.

Слово *шляпа*, которым называли общий для мужчин и женщин головной убор, фиксируется с 1565 г.: «...дочери моей княжне Огрофене приданые... снур сажен жемчугом на шляпу». Этот пример взят из духовной грамоты князя Оболенского. Слово заимствовано из немецкого языка, причем вместе с соответствующим предметом; в текстах часто упоминаются немецкие шляпы. Любопытно, что, став общерусским, слово *шляпа* не стало общеупотребительным в жанрово-стилевом отношении. Оно так и не проникло в традиционные книжные жанры, зато свободно употреблялось в живой речи, деловой письменности и в художественных текстах демократического содержания.

Для именования мужских головных повязок нерусских народов в русском языке использовались два способа: развитие новых значений у исконных слов (*завой* «головной убор вообще», *завой* «головной убор восточных народов, тюрбан, чалма») и заимствова-

ние иноязычных слов (*чалма, феска*). Первый способ был характерен для книжной письменности, второй — для живой речи и деловых текстов.

С языческих времен на Руси существовал обычай «ряжения». В наряд ряженых и скоморохов, кроме прочей одежды, входили маски, которые имели свои названия. Позднее русские знакомятся с иноземным обычаем карнавалов и маскарадов и усваивают несколько иноязычных наименований масок. Таким образом, некоторое время существовали как свои, исконные, так и заимствованные названия для масок. Особенно в XVII в. Первоначально были известны латинское заимствование *скураты* и собственно русское *личина*. В описании русского посольства во Флоренцию 1659 г. читаем: «Мужи и жены честные и дети ходят все в скуратах, сиречь в личинах всяких цветов». Непростой была и история слова *маска*. Вначале оно известно как *мошкара* — *мышкарь*, более характерное для польского языка, усвоившего в свою очередь это наименование из итальянского. Князь Андрей Курбский в «Истории о великом князе Московском» писал о русских обычаях той поры: «Упившия начал и с скоморохами в машках плясати...и взявши машкару (*скурату або — личину*) класти начал на лице его». В то же время известно и русское соответствие *харя* (из *ухаря* — от слова *ухо*). Вот пример из текста XVII в.: «Поде испроси у некоего мышкарь а по нашему харю с великою седою брадою». Столыпин П. А. Толстой, побывавший в 1698 г. в Венеции, так описывал свои впечатления от посещения оперы: «В Венеции приходят в те оперы множество людей в машках, по-славянски в харях, чтоб никто никого не познавал». Борьба наименований *харя* и *мошкара* — *мышкарь* — *машера* завершается в национальный период формированием на иноязычной основе слова *маска*.

Возвращаясь к известной пословице «По Сеньке и шапка», впервые зафиксированной в русской письменности еще в XVII в., можно сказать, что у Сеньки из пословицы был богатый выбор головных уборов, но имущественные возможности позволяли ему в будние дни носить войлочный колпак и шапку из овчины, а в праздники веселиться в кругу со скоморохами, надев ярко разрисованную харю. Богаче одевался боярин Семен Иванович: он носил зимой соболью шапку, а под ней теплый колпак, летом — пуховую шляпу, а дома отдыхал в нарядно расшитой тафейке.

Рукавицы — варягам родные сестры

Распространенность того или иного предмета одежды на разных территориях Русского государства была неодинаковой. А вот рукавицы использовались во всех областях России. Приведем свидетельство на этот счет грека П. Аллепского, путешествовавшего по России в 1596 г.: «Русские не снимают с рук больших вязаных из шерсти перчаток с мехом, обтянутых кожей, согревающих, как огонь, зимою, в которых они исполняют все свои работы, даже достают воду и исполняют иные службы. Летом же носят перчатки из кожи и в них работают, чтоб не повредить рук».

Действительно, рукавицы использовались и на уборке урожая в страду, и при разделке дров, и во время выполнения кузнецких работ, и при солке рыбы. Их даже брали в парную, чтобы легче было переносить жар.

Материал же, который шел на рукавицы, и способ их изготовления в каждом районе были своими. Так, например, на Севере больше применялись шерсть, шкуры пушных зверей, что прежде всего сказывалось на разнообразии названий. Нашим предкам был знакомы рукавицы: дубленые — дубленицы, вязаные — вязаницы, голые — голицы, шубные — шубницы. Всего же в русском языке, судя по показаниям письменных источников, уже в московский период употреблялось свыше пятидесяти названий более чем от двадцати корней.

Наиболее древнее из них — *рукавица* — известно с XIII в., но, по археологическим данным, кожаные использовались в Новгороде даже с X в. Любопытно, что само это название — единственное в своей группе употреблявшееся свободно во всех видах старорусской письменности: деловых текстах, летописях, художественных произведениях. Уменьшительное обозначение *рукавки* с одинаковым успехом могло обозначать рукавицы или муфту. Впрочем, муфту в те времена называли даже *рукавом*: «Рукавка шита по белому отласу золотом и серебром, и тое рукавку взяли ко государю» (начало XVII в.); «Велено ему купить камки на архимандричий рукав» (1638 г.).

Особенно были распространены вязаные рукавицы — вязаницы, которые на юге называли еще *везенками*, а в Белозерье — *везяниками*.

Кожаные рукавицы, не обшитые тканью, не имеющие меха, — *голицы*. Это тоже очень распространенное общерусское название, которое стало известно с начала XVI в., но вначале как имя собственное: Михаил Иванович Голица Куракин. Лишь во второй половине XVII в. находим упоминание о *голицах* в южно-русских текстах. Причем в таможенных книгах г. Вязьмы чаще их называют *рукавицы голье*.

Зато *вареги* возникло и употреблялось чаще на Севере, хотя *варги* знали в Воронеже, а *варги* — в Кашире. Долгое время считали, что название *вареги* — от сочетания *варяжские рукавицы* или от глагола *варити* «сохранять, беречь, защищать». Профессор В. Я. Дерягин предложил другое объяснение: *вареги* — от *варить* «кипятить, обваривать», ведь связанные рукавицы опускали в кипящую воду, отчего они становились прочнее. Не случайно в говорах есть и слово *варенга*.

Весьма похожее на него *вачега* имеет другое происхождение и другое значение. Оно пришло из языка лопарей и саамов, живших на Кольском полуострове, и обозначало суконные шитые рукавицы. Как в старину, так и сейчас известно лишь на Севере. Из языка северян оно проникло в профессиональную речь металлургов, которые *вачегами* называют свои грубые рабочие рукавицы.

На Севере привыкли носить сразу по две пары рукавиц: вязаные нижние и суконные (или кожаные) верхние. Верхние назывались: *верхи*, *верхоньки*, *верхницы*, позднее к ним присоединяется воронежское *вершки*. Русские в Сибири иногда прятали руки и в три пары: сначала надевали шерстяные исподки, на них — меховые рукавицы, а сверху — голые, кожаные. Слово *верхницы* проникло к югу до Белева и Волоколамска, такую же территорию «занимают» и *исподки*. «Дано испотыки новые под рукавицы верхницы волчьи» (1688); «Купили старцу Павлу рукавицы верхи с ысподками» (1607); «Купил рукавицы себе старец Иосиф верхницы и с ысподками» (1615). *Исподкой* в северно-русских местах могли называть также внутреннюю, пришитую к верхней оболочке часть рукавиц. В Тарноге исподние рукавицы именовали раньше *исподницами*.

С Новгородчины пришло в наши края слово *деяница*, которое тоже обозначало вязаную шерстяную исподнюю рукавицу. В расходной книге Свирского монастыря за 1631 г. сообщается: «Дано деяничнику найму от вязенъя деяниц 14 алтын». *Деяница* — от *деяти*, *деть*, то есть *поместить*.

На реке Онеге и по Двине употреблялось также слово *дельницы* — от *дель* «нитка для вязания». В тех же местах, от Свирь до Двины, употребляется и название *деяльницы*, образованное в результате взаимодействия *дельницы* и *деяницы*.

Несомненно, северно-русскими следует признать слова *дубленицы* и *дубленки*: «рукавицы дубленицы», «верхонки дубленицы», «рукавицы дубленки». Они фиксируются в письменности второй половины XVII в. А вот *шубницы* известно с 1578 г. Но это слово так и осталось только в северно-русском наречии.

Общаясь с северными аборигенами, русские усвоили от них названия *камас* «шкура с оленьих ног» и *ровдуга* «выделанная оленья шкура», отсюда возникли слова *камошницы* — рукавицы из камасов и *ровдужницы* — верхние рукавицы из ровдуги.

По особенностям изготовления называют вязаные исподние рукавицы в Белозерске и Пошехонье — *плетеницы*. А вот слово *надолонки* восходит от старинного обозначения ладони — *долонь*. *Надолонками* на довольно большой территории от берега Белого моря до Вологды и от Устюга до Старой Руссы называли верхние рабочие рукавицы, которые имели на ладонной части кожаную нашивку. В платяной книге Антониев-Сийского монастыря за 1686 г. записано: «Даны ему верхонки надолонки февраля в 11 день; ему же даны рукавицы надолонки да исподки новые».

Названия, производные от корня *перст* (*перстянки*, *перстяницы*, *персницы*, *перчатки*), можно было услышать в древности в основном в западной части северно-русской территории. В старорусских текстах находим немало свидетельств того, что *перстянка*, *перстяница* возникли из выражения *перстятая рукавица*. Наиболее древнее в этом ряду слово *перстятица* зафиксировано в Псковской третьей летописи по списку, относящемуся к 60-м годам XVI в. В говоре псковичей, судя по данным разговорников, *перстяница* и *перстянка* употреблялись вполне свободно. Персницы отмечены среди привозных товаров в таможенной книге Сольвычегодска за 1635 г.: «Микитка Шашков явил товару 13 кож аленьих б-ры рукавицы персницы». Все эти слова называли рукавицы, имеющие мешочки для пальцев.

Современное *перчатки* впервые употреблено в курском документе 1620 г., а также в смоленских текстах второй половины XVII в. Оно неоднократно включалось в словари XVIII в. Возможно, сам тип этих рукавиц был заимствован у западноевропейцев. Первое упоминание о персчатых — першатых рукавицах встречается в договоре Смоленска с Ригою 1229 г.: «Дати им тивуну волочьскому рукавице пърстаты готьские».

Рыбаки работали в *водяницах*, то есть в кожаных промысловых рукавицах. Это белозерское название до сих пор известно местным говорам.

Из татарского языка усвоено в ряде мест слово *биле* или *билий*. Встречалось оно редко. А вот слово *манька* имело большее хождение, да и судьба его своеобразна. Оно усвоено из латинского языка через немецкое посредство, обозначало муфту. В разговорнике 1696 г. приводится такая фраза: «Есть ли у тебя пара соболей на женьскую маньку?» Вообще в русских текстах встречается со второй половины XVII в., а в XVIII в. попадает в словари. В «Словаре Академии Российской» дается следующая квалификация: «Манька — слово низкое, значит женскую муфту». До XIX в. название *манька* соперничало со словом *рукав* в значении «муфта», а уже в XVIII в. появляется иноязычное заимствование *муфта*, завоевавшее общее признание. Правда, слово *манька* известно и сейчас в вологодских, псковских, тверских, ярославских и владимирских говорах.

В заключение напомню хронологию формирования данной группы обозначений. В памятниках древнерусского периода до XVI в. зафиксировано только слово *рукавица*. К XVI в. относятся упоминания о *перстнице*, *голице*, *вареге*, *верхнице*, *деннице*, *шубнице*, *делянице*, *вязенице*, *верхонке*, *везонке*, *вачеге*. Остальные названия отмечены лишь в текстах XVII в. Но здесь надо учесть, что малозначимость самого предмета (*рукавицы* — все же не шуба) обусловила редкое употребление названий *рукавиц*, причем только в деловых текстах. А памятники такого рода представлены в основном со второй половины XVI в. Поэтому основная масса названий и фиксируется с этого времени, хотя вполне вероятно их употребление и в более ранний период. Формирование всей группы названий завершилось в донациональный период. После XVII в. появилось лишь слово *варежка*.

«Каков женишок, таков и сапожок»

Слово *обувь* знакомо всем славянским языкам и в русской письменности известно по самым древним текстам. Оно обозначало самые разные типы изделий, надеваемых на ноги, и даже служило счетной единицей при перечислении обуви. Так, в Устюжской таможенной книге за 1650 г. записано: «...65 обувей сапог телятинных больших да малья пятеры обуви». В Тверской таможенной книге 1675 г. по обуви считали и другие предметы: «Явил уломец Петр Тимофеев тысячию обувей сох с присошками... пятдесят обувей сапогов».

Вторым по частоте употребления в старом русском языке было слово *обутка* или *обуток*. И прежде всего в северных местах. В одной вологодской челобитной за 1645 г. рассказывается о несчастной доле женщины, выданной замуж в дальнюю деревню: «Тот Лазарь и свекор ея Григорей не кормят хлебом и одежи и обутки на нея не кладут. А нынечи тот ея муж Лазарь сшел бывестно и хлеба и соли и одежи и обуви на нея не оставил».

Важское *обувок* и северо-восточное *обуй*, *обуя* — из разговорной речи. В книжной же встречались наименования *обувение*, *обутель*, *обуща*.

Детскую обувь малых размеров на Севере называли *малье*. А вот у других размеров такого специального слова не было.

Лапти — обувь, плетенная из коры деревьев. Упоминание о лаптниках, то есть о людях, которые их носили, встречается в «Повести временных лет» под 985 г. Значит, можно предположить, что слово это появилось в древнерусский период, хотя в текстах *лаптъ* фиксируется с XIV в. Значение лаптей для крестьян и работного люда России часто преувеличивается, хотя их действительно носили в московский период на всей русской территории.

По материалу они делились на лычные и липовые, по размеру — на малые и большие. А как изготавлялись? Об этом пословицы рассказывают: «Аз не вяз и содрав лыко не сплести лаптей»; «Лапти сплел да и концы склонил»; «Кошира в рогожи нас обшила, а Тула в лапти обула». Лапти были рабочей обувью, только крайняя бедность принуждала носить их постоянно. Поэтому в письменности сапоги выступают как символ обеспеченности, а лапти — знак бедности, как, например, в челобитной из Калуги за XVII век: «Ужо де здесь и иконник станет лапти плести и я то вижу над собою что ис сапогов в лапти обуваюсь». Или вот выдержка из посольской речи, записанной в 1656 г.: «Похотят великому государю служить, и им де всем будет ходить в лаптах и в онучах, а будет де они похотят служить крымскому хану, и они де учнут носить платье цветное и ходить в сафьяновых сапогах». «А ты, душа, много ли имеешь при них? Разве мешок да горшок, а третье — лапти на ногах», — сказано в Житии протопопа Аввакума. Выражение «отец твой лаптем щи хлебал» по указу о бесчестьях 1700 г. считалось в ту пору одним из самых сильных оскорблений.

В Сольвычегодске для обозначения пары лаптей употреблялось сочетание *лапти дружки*.

Лыченицы, упомянутые в «Молении Даниила Заточника», тоже лапти: «Лучше бы ми ноги своя видети в лыченицы в дому твоем

нежели в черлене сапозе в боярствем дворе». Известный историк языка Ф. П. Филин считал, что это название пришло в наш язык из польского.

Лапти, сплетенные из конского волоса, назывались *волосяники*, их носили в Тихвине, Вологде, Ярославле, но делали их исключительно в Ярославле. Правда, в XIX в. волосяники стали носить и в других местах.

Берестяники плели из бересты. Может быть, они впервые появились в Вологде? Само название известно только по вологодским приходно-расходным книгам 1664—1665 гг.: «Купил три кошеля сенных да трои ступни берестеников дал два алтына»; «Купил лаптей берестеников тритцетеры». Зато в национальный период замечены в вятских, ярославских, владимирских, псковских и смоленских деревнях. В Костроме славились свои, изготовленные по особой технологии: пятерики и шестерики.

Факты говорят о том, что в старорусский период по сравнению с более поздним временем в ходу было немного названий лаптей, что косвенно свидетельствует о меньшей значимости в тот период этой обуви. Аналогичный вывод на основе результатов археологических раскопок делают А. В. Арциховский и М. М. Громов. Лаптей найдено всего-то несколько штук, а вот кожаной обуви — тысячи и тысячи.

Чем же вызвана острая потребность в лаптях, скажем, в начале нашего столетия? Нуждой! Неравенство в крестьянской среде, обнищание русской деревни нарастали. Чуть беднее человек — не носить ему дорогой добротной обуви. А лапти плести — привычное дело для крестьянина. Вот и появлялись у него обутки из одного сырья — лыка. Самая дешевая обувь из рабочей превратилась в повседневную, а в центральных промышленных и черноземных областях — даже в праздничную и обрядовую.

Специалисты вообще отмечают в XIX — начале XX вв. значительное число разновидностей лаптей. Например, на Вологодчине были известны липовики, шоптаники, ошеметки, востроносики, тупоносики, упаки.

Самой многочисленной находкой после керамики на раскопках в Новгороде являются изделия из кожи. Среди них — обувь разнообразных моделей, в том числе и сапоги. Не только в городах, но и в деревнях почти все древнерусское население уже было обуто в кожу. Слово *сапог* зафиксировано в древнейших русских текстах; оно, как считают, заимствовано из иранских языков.

Шили сапоги разные по форме, но долгое время — на одну колодку. Кривые и полукривые (то есть отдельные для левой и пра-

вой ноги), да еще украшенные подвязками, носили только женщины. Если подобные сапоги или башмаки обували мужчины, это вызывало всеобщее осуждение: «Тот дьяк живет не по монастырскому чину: ходит в церков в кривых башмаках а сапоги носит с подвязки». Эта цитата взята из члобитной Вологодского уезда 1671 г. Местные особенности в покрое сапог, как и другой обуви, сразу замечались: «сапоги немецкие», «сапоги на сысольскую руку», «польские сапоги», «сапоги могилевской работы». Различались они и так: мужские, женские и детские. Ловчие и баламутные годились для охоты и рыбной ловли, дорожные — для поездок. А у царских банщиков были даже морвные сапоги.

Сапоги, сшитые из целого куска кожи, важане называли *исцеловыми*. На Вологодчине сапоги из свиной кожи с неопаленной щетиной именовали *ошетнями*.

Давно стали известны притачки, которые были сшиты тачным швом — встык, вплотную. Их носили на работу, а также в ненастную погоду. С 1583 г. фиксируется в текстах слово *притачки*, оно было в ходу на западной и северно-русской территории, а затем распространялось до Рязани. С того же времени известны и пришвы — сапоги с пришивными голенищами. Вот пример из расходной книги Корельского монастыря 1563 г.: «Сапожник шыл трои сапоги ловчия изцелныя, пришвы ловчия да двои изцелные красные да белые, да десятеры пришвы». *Пришитками* называли такие сапоги в Великом Новгороде, Тихвине, на реке Онеге и в нижнем Подвинье.

Названия *подшивки* и *подшитки* указывали на способ соединения деталей при изготовлении сапог. Это тоже северные слова. Сапоги с пришитыми головками, естественно, именовали *сапоги головы*, а обувь с долгими голенищами, которую носили рыбаки, — *долгарямы*.

Единственное наименование по цвету материала отмечено в московском судном деле 1639 г.: «Наряжу де я курку свою гречанку в желтые сапоги да в шупку... да и сама де царица недорога знали ее коли она хаживала в жолтиках». *Жолтики* — старинное название простых женских чеботов.

Рабочая обувь *уледи* (*уледни*) шилась из дубленой или просмоленной кожи. Широкие их голенища прижимались к ногам ременными сборами. Уледи носили только на севере России и Сибири. Само название, вероятно, усвоено из языка коми.

Грубая обувь из сырой матней кожи, или *упаки*, — тоже примета северно-русского быта. *Упаками* называли вообще любую грубую и неуклюжую обувь. В словарике, составленном в Великом Устюге в

1757 г., улаки толкуется как «уледи, обутки из сырой кожи». Название *улаки* — финское, а вот *улани* образовано из *улаки* под влиянием русских слов *бродни, ступни*.

Сходна с упаками по покрою и назначению обувь, которую носили в районе Валдая и Торжка, — ходаки. Их похожесть подчеркнута смысловым сближением названий в следующем отрывке из судебного дела, рассмотренного в Торжке в 1699 г.: «Приехал к ним в деревню с Белой горы старец, а как ему имя, того он не ведает, и сказал той деревни всем жителям: лежат де подле дороги ушки да кафтан, а человека никого не видать, и он де Федка да Якимко Петров по его старцовским словам, где он им сказал, ходили искать и на пустоши де Иванкове подле дороги нашли кафтан его Демкин синей да ходаки да бердыш и тот де кафтан и ходаки в лесу они склонили». Слово *ходаки* известно было и в украинском языке, до сих пор существует в русских народных говорах.

В московских актах зафиксирован полонизм *чижмы* — название вытяжных сапожек турецкого покроя. Чижмы носили южные и западные славяне, россиянам они не пришли по вкусу.

Основное название обуви без голенищ — *башмак*, заимствовано у тюркских народов. Башмаки различались мужские и женские, а по материалу: телятенные, козловые, сафьянные или бархатные. В старой Руси любили цветные башмаки: красные, алые, лазоревые, желтые, рудо-желтые. По особенностям покроя выделялись прямые и кривые, немецкие, на азовское дело, на мужское дело. Первое упоминание о башмаках относится к началу XVI в., а в первой половине XVII в. они отмечаются только в перечне обуви состоятельных людей. Во второй половине столетия башмаки начинают носить люди всех сословий, но в основном — горожане.

Тюркское по происхождению *чебот* (1489 г.) обозначало глубокий башмак на каблуках с острыми, загнутыми вверх носками. Предназначалась эта обувь и для мужчин, и женщин, и детей. Шили чеботы из бархата, сафьяна, атласа, то есть из дорогих материалов и исключительно для царской семьи. Государь и его родня надевали их только затем, чтобы по комнатам ходить. А выходной комплект состоял из исподней мягкой обуви и башмаков с жесткой подошвой. Поэтому мало кто знал чеботы, а значит, и название «привилегированной» обуви, хотя оно вошло в русский язык раньше, чем *башмак*. А вот в украинском языке донационального периода было известно гораздо шире, так как обозначало любую «добротную мужскую и женскую обувь с долгими голенищами».

Разновидностью кожаных башмаков или полусапожек, иногда с опушкой, были *коты*, порой имеющие и голенища. Само название заимствовано из коми языка и фиксируется с начала XVII в. Известно лишь в Сибири и на севере России. Вначале коты носили мужчины, а в конце XVII в. на среднерусской территории и даже на юге они становятся преимущественно женскими. В словарях XVIII в. *котами* называют уже крестьянскую обувь — тип башмаков с высокими передками, обтянутыми ремнями.

Чарки — тоже из башмаков. Первые упоминания о них относятся ко второй четверти XVII в., вначале — в мангазейских таможенных книгах, а затем — в великоустюжских, холмогорских, сольвычегодских, якутских и томских источниках. Кстати, в якутском языке *чарки* — название женских замшевых торбасов (обуви без голенищ). Вариант *чарыки* мог быть заимствован и из южных тюркских языков. Для южно-русской и среднерусской зоны чарки так и остались малоизвестными. Зато в северо-русских областях их знают очень хорошо.

Дважды заимствовали русские тюркское слово *чирики*: вначале как название единицы измерения, равной русской четверти (XV в.), а затем (первая половина XVI в.) как название мягкой обуви без голенищ из сафьяна или другой кожи. Правда, слово осталось лишь донским диалектизмом, но некоторое время существовали его производные *чирки*, *чиры*.

Сказочные черевики — из славянских слов. Эта обувь имела высокий подъем и каблуки, а пошивали ее из тонкой шкуры, снятой с живота зверя. В старорусский период это название экзотической обуви употребляется редко, но к XIX в. под влиянием украинского языка чуть активизируется в русском.

Чеботы, черевики хоть и добротными были, да мало кто их знал. Нашим предкам больше известны ступни — невысокие башмаки для улицы, для дальних походов. Из кожи нерпы, овцы, теленка. Их обували реже, чем сапоги, но обувь эта жила все-таки долго. Начиная с XVIII в. ступни из кожи начинают носить женщины на Севере и в Подмосковье. В остальных же местах так называли рабочую обувь из бересты или лыка.

А вот еще одно экзотическое слово — *ичетыги*. Это исподняя обувь из мягкой кожи или ткани тоже для дома, а знатные люди их надевали при выходе под башмаки. Барановые же были в ходу у простолюдинов. Название *ичетыги* взято у тюркских народов. Оно плохо приживалось в русском языке, поэтому имело много вариан-

тов: иточики, итычики, иточеги, ичеготы, ичедоги, ичедоки, ичедыги, ичеготы, ичитоги, ичетыги, ичтыги, ичики, точеги, чедоги, чедыги.

У наших предков была и специальная рабочая обувь. Простая повседневная без голенищ или с короткими голенищами — это *бахилы*. Название не было закреплено за каким-то одним типом обуви. Кстати, Разин был везен на казнь, как сообщает очевидец, «в кафтанишке в черном в сермяжном да в чулках белых, да в бахилах в салдацких». Бахилы до сих пор носят жители сел.

Рабочая обувь в зависимости от климатической зоны и хозяйственных занятий населения отличалась на разных территориях своим внешним видом. В Московской Руси особенно были популярны поршни — башмаки, гнутые из одного или двух кусков кожи, которые привязывали к ноге ремнями. Обувь эта была настолько привычной для северян, что в 1641 г. вологодский архиепископ был вынужден издать распоряжение: «Досмотреть у попов и заказ им учinitи чтобы им сырых их коровьих поршн не носити и в таких поршнях в церковь в олтарь неходить и о том заказывать старостам церковным накрепко оне ходят в таких скверных обущах во святилище». Поршни не имели каблуков, их делали из сырой или дубленой кожи, пропитывали ворванью, голенища опушивали. Обувались они на чулки. Привязывались бечевками. В каждом месте они имели свои особенности в покрое, что отражено в названиях: «поршни каргопольские — каргополы», «карельские», «стречни». В поршнях работали на коровьих дворах, в поварнях, на соляных промыслах. Их носили в ненастную погоду, в них ходили в лес. У бедноты это — повседневная обувь. «Ерема в лаптях, Фома в поршнях» — так выглядела обувь героев «Повести о Фоме и Ереме».

Известно, что на Соловках *поршнями* называли и куски кожи, заготовленные для шитья обуви. Происхождение самого слова окончательно не выяснено. Одни связывают его с *порт* «лоскут», другие с диалектным словом *порхлыи* «рыхлый, мягкий», третьи — с глаголом *рушати* «двигать». Но если учесть, что первоначально слово отмечается лишь на северо-востоке европейской части России, в зоне активных контактов русских с финно-угорскими аборигенами, то можно думать, что обувь, сшитую из свиных, грубо выделанных кож, русские переняли у финнов или коми, в языке которых *поре* имеет значение «свинья, поросенок». Из-за жесткости материала и особого способа крепления на ноге поршни имели неразгибающиеся складки — морщины. Отсюда ее русское название *моршень*. Правда, можно считать по-другому: допустима аналогия со словом *морх* «кисть»,

поскольку моршни имели завязки — кисти. Несомненна взаимосвязь слов *поршень* и *моршень*. В данном случае именно *моршень*, как появившееся раньше (имя собственное *Моршень* известно со второй половины XIII в.), определило структуру слова *поршень*. Таким образом, одна и та же обувь получила два разных названия, хотя внешний вид, назначение и даже цена поршен и моршен совпадали. Об этом свидетельствует выписка из расходной книги Важского Богословского монастыря за 1599 г.: «Купил четверы моршни на шитье дал 3 алтына 3 денгою». В дальнейшем слово *моршень* как название обуви утрачивается, а *поршень* в народных говорах употребляется до сих пор.

Пока остается загадочным слово *скрешни*, которое встретилось в актах Корнильево-Комельского монастыря, а в национальный период известно в костромских говорах как название обуви, сделанной из старых сапог, у которых обрезаны голенища. В. И. Даль считал, что *скрешни* — от *скроботати*, то есть стучать, шаркать, но от *скробати* образовано более правильное *скроботень*. Так в калининских местах называют определенный вид обуви. Может быть, *скрешни* — от слова *скрещивать*. При таком способе шитья края кожи накладываются один на другой, скрещиваются и прошиваются сквозным швом.

Близкое к рассмотренному наименование *стречни* — *стрешни* образовано от *встретить, встречный* (в говорах *стречный, стрешний*). Слово указывает на способ изготовления обуви: края кожи сдвигаются навстречу друг другу и пришиваются встречным швом. Стречни и стреченки носили на севере России, что подтверждает и приходно-расходная книга вологодского архиепископа за 1632 г.: «Купил малому Еске поршни стреченки». И приходно-расходная книга Онежского монастыря за 1665 г.: «Две кожицы дубленные яловечьи небольшие и из них выкроены шестеры стречни».

Древнее слово *скорни* — от *скора* «шкура, мех». В русском языке *скорни* употреблялось лишь в старом Ростове. Вот какая запись найдена в переписной книге Ростова Великого за вторую половину XVII в.: «Дворишко бобыля Тимошки Иванова сына Недошивина подшивает скорни». Более известно оно в старопольском и староукраинском языках, в болгарском *скорнями* и сейчас называют сапоги.

Простые люди северных окраин, как и дворцовая знать, для тепла носили сразу по две пары обуви. Верхняя — это *каньги* из олениных шкур с мягкой подошвой. Название заимствовано из угро-финских языков, а встречается оно в северно-русских источни-

ках с конца XVI в. В «Словаре Академии Российской» канги — кенъги описаны следующим образом: «...зимняя из кожи с шерстью обувь, которая внутри подпушена мехом или байкою, похожая на коты и надеваемая для тепла сверх башмаков или сапогов».

Многие названия обуви живут уже давно в народном языке: *боты* — с XVII в., *выступни* — с начала XVI в., *плесницы* — с XIII в., хотя и употребляются в настоящее время редко. Интерес среди подобных наименований представляет слово *калиги*, заимствованное из латинского. Оно обозначает погребальную обувь, изредка калиги носили монахи и священники. Слово появилось в XII в. В национальный период в Подмосковье, а также в калининских и ярославских местах название *калиги* перешло на крестьянскую обувь из кожи или бересты. В псковских и тверских деревнях в старое время носили *курлы* — мужские грубые башмаки или пеньковые лапти. Название усвоено из балтийских языков через польское посредство в конце XVII в.

В самом конце XVII в. в русских текстах появляется слово *туфли*, проникшее из немецкого языка.

Теперь — о специальной меховой обуви, которая была известна лишь там, где царствуют жестокие холода.

Наиболее знакомы *пимы*, заимствованные вместе с названием у тунгусов, ненцев, или самоедов. Эти меховые сапоги из оленьей шкуры шерстью наружу в старину носили в Подвилье, за Уралом и в Сибири. Вот как описывается одеяние якута в актах XVII в.: «На нем Звероуме шуба тунгусская сабачья с рукавами, на ногах пимы». Позднее *пимами* стали именовать и валяную обувь.

Торбосы — якутское слово. Так называли высокие сапоги из любой шкуры мехом наружу. На архангельском побережье Белого моря во второй половине XVI в. носили *яры* — сапоги, сшитые вместе со штанами. На изготовление их шли олени камасы. Лопари носили такую одежду еще в начале нашего века.

Слово *унты* отмечается с начала XVII в. в холмогорских, тихвинских и нерчинских бумагах. Сейчас оно употребляется повсеместно.

А когда появилась валяная обувь? Все сведения говорят о том, что до XVIII в. ее еще не было. Во-первых, слова *валенки*, *катаники* не фиксируются в исторических словарях русского языка, не упоминаются в научных работах по исторической лексикологии. Во-вторых, они не упоминаются в исторических документах. Уникальным можно считать поэтому пример из платяной книги Спасо-Прилуцкого монастыря за 1627 г.: «Дал старцу Галахтиону катаников». Но это только один пример! Сейчас *катаники* в смысле «валенки»

употребляются в северно-русских и сибирских говорах, а *валенки* является литературным словом.

Рассмотрим теперь некоторые названия исподних оберточек, а также меховых и вязаных исподних одеяний на ноги.

Слово *онучка* возникло у славян в дописьменную эпоху, образовано от слова *нудить, нутить* «стеснять, угнетать». Носили онучи вместе с чулками. Их применение известно с XIV в. До этого *онучка* обозначало любую обувь.

Ногавицы — поколенные чулки. Вот описание одежды вожского крестьянина по судному делу 1612 г.: «На Петре платья: одет зипуном белым, подержан в поддержь, а зипун овечей, да ногавицы на ногах овечьи белые в пол держаны, рубашка и портки конопляные». Портки и штаны в ту пору были короткими, до середины голени. Причем они сужались книзу, поэтому прямо на них до колен или выше надевались ногавицы, на которые потом наматывались онучи и надевалась обувь. Носили их чаще монахи, иногда крестьяне и знать.

Слово *чулки* стало известно только в XVI в., но быстро распространилось в языке, поскольку сам предмет был удобен для носки и прост в изготовлении: чулки были шитыми, а чаще вязанными. С появлением слова *чулок* и ногавицы стали чаще называть этим тюркским наименованием. *Чулок* вытеснило и старорусское обозначение *копытце*. Это — вязаные короткие одеяния на ноги. Чулки русского производства, преимущественно вязаные, носили больше на Севере. Привозные из шелка и другой ткани доставлялись из Германии и Англии во дворцы московской знати. Известны и меховые чулки.

Более древними по времени употребления, чем *чулок*, являются названия, возникшие на русской почве путем метафорического переноса по сходству формы: *копытце* или великоустюгское *прикопытье*. Позднее слово изменилось в *приколотки* или *прикопутки*, но на востоке Вологодской области до сих пор сохраняются *прикопытки* — шерстяные носки до щиколоток. Если *прикопытье* обозначало чулки без голяшек, то *полуголенки* и *лаголенки* (от *голень*) имело значение «чулки без ступни».

Короткие чулки знати называли полонизмом *шкарпетки*. В русском просторечии XVII в. более распространено *карпетка*. В «Словаре Академии Российской» дано такое толкование: «носок вязаной или сшитой из холста, из замши, надеваемый на ногу сверх чулок так, чтобы из-под башмаков не можно было его видеть». *Карпетками* сейчас в говорах называют различные типы чулок или онуч.

И еще один вид чулок — *ланчохи*. Впервые они появились в Курске и Смоленске. Жители этих городов переняли их от поляков и

украинцев. Это — мужская и женская обувь из ткани. Надевается на колени. В польском и украинском языках название существует с XVI в., в русском — с середины XVII столетия. Сейчас *панчохами* называются обертки на ноги, чулки и даже валенки.

...На все случаи жизни, на разную погоду наши предки придумывали и шили свою обувь. Кое-что перенимали у других народов. Менялась мода — менялись названия. Они жили вместе. Самые необходимые известны и по сей день. Выходит, быль остается явью.

Когда появились фартуки и за какой пояс затыкали обидчиков

Фартуки, или передники, знакомы едва ли не каждому человеку. При работе они — надежные защитники от грязи. К тому же это хорошее украшение женского наряда, а рабочие передники входили в комплект профессиональной одежды.

Названия передников отмечаются в письменности с XVII в., более древние свидетельства касаются лишь слова *передовик*. Большая часть наименований возникла на русской почве. Значение «передник» сочетается со значениями «завеса, занавес», «разновидность одежды; деталь одежды», «пояс».

От общеславянского глагола *залипнати* «закрывав, задерживать» возникло название *запон*, которое в актах Кирилло-Белозерского монастыря с 1601 г. обозначает закрытый передник. Запоны использовали в хлебнях, на рыбных промыслах, в кузницах. То есть это были рабочие мужские передники.

Рыбацкие передники называли также *занавесками*. «Ведено по слать в Соколово 7 кож телятных на занавески рыбным ловцом», — отмечено в расходных книгах московских приказов за 1673 г. *Занавеска* и позднее используется в ряде народных говоров. Иногда кожаный рабочий передник называли *завеска*.

Другие названия: *нагрудник*, *передовик* и *передник*. Слово *передовик* впервые отмечено в белозерской письменности и, судя по историческим данным, это было местное слово. А вот слово *передник* лишь однажды употреблено в тексте 1675 г. Причем при описании иноземного платья актеров в первом русском театре: «15 пар

чулков немецких разных же цветов киндячных, 10 передников разных же». Но уже в XVIII в. слово *передник* приобретает большую популярность и теснит название *запон*.

С 1626 г. отмечается в письменности *нагрудник* — кухонный передник. Это значение у слова сохраняется в архангельских, вологодских, новгородских и смоленских говорах до сих пор.

Все остальные названия передников имеют иноязычное происхождение. *Фартук* упоминается в русских текстах с 1663 г., а в польском известно с 1498 г. Через польский это наименование и пришло к нам из немецкого языка. Как и все остальные названия передников, *фартук* в значении «завеса» изредка употреблялся в русских источниках XVI в. Значение «передник» отмечено первоначально в западно-русских текстах. В Москву слово проникает в 80-х годах XVII в. и первоначально употребляется мало. Вероятно, фартук отличался от русского запона своим покроем и чаще использовался в одежде иностранцев. С XVIII в. слово *фартук* употребляется повсеместно, что говорит о распространении и самого предмета.

В Белозерске с древних времен рыбаки имели специальные кожаные фартуки — *хамгла*, *хамла*. Названия заимствованы из финского языка. С конца XVII в. в воронежских местах закрепилось польское по происхождению обозначение передника — *запаска*. Запаски носили также в украинских и белорусских селах.

В одежде передники имели второстепенное значение, поэтому исторические сведения о них немногочисленны. У русских сам тип передника появляется поздно: почти все известные нам названия фиксируются в письменности с XVII в.

У славянских народов в древности был обычай подпоясывать как нательную, так и верхнюю одежду. Без пояса, как и без креста, нельзя было ходить. Поэтому упоминания о поясах мы находим уже в первых русских текстах. Различались пояса нижние — для штанов и верхние — для рубах и верхней одежды: «Пояс верхний шелк лазорев з золотом, кисти шелк зелен з золотом, цена рубль 28 алтын 4 денги, пояс нижней тесма крушковая шелкова с оковы серебряными, цена рубль 15 алтын» (1646 г.). Имели отличия друг от друга пояс и опояска. Опояска была только матерчатой. Отличалась также меньшей длиной и шириной. На поясе носили мошну, а на опояске нож и мусат, то есть бруск для затачивания ножа. Пояс чаще носили на штанах, опояску — на рубашке или верхней одежде.

Белозерец в 1616 г. обращается с челобитной к воеводе: «Снял государь пояс с мошнею в мошне дватцат ал (тын) да нож с опояс-

кою». Правда, позже слово *опояска* стало достоянием диалектной речи, а *пояс* закрепилось в общем употреблении. На юге вместо опояски носили подпояски, но разница была лишь в названии предмета, а функции их совпадали: «У Артема Вожева подпояску де с ножем и с мусатом оборвали» (1648 г.). *Запояска* — тоже местное название опояски.

Тюркское по происхождению *кушак* (1489 г.) обозначало верхний пояс из ткани, повязываемый на рубашку или верхнюю одежду, кушак носили люди всех сословий. Появление этого слова позволило различать нижние и верхние пояса (верхний пояс называли *кушаком*, а нижний — просто *поясом*), хотя в живой речи и в письменности эти слова долго употреблялись в одном значении. Правда, кушаки небольших размеров называли *полукушачьем*. Известны они, в частности, в Казанском уезде.

Гораздо меньше, чем пояс и кушак, знали кожаные пояса — *татауры и ремни*. Слово *татаур* заимствовано из монгольского в конце XIV в. Обозначало ременный пояс с металлическими наконечниками. Название до сих пор употребляется в говорах.

Древнее общеславянское *ремень* обозначало пояс для одежды с начала XIV в., а до этого так называли лишь часть пояса без пряжки. С XVII в. особенно модными становятся пояса из кожи. Кто имел возможность, украшал их драгоценными пряжками. Люди победнее по-прежнему носили одни лишь ремни, считая пряжки лишней роскошью. К слову сказать, кожаные пояса вообще-то всегда охотнее использовали простолюдины.

По-разному называли их. В Томске вначале — тюркским словом *тасма*. В Москве в XVII в. иногда — *тесьмой*: «Царь по кафтану подпоясан тесмою, по ней запоны золоты», — отчитывался посол Толочанов в 1651 г.

У охотников были специальные пояса для своих принадлежностей. Вот как описана одежда погибшего в шуйской отписке 1649 г.: «Платье на нем кафтанишко сермяжное смуро худенько, а рубашенка да порты да штанишки серые, онучишкы серые худые ж, натрусченко поясенко жичаные, лаптей и креста на нем нет». Натруска и есть этот верхний специальный пояс.

Существовали и другие названия нижних поясов — *гачник* (от *гачи* — «штаны»). Он мог быть поясом или шнурком, вдетым в штаны. В «Описании Московского государства», составленном неизвестным лицом в XVII в., читаем: «Носят они штаны, которые наверху набором собраны на гашнике, а по произволению возможна их содвигат».

В ряде мест вместо тканевых и шитых поясов использовали ленты из ткани, отрезанные с края куска материи. Это — нижние пояса бедных людей. Они имели местные названия: *кромка* — Тарногский Городок, Важский уезд; *покром* — Свирь, Белозерск, Тарнога, Москва. В Рязани и Воронеже *покромью* называли женские пояса. Покромье упоминается в «Сказании о молодце и о девице» по списку XVII в.: «Сорокоотцов еси сын, рогозанная свита, холщевы порты, мочалная покромца, войлучная шапка».

Давным-давно известны на Руси пояса. Развивались ремесла — увеличивались разновидности поясов, а значит, становилось больше и названий, которые, однако, мало различались по значению.

В чём носили деньги древние русичи

Представьте себе нашего предка, от правляющегося за покупками на тогдашний базар, и... пожалейте его, ведь ему приходилось брать кучу денег. Тяжелых денег, ведь до XVIII в. на Руси была только монетная система. Вес одной монеты в XVI в. составлял 0,68 гр, к концу XVII в. он уменьшился до 0,28 гр. Но и в этом случае сумма в несколько десятков рублей весила больше килограмма. Носить ее в кармане было обременительно: много да и тяжеловато. Поэтому-то в старой Руси для денег и мелких вещей шили сумку или мешочек, которые крепили обычно на поясе или на шее. Иногда для этих целей использовали полый внутри пояс, редко карманы в одежде. Для хранения и перевозки больших сумм годился мешок или ящик, но главными оставались сумки и мешочки.

Приведем два упоминания о денежных мешках из старорусских памятников письменности. Например, из приходно-расходной книги Волоколамского монастыря: «Да в келейном чюлане в ларце 100 рублей да в малом мешочке разсходных денег 4 рубли». Каковы же были эти денежные мешки? Сначала появилась мошна, о чем и свидетельствует популярное слово общерусского распространения, впервые отмеченное уже в XII в. Мошна представляла собою вязаный, меховой или матерчатый мешочек с замочком, завязками или на вздержке. В «Домострое» XVI в. читаем: «И дает людем держати на руках сорочка, порты, пояс с мошною, в мошне золотые».

В немецко-русском разговорнике, написанном в 1607 г. в Пскове Т. Фенне, приводится такая русская фраза: «Отоври мошну да дай сем задаток. Заври мошну, добро ты денег не выронишь». Сравним эти слова с цитатой из астраханской расспросной речи, записанной в 1654 г.: «Да с него сняли пояс шелковой красной, на поясу мошну ременную, а в ней де было тритцать алтын денег». Еще один интересный документ прошлого — «Служба кабаку». В нем читаем: «А в ноче у пьяных мошни холостишь»; «В мошне было денег алтын десять, то все вычистили». В старой Руси, как свидетельствует пословица, хорошо знали: «У рака мочь в клешне, а у богатого в мошне».

В то же время в северно-русских областях был широко известен вариант *мошня*. Он встречался в деловой письменности Ваги, Великого Устюга, Свири, Олонца, Кунгура, Яренска, Белозерска, Енисейска. Например, в явке за 1613 г.: «А в те поры тот Агейко сорвал з бедры у меня мошню, а в мошне у меня было 30 алт. денег»; а вот пословица той же поры: «Есть мошня, будет и квашня». Вариант *мошня* и в настоящее время характерен преимущественно для северно-русских говоров.

Существовали и уменьшительные формы слова. В рязанских и самарских местах *мошенка* сохранило свое старое значение до настоящего времени: это мешочек для денег, затягиваемый шнурком, носят его на шее.

Не все ясно в происхождении слова *карман*: не восстановлена полностью история его бытования на русской почве. До сих пор остается одиноким ранний пример его употребления в качестве имени собственного: посадник Корман Постник — во всех трех Псковских летописях в записи под 1343 г. С конца XVI и до середины XVII вв. отмечается исключительно уменьшительное образование *корманец* — *карманец* в значении «сумка для хранения бумаг». Причем особенно часто в донесениях русских послов из Персии. Так, посол в Персии в 1594—1596 гг. А. А. Звенигородский писал: «И шах велел к себе принести корманец и показывал князю Ондрею из корманца посольские персоны писаны на бумагах». С середины XVII в. в текстах употребляется форма *карман* со значением «мешочек, сумка для денег и бумаг, носимая у пояса» и производное от нее *кармашек*. Другой пример. Теперь уже из астраханского судного дела за 1653 г.: «А как он Доюнко ево Киятка у себя на дворе везал и он де снял с нево опояску кумачную красную с карманом, а в кармане де была полтина денег». Любопытно, что в то время мешочек, пришитый к одежде, для мелких вещей и денег еще не называли *карман* —

ном, хотя это слово с другим значением уже закрепилось в речевом обиходе, о чем свидетельствует пословица XVII в.: «Тело в кармане, душа в кульке». Историю слова можно представить следующим образом: оно, первоначально заимствованное новгородско-псковским говором около XIV в., может быть, в результате общения с Золотой Ордой, существовало как экзотическое в составе собственных имен. С конца XVI в. начинается второй этап его внедрения в русский язык в форме *карманец* (из-за малого размера) со значением «сумка для бумаг». Источник заимствования — тюркские языки. Этим объясняется употребление слова в текстах о жизни и быте тюркоязычных народов. Появляется более регулярное для русского словообразования противопоставление: *карман* — *кармашек*.

В XVIII в., по данным словарей той эпохи, слово продолжает сохранять значение «сумка, мошна», которое в забайкальских и терских говорах присуще ему и в более позднее время.

В газете «Санкт-Петербургские ведомости» за 1 июня 1798 г. было напечатано объявление следующего содержания: «Некая барыня, идущая по Фонтанке, обронила карман с разными записками...». В одной из народных песен XIX в. есть такие слова: «Он пришел ко мне не рано. Он принес мне три кармана: первый карман с пирогами, второй карман с орехами, третий карман со деньгами». Современное значение «вшитый в платье мешочек для денег и мелких вещей» слово приобретает в конце XVIII в., о чем сообщает «Словарь Академии Российской».

Северо-восточнорусским диалектизмом было в древности *хамьян*, которое обозначало небольшой мешочек для денег, шитый из ткани или кожи и носимый на шее или на поясе. В челобитной из Холмогор за 1579 г. сказано: «А в те поры с меня сорвал хамиян мухоярной, а в хамияне было 5 рублей денег». Отмечалось это слово также в Усольском и Яренском уездах. Аргументом в пользу тюркского происхождения слова является факт его употребления в «Хожении купца Федора Котова в Персию» по списку второй половины XVII в.: «Что у них есть каково живота и платье и то постелют на ковры, и по всему по тому валяются, и денгами себя обсыпают, а у кого не великие денги, и он их в хамьяне беспрестано пересыпает. А говорит то, чтобы де у нас в новый год на всякой день прибывала». Не случайно также и то, что слово *хамьян* закрепилось в северо-восточной Руси, то есть в зоне наиболее вероятных контактов Русских с тюркоязычными народами.

Козица, козушка — «кожаный мешок для денег» — ведет свое начало от корня *коз-* (первоначально эти мешки делали из кожи

коз). Наиболее живуче *козица*: оно отмечается с XVI в., зафиксировано словарями и известно в современных говорах. А вот примеры из древнерусской эпохи — из расспросной речи 1676 г.: «А взял де он Феоктист из казны денег монастырских из сундука в четырех мешках, в дву козицах»; и из описи вещей 1630 г.: «...денег в козушке 9 алтын 2 денги».

Нет свидетельств об использовании в допетровскую эпоху кошельков для хранения денег и мелких ценных вещей, хотя это слово употреблялось как уменьшительное к *кошель*. В XVIII в. в кошельке уже хранят деньги, но это еще не что иное, как сумка, мешна. Современное назначение закрепляется за кошельком в XIX в. У Пушкина в «Капитанской дочки» читаем: «Савельич вынул из кармана длинный вязаный кошелек, полный серебра».

Через — дорожный кожаный толстый пояс на подкладке, шириной в ладонь, внутри которого хранились деньги, он застегивался пряжкой, а иногда запирался замочком. Слово образовано от праславянского предлога, значение которого «поперек, через» оказалось весьма удобным для обозначения пояса. Фиксируется в текстах с конца XIV в. Наиболее употребительно слово в актах северной Руси, хотя встречалось в центре и на юге. Уменьшительное *чересок* отмечено только на северно-русской территории. В явке 1603 г. сказано: «Сорвали чересок з денгами, а в череску денег пол-пята рубля». Слово *через* употреблялось в XVIII в., отражено и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля.

Пока не обнаружено контекстов, позволяющих точно определить семантику редко употреблявшегося слова *кишень* (от *кишка*). Значение его толкуется и как «карман», и как «мешок для денег, кошелек». В челобитной из Смоленска за 1652 г. говорится: «...вынул из кишени хустку, в которой было завернуто 60 злотых».

Интересна история слова *калита* — «кожаная сумка, мешок, кошель, пришиваемый или пристегивающийся к поясу». Калита служила для хранения денег, бумаг и мелких ценных вещей. Слово могло быть заимствовано из татарского, казахского или алтайского языков. Впервые зафиксировано в завещании князя Дмитрия Ивановича 1389 г., известно и как прозвище московского князя — Иван Калита.

В XV—XVI вв. употреблялось в своем прямом значении: «А в калите полтора рубля денег да на 10 рублей кабал монастырских», — отмечено в челобитной 1535 г. В XVII в. слово произносится реже. И только в текстах, связанных с севером и центром России. В это время и позднее сама сумка служит для хранения и переноски различных вещей.

Общерусское зель — «карман в одежде для денег и бумаг» — заимствовано из арабского языка. Известно также в болгарском, сербском и словенском языках. В русский проникло, вероятно, через южнославянское посредство в XVI в. По данным письменных источников, зель употреблялось в XVI—XVII вв. почти повсеместно. Приведем примеры: «Да к той же ряске куплено на зепи аршин крашенины лазоревые» — эта запись сделана в расходной книге новгородского митрополита 1593 г.; «Да в том же зипуне в зепе 6 рублей денег, да в другой стороне в зепе ж проезжая грамота», — записано в челобитной 1639 г. из Смоленска. В современных говорах есть и значение «мошна, кошель, подвешивающийся у пояса, котомка».

В церковно-книжных текстах употреблялось слово члаг в значении «карман». Московский профессор И. Г. Добродомов выскажал предположение, что зель и члаг от одного арабского корня, но пришли в русский через разные языки-посредники. Этот вывод хорошо объясняет и семантическую близость обоих слов, и различие в их звуковом облике. Члаг употребляли еще в XVIII—XIX вв., но уже в значении «сумка, мошна».

В письменности XVII в. отражен процесс формирования специальных названий предметов для хранения ценных бумаг: *бумажник* и *бумажница*. Примеры употребления слова *бумажник* в данном значении отмечаются с 1639 г. в актах Великого Устюга, Кириллова, Великого Новгорода, Тихвина, Холмогор, Вологды, изредка и в московских, рязанских источниках. В явке из Великого Устюга 1639 г. есть такая фраза: «Осип познал на нем, малом, кабалы на устюжских стрелцов в бумажнике, и тот бумажник с писмами отнял»; «В то время бумажник мужа моего с писмами пропал а какие в том бумажнике писма записи и кабалы были и иные какие крепости и про то ведает муж мои Козма», — написано в челобитной из Вологды в 1687 г.

Слово *бумажница* (1620 г.) было известно лишь на северо-востоке России и только в первой половине XVII в. Обратимся за примером к явке 1620 г. из Тарногского Городка: «С меня, с Михалки, сорвали бумажницу, а в бумажнице было кабал на 15 рублей». По-видимому, возникнув первоначально на Севере, слово *бумажник* вытеснило бытовавший здесь же местный вариант *бумажница*. Со второй половины XVII в. оно распространилось повсеместно на Руси.

Из всех названий денежных мешочек с древнерусской поры до наших дней «дошла» лишь *мошна*. Тюркизм *калита* не имел успеха из-за активности названия *мошна*. Временно возникшее у слова *калита* значение «карман» не задержало процесса утраты слова. После

XVIII в. оно окончательно переходит в разряд архаизмов. Слова *хамян* и *кишена* не могли соперничать с общерусскими употребительными средствами и употреблялись только на ограниченной территории.

Из названий карманов наиболее долго существовало слово *члаг*, которое в старорусский период в связи с появлением лексемы *зель* приобретает архаично-книжный характер и меняет свое конкретное значение на обобщенный смысл. Изменилась роль и названия *зель*: с конца XVIII в. в связи с приобретением современного значения словом *карман* название *зель* становится просторечно-диалектным средством. Наименование *через*, обозначавшее деталь костюма лиц среднего и низшего сословия, употреблялось лишь в просторечии, а затем перешло в народные говоры. Активизация слов *кошелек* и *бумажник*, ставших в национальный период основными названиями денежных сумочек, происходит лишь с середины XVII в., причем *бумажник* сразу приобретает современное значение, *кошелек* же постепенно специализируется как название мешочка для ценных бумаг и денег.

Слова этой группы удивительны. Они тесно связаны и с историей обозначаемых вещей, но вместе с тем демонстрируют приспособляемость друг к другу. В языке нет лишнего, в нем только необходимое, поэтому новое теснит старое или начинает выражать смысл, пришедший с новыми веяниями в быту и культуре.

...Конечно, кошелек и карман — вещи малые, но их назначение давно оценила народная мудрость: «Было бы в амбаре, будет и в кармане»; «Что не досмотришь, то карманом доплатишь»; «И больно хочется, да в кармане не можется».

Лари, сундукчи и ларчики

Для хранения домашнего скарба в избах имелись специальные ящики, сундуки из дерева и металла. В большие клади крупные предметы и платье, в маленькие — драгоценности, документы и бумаги.

Раньше всего у русских появились скрины. Вначале это был ритуальный предмет, в котором хранили «святые» реликвии. Название *скриня* — *скрытия* сохранялось под влиянием украинского и белорусского языков, хотя русские называли скрини и *сундуками*,

и ларцами. Судя по описаниям, скрыня представляла собою деревянный или металлический сундук любого размера с выдвижными ящиками. Чаще всего в них держали драгоценности. Скрыни были сыздавна распространены и на южно-русской территории, особенно в западной части (Смоленск, Вязьма, Мценск, Кромы и др.). Только здесь в них традиционно хранили белье.

Издревле употребляется в русском языке слово *ларь* «длинный ящик с крышкою, для разного скарба и продуктов». Заимствовано из шведского языка. Впервые зафиксировано в Изборнике 1076 г. В псковских летописях ларь — не всякий ящик, а лишь для документов и ценностей. Ларь или ларек делали из досок значительной длины и высоты, с перегородками внутри и крышками на петлях. В старорусский период слово *ларь* зарегистрировано лишь в северно-русских источниках, связанных с Пskовом, Новгородом, Вологдой, Подвильем, Устюгом, Хлыновом. Общерусскую известность слово приобретает в национальном языке, то есть после XVII в.

Довольно поздно фиксируется в письменности слово *ящик*: с 1503 г., хотя в XIV в. существовало в том же значении слово *яск*. Ящик — универсальное название. Обычно ящики делали из липы, дуба, обивали железом, ставили крышку, иногда на петлях. Навешивали пробой для замка или врезали внутренний замок. Внутри обтягивали кожей или тканью. Хранили в них разную утварь, посуду, мелкий товар. Да и деловые бумаги в них прятали. Недаром в Москве было выражение «положить в долгий ящик». Приведем на сей счет свидетельство из частного письма 1653 г.: «Ведаю и сам московской обычай, что захочешь писать к Москве о указе тепере переже дела, и так то пойдет на протяжку в долгой ящик».

Слово *сундук* заимствовано из тюркских языков. Вот характерный пример из посольского отчета князя Ф. Ф. Тюфякина, ездившего в 1599 г. в Персию: «А всего больши шах Аббас любил шкатулы, а говорил: лучше де и вина сундуки. У них в обычае ведетца, все у них зовут сандыками». Впервые слово *сундук* замечено в завещании князя Дмитрия Ивановича 1509 г. Сундук выглядел как большой деревянный ящик с крышкой. Обивали же его железом или обтягивали кожей. А хранили в нем одежду, посуду, продукты. В XVI в. слово *сундук* встречается в письменных источниках, связанных с западной частью северо-русской территории (Псков, Великий Новгород, Бежецк, Волоколамск), в XVII в. обнаруживается почти повсеместно.

Небольшие по размеру и металлические изделия получили название *сундучок* или *ковчежец*.

Подголовные сундуки с наклонной крышкой называли подголовками. Подголовок — это деревянный невысокий сундук или ларец для поездок, с наклонной крышкой, окованный железом, с замком. В нем перевозили деньги, драгоценности, ценные бумаги. Изготавляли же подголовки в Холмогорах и Великом Устюге. Здесь старались украсить их просечным железом. Один из них представлен в постоянной экспозиции Вологодского краеведческого музея. Судя по письменным источникам, подголовок — первоначально северно-русское слово. Утварь, сделанная из древесных корней, могла быть и плетеной, и долблена, но называлась она, как правило, одинаково: кореноватик. Кореноватик — сплетенная из древесных корней коробка или корзина, служила для посуды, съестных припасов, разных предметов домашнего обихода. Кореноватинка — чашка из древесного корня использовалась для валиния хлебов. Такие чаши водились в деревнях по Северной Двине. А вот коренники — это короба, подголовки, сделанные из крепкого корня. Изнутри их обивали кожей, снаружи — полосами жести или железа. Они предназначались для домашней утвари и хлеба. Коренники делали в Белозерье, на Вологодчине, в Тотьме, по всему Подвилью. Приведем два описания старинных северных коренников: «Коренник кованой о трех замках, другой коренничек обволочен кожею, кованой же»; «Коренник одет нерпою, окован железом черным, а в нем семь ковшиков да три чарки; коренник четвероугольной, подет нерпою, окован черным железом». В XVIII в. коренники были известны в крестьянском быту и хозяйстве городских простолюдинов не только Севера, но и центральной России.

Коробки, предназначенные для хранения одного товара, получали название по содержимому: гвоздяница. Заимствовались и иноязычные названия: бахча — коробка для чая, гамалейка — металлическая коробочка для драгоценностей.

В современном речевом обиходе сокращено число названий коробок до двух: коробка и ящик. Забыты удобные бабушкины сундуки, вместительные лари, окованные железом подголовники... А жаль!

Среди металлической и деревянной утвари для хранения чего-либо выделяются небольшие емкости для драгоценностей и ценных бумаг. В том числе и для религиозных святынь.

К таким относится ковчег — небольшой сундучок, ящик из серебра или дерева, обитый кожей. Само название отмечается в письменных источниках с XII в. В них держали печати, посуду из

драгоценных металлов или камней, шапки, святые реликвии, документы, деньги и драгоценности.

Более распространенным названием ящика для драгоценностей и украшений было *ларец* (1499 г.) или *ларчик* (1522 г.). В книжной письменности *ковчег* и *ларец* могли заменяться архаичным словом *керстица*.

К 1598 г. относятся первые упоминания слова *шкатула*. «Послал к послом 4 шкатулы с вины со многими зельи», — сказано в статейном списке посольства Тюфякина в Персию. Шкатула — ящик, обтянутый кожей или тканью, обитый железом. Вначале в них хранили посуду из стекла, держали напитки, бумаги и драгоценности. Уменьшительное наименование *шкатулка*, вошедшее в современный литературный язык, упоминается в рукописях с 1610 г.: «Да из шкатулки дала боярыням и княжнам и казначеем по перстеньку по золотому».

Украшения держали в *искусенках*. В Рязани так прежде называли коробочку или кошелек для драгоценностей.

Долблений ларец, футляр, внешне похожий на деревянную колоду, долгое время называли *колодкой*, как, например, в явке 1626 г.: «Михаиле меня покрал, вынял ис сумки колотку с кабалами». В таких деревянных пеналах хранили долговые расписки, подорожные грамоты, частные письма, купчие, оброчные расписки, а иногда — и мелкие предметы: иглы, пуговицы. Долбленные колодки сохраняются в вологодских, пермских, оренбургских краях и в национальный период.

Известны были нашим предкам и футляры. Название *футляр* было заимствовано лишь после XVII в., но предметы, выполняющие его роль, существовали задолго до появления слова. Имели они другие названия. Так, например, *лагалище*. Оно выполнялось в виде мешочка, яичка, коробки, форма которых точно повторяла форму хранимых в них предметов — шапок, подушек, денег, драгоценностей, книг, икон, посуды, шкатулок. «Чара в лагалище в деревянном оболочено лагалище бораном красным подволочено сукном зеленым», — записано в переписной книге Костромского Ипатьевского монастыря в 1595 г. С начала XVII в. фиксируется название *нагалище*, образованное по той же модели, что и *лагалище*. В Московской Руси лагалище — футляр для часов, очков, а в XIX в. оно известно лишь в северно-русских краях как чехол для колющих и режущих орудий.

Сложный путь прошло наименование *готовальня*. Оно было заимствовано из польского языка в значении «ящичек с туалетными принадлежностями», затем в готовальнях стали держать столовые приборы. Лишь в XIX в. среди прочих предметов в них стали хранить чертежные принадлежности. Хранят и по сей день...

Некоторое время в русском языке употреблялось название *натайник* «чехол или сумка для упаковки тюка с товаром». Веревки, которыми перетягивали края чехла, — *тай*. Иногда и весь чехол назывался *тайем*. Слово и сам способ упаковки были заимствованы у тюркских народов.

Существовали специальные футляры для отдельных предметов, постоянно носимых с собою: *ложечник* — для ложек, *игольник* — для игл. Ложечники в Белозерске и Кириллове были вязаными, в знатных московских домах их шили из бархата. Игольники делали из кожи или жести, дерева и ткани. При археологических раскопках на Русском Севере найдены два набора игл. Один помещен в небольшую деревянную коробочку прямоугольной формы; края скреплены полосками кожи. Второй находился в матерчатой, продольно сшитой сумочке со шнурком. В северных местах кое-где ложечники из бересты делали и в наши дни, а игольники — игольницы известны повсеместно.

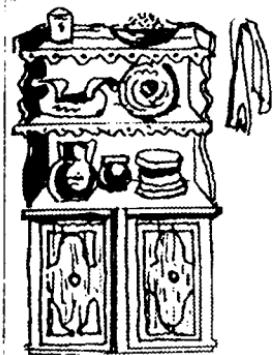
В шапочниках хранили шапки, такие футляры делали в домах знати. Для столовых приборов и гигиенических принадлежностей знать заказывала футляры из камня, кости. Их называли *монастырьками*.

Лишь со второй половины XVII столетия обнаруживается современное значение «футляр из дерева или ткани» у слова *чехол*: «Он сделал к митрополичье к лучшей шапке к деревянному чехлу плащ с концом». Или такой пример: «В чехле суконном, в черной коже каменная небольшая книга». Однако наибольшую активность название *чехол* приобретает лишь в национальный период.

Появившееся позже других слово *футляр* было заимствовано из немецкого языка, оно решительно потеснило остальные наименования.

В наши дни особенно устойчиво употребляется слово *шкатулка*, но беда современного речевого общения — ограниченность словаря, однообразие. Речь приобретает слишком утилитарный характер из-за стремления говорить кратко и похоже. Как все. Древние выразительные слова забываются, а новые, если и вводятся в речь, это чаще всего заимствования из английского.

Поставец со всякою посудою

Неизвестно, имелось ли что для этих целей у восточных славян в глубокой древности. Названия различных шкафов, ящиков фиксируются в письменности лишь в старорусский, московский период существования Русского государства.

Посудный ящик — *став* — получил свое наименование от соответствующей посуды и от глагола *ставить*. Есть сведения о посудных ставах в рязанских документах XVI в., но наиболее часто они упоминаются в источниках с середины XVII в. Став оборудовался как небольшой ящичек, коробка. В нем хранили только столовые приборы: ножи, ложки и вилки. Ящичек, в котором были гнезда для посуды, именовался *ставик* или *вставик*. В нем держали и перевозили не только столевые приборы, но и стеклянную посуду, деревянные миски и т. п. Став мог вместить многое: «Ставенек с столовыми судами, а в том ставенке стакан, солонка, росолник, ножик с вилки, ложка, 2 блюда, 4 тарели, чашки».

И все же ставы были скорей футлярами, в коих переносили и перевозили всякую посуду. Дома же ее составляли в поставцы. Слово это упоминается в письменности с 1556 г., а вот сам предмет стал известен раньше и встречался в любом доме. Есть случаи, когда *поставом* называли тоже футляр для посуды и столовых приборов, но в основном постав — поставец — это посудный шкаф, посудная полка. Приведем несколько описаний старых русских поставцов: «Среди залы, где мы сидели, стоял под сводами великий четырехгранный столп, вокруг него со всех сторон широкий стол, и был тот столшиною с каждой стороны столпа в две добрых доски, и был этот стол вышиною в 1 1/2 локтя от земли. На столе этом, вокруг упомянутого столпа, выставлена была лишь одна позолоченная серебряная посуда, несказанно великолепная и роскошная, доставала она гораздо выше, чем до половины столпа, и один ряд стоял над другим» (Щербачев Ю. Н. Путешествие герцога Ганса Шлезвиг-Голштинского в Россию 1602 г. М., 1911, с. 23); «Вокруг столба имеются полки, в виде ступенек, одна над другой, покрытые материями. На каждую ступеньку ста-

вят серебряные вызолоченные кубки разных видов и форм, большие и малые, и чаши» (Аллепский А. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. М., 1898. Вып. III, с. 26). Поставец сочетал в себе признаки стола и шкафа, а подвешенный напоминал и полку. В нем хранили посуду, лекарства, книги, на нем раскладывали готовую пищу, иногда шили одежду. Поставцы в царском дворце даже получали собственные названия: Соловец, Колодезь, Судно, Писарь, Христофор. Каждый из них содержал, по-видимому, определенный набор посуды. Поставцы известны главным образом по московским и владимирским письменным источникам, но с XVIII в. они распространяются очень широко. В то время поставец представлял собою стоячий ящик с полками и дверцами. Его верхняя крышка использовалась как стол.

Одновременно с поставцами употреблялись *погребцы*. Погребцы имели ячейки для стеклянной посуды с напитками.

Во второй половине XVII в. появляются *судницы* — в Подмосковье и на Рязанщине, судни — в Воронеже. Вот описание рязанской судницы 1688 г.: «Судница деревянная с покрышкою круглая и в ней два блюда десять ложек братина ковшик стакан». Если судницы вскоре распространились повсеместно, то посудницы из-за сравнительно позднего появления слова *посуда* (конец XVI в.) стали известны лишь с XIX в. Но эти новые названия *судница* и *посудница* перешли на старые поставцы. Другой же мебели не появилось.

Посудные ящики для перевозки отдельных сосудов иногда получали специальные названия: *тарельник*, *яндовочник*, но случаи эти редкие, не имевшие последствий для языка.

Широко использовались в свое время казенки и шкафы. В них часто хранили и посуду. *Казенкой* называли кладовую для продуктов в доме и шкаф с полками для посуды и продуктов. *Шаф* или *шкал* — иноязычное слово, усвоено из немецкого языка через польское посредство в середине XVII в.

В описи имущества Ф. Шакловитого за 1689 г. находим такое свидетельство: «Шаф дубовой о четырех створах, а в нем в рамех 10 малых зеркал. Поставцу цена 3 руб., а зеркалом цена рубль». Кстати, слово *шаф* долго употреблялось в смоленских говорах, известно оно и белорусскому языку. В русском литературном употребляются *шкаф* и *шкал*.

«Всякое посудье...»

Бытовой словарь старой Руси хранит немало сокровищ, удивительных по своей смысловой емкости, ярких и выразительных. Продолжая знакомить с ними читателя, расскажем о названиях посуды.

Само слово *посуда* и производное от него *посудье* появились, очевидно, в конце XVI — начале XVII вв., о чем свидетельствуют памятники письменности этого времени. В письме подьячего В. И. Торокана из Смоленска, датированном 1609 г., читаем: «Да грехом моим на посаде двор вызжен, и посудья и хлебца немало погорела». В одной из челобитных, относящейся к 1634 г., записано: «...жена его и сын... продают деревни и мельницы, и котлы, и кубы, и всякую житейскую посуду».

Более древним общим названием любой посуды является *судно* (мн. число *суды*) и производное *суденко*. В книге записей явок жителей Великого Новгорода за 1650 г. есть пример синонимичного употребления *посуда* и *суды*: «И что де было в хоромех железного всякого запасу и замков висучих и личинных и всякой домовой деревянной посуды, то все пограбили, что было одеял и серебряных судов и всякого медного и оловянного и погребцов, и то де все розломали».

К тому же корневому гнезду принадлежало слово *сосуд*, которое обозначало посуду столовую и «питейную». Как сообщает публицист XVII в. Григорий Котошихин, «...гречаня приезжают к Москве ежегодъ и привозят с собою товары всякие: сосуды столовые и питейные, золотые и серебряные». Более полный перечень приведен в Домострое XVI в.: «А столовые сосуды: оловянники и братины, и ковши, уксусницы, перечницы, росолницы, солоницы, ставци, блюда, ложки, скатерти, фаты — всегда бы было чисто и готово». Сосуд — это и «единица измерения» посуды. В духовной грамоте 1640 г. читаем: «...да белой посуды оловянной и блюд и мисок 20 сосудов». А что же вообще входило в старорусский сервиз? Блюдо, латка, миска, плошка, став, тарелка. Из этих слов чаще употреблялось известное со времен древней Руси слово *блюдо*, а также распространившееся с XVII в.— *тарелка*.

Блюдо упоминается в русских текстах с XI в., оно было заимствовано из древнегерманского языка еще в дописьменную эпоху и

сохраняется в ряде славянских языков. Блюда известны серебряные, оловянные, медные, ценинныес (керамические), стеклянные и деревянные, белые или расписные. Посуда из дерева называлась *щепьем, щелой*: «Привезено с Вологды 80 блюд щепы сковоротчатых» (1650 г.). В «Молении Даниила Заточника» отмечалось: «Не добра словеса предложенна, добра колбаса предложенна на блюде». Блюдо не было столовым прибором индивидуального пользования, оно служило для подачи пищи для нескольких человек, сидящих рядом. Вот свидетельство очевидца одной из трапез 1653 г. Арсения Суханова: «Сидели патриарх армянский с нашим патриархом вместе и ели с одного блюда». Пища раскладывалась на тарелки. А вот как описывает царскую трапезу Григорий Котошихин: «Да в то же время пред царем стоит на столе, на большом блюде, хлеб да сыр, и тот хлеб и сыр начнут резати и класть на тарелки».

В языке Московской Руси бытовало выражение *сидети в блюде*, что значило «сидеть за столом около одного блюда, рядом, по соседству». «А стол ему, архиепископу, поставлен был одному, поперек братскому столу стороною, а в блюде с ним сидел игумен да старец Филарет». Запись взята из расходной книги Кирилло-Белозерского монастыря (1622 г.).

Тарелки как посуда индивидуального пользования были меньших размеров, а поскольку посуда малого размера именовалась также словом *блюдце*, возможны случаи отождествления этих названий, о чем свидетельствует пометка в приходно-расходной книге Тотемского соляного промысла (1655 г.): «...блюдец торелок купил деревянных одиннадцать». *Тарелка* — русское новообразование начала XVII в. от усвоенного в XVI в. немецкого по происхождению слова *тарель*. Впервые *тарель* отмечено в завещании князя Дмитрия Ивановича 1509 г. В XVII в. оно становится понятным почти на всей русской территории, появляются уменьшительно-оценочные варианты *тарелка* и *тарелочка*. На одном из предметов, хранящихся в Оружейной палате, в 1694 г. было написано: «Сию золотую тарелку пожаловала великая княгиня благоверная царица и великая государыня Наталья Кириловна внука своего благородного государя царевича и великого князя Алексея Петровича».

Слово *миса* было известно многим славянским языкам, так как оно усвоено в общеславянский период из латинского. В русских текстах отмечается с XII в. Широкие и плоские мисы боль-

шого размера служили для подачи нескольких блюд и хлеба на стол. Сказать по-другому, походили на поднос. Для хозяйства вологодского архиепископа в 1652 г. сделали «три мисы, что на стол хлеб носят», об этом говорится в приходно-расходной книге вологодского архиерейского дома, хранящейся в областном краеведческом музее.

Посуда меньшего размера именовалась *полумисье*. Редко и только с XVII в. начинает употребляться слово *миска*. Первоначально оно было разговорным, совсем не встречается в литературно-художественных текстах древней поры. Полностью освоено лишь в национальный период.

Любопытна судьба слова *латка*, хорошо известного северянам. Впервые оно отмечается в литературно-художественных и религиозных сочинениях XIV в. Вероятно, слово древнее этих памятников письменности. Оно обозначало посуду кухонную (для приготовления пищи) и столовую, сделанную из глины. Уже к XVII в. прочно вошло в разговорную речь жителей Валдая, Онежья, Холмогор и всего Подвилья до Великого Устюга.

Сладости и фрукты на столы богатых людей подавали, как правило, в *ставах* — *ставцах* (деревянные невысокие кружки), хотя чаще они служили для питья. В росписи царских кушаний 1610—1613 гг. читаем: «...ставец кундумов, а в них четь лопатки муки крупичатой, 2 яйца, ставец штей». При составлении описи имущества княжны Мстиславской упомянута «коробочка с овощи, с пастилами да ставик дынь в патоке».

Специальная посуда для фруктов и овощей именовалась по названию плодов: *лимонник*, *огуречник*, *овощник*. Имелась посуда для приправ и пряностей: уксусница, перечница, солоница, горчишник, хотя первые упоминания о них встречаются не ранее XVI в. Несколько таких предметов в футляре или на одном поддоне именовались *судки столовые*. В описи имущества вологодского архиепископа 1663 г. значатся «сутки столовые четверные, серебряные, резные, золочены местами: солоница да перешница, да два уксусника». Некоторые названия посуды для специй сначала не имели четкого рода, хотя женский уже преобладает: *уксусница* — *уксусник*, *перешница* — *перешничек*.

«Царствовали» на русском столе и в те далекие времена хлеб и соль, поэтому названия посуды для соли и хлеба встречаются в текстах очень часто. Из двух вариантов *солоница* — *солонка* предпочтительнее второй, более поздний по времени появления. Назва-

ние солонка было особенно распространено в Новгороде, Пскове, Тихвине. Вот два описания: «...солонка яшмовая, под солоницею блюдечко хрустальное, цена солонке положена большая» (1633 г.); «...солоночка серебрена, невелика, золочена, на ней надпись: солонка благоверного царевича князя Ивана Михайловича» (1677 г.). На Севере особенно славились деревянные солоницы местного производства в форме уточек. Вологжанин Иван Селиверстов приплыл в 1676 г. в Великий Устюг для торговли, в лотке у него среди прочего товара было «50 солониц деревянных уточек, 25 братин пестрых». Об этом сделана запись в Устюжской таможне. В енисейской росписи товаров 1687 г. упоминается «утка деревянная, в чем соль кладут, вологодская, цена полгривны».

Емкость для хранения печеного хлеба называлась *хлебницей*. Это — северно-русское слово. В актах Онежского Крестного монастыря за 1688 г. так и записано: «...хлебница, в чем хлеб на стол носят». В Подвилье издавна употреблялось и название *хлебенка*, т. е. корзина или сундучок с печеным хлебом для стола, корзина со съестным в дорогу. Наши северно-русские хлебницы известны и в Сибири, куда их привезли переселенцы из архангельских и вологодских мест.

В столовый прибор входит и *ложка*. Это название имеет очень древнее происхождение. В древнерусский период чаще употреблялось *лжица*, известное по самым различным памятникам. В Лаврентьевской летописи рассказывается, как дружина Владимира выговаривала князю: «Зло есть нашим головам да нам ясти деревянными лжицами, а не серебряными». Что же делает князь: «Се слышав, Володимер повеле исковать лжице сребрены ясти дружине». Лжицы, судя по новгородским берестяным грамотам, знали в древнем Новгороде уже в XII в. В московский период слово *лжица* употребляется в книжной архаизированной литературе, а также в речевом обиходе церковников. Зато с XVI в. начинается господство варианта *ложка*, известного на Руси и раньше. Особенно ценились в то время каповые, щеточные или репчатые ложки (кап, щетка — наплыv из особо прочной древесины на стволе дерева) и коренные, корельские, или корелки, сделанные из корня дерева. Из ствола дерева делалась ложка прямизна, она не отличалась прочностью. Прибор из ложки и ножа назывался *связни*. Изобретен еще в Московской Руси.

«Питейная» посуда в старой Руси

В старорусском языке посуда для напитков обозначалась, хоть и не часто, двумя словами: *сосуды питейные, сосуды питьи, посуда распивочная*. Первое выражение уже встречали у публициста Г. Котошихина. Помните? Гречане привозят с собою товары всякие, в том числе и «сосуды питейные». В описях Свияжского монастыря 1614 г. читаем: «Да в монастырской же казне серебряных судов питьих: кубок, достоканец серебряной с кровлею, золочен, братена серебряная». Наконец, в царском приговоре 1685 г. о таможенных и кружечных дворах упоминается «роспивочная деревянная и глиняная всякая посуда». Любопытен такой факт: из этой посуды пили в основном слабоалкогольные и безалкогольные напитки: сбитень, квас, кисель, пиво, морс, взвар, мед. Так хороша была вся эта питейная посуда, что «в грех вводила»: «А иные из тех послов, выпив романею и мед, суды берут к себе и кладут за пазуху, а говорят они послы: когда де царь пожаловал их платьем и питьем, и тем судам годится быти у них же, и у них тех судов царь отнимати не велит потому что спороваться с бусурманом в стыд, и для таких безстыдных послов делают нарочно в английской земле сосуды медные, посеребренные и позолоченные», — свидетельствует опять же Г. Котошихин.

Наименование каждой посудины оригинально, так как для разных напитков использовали и разные сосуды. Например, в «Горе-Злочастии» так соблазняют добра молодца: «Испей чару зелена вина, запей ты чашею меду сладково». К тому же посуда делилась и по назначению: была специальная для хранения и подачи напитков на стол, а также для индивидуального пользования.

В чем же подавались напитки на стол? Таких сосудов известно было несколько. Они различались по форме и размерам (кувшин, кунган, воронок, сулея и другие), по материалу (скляница), по назначению для определенного напитка (росольник).

Кувшин — довольно распространенное в старорусском языке слово, отмечено оно еще в текстах XV в. Служили кувшины для хранения и подачи напитков на стол: «Посылается к нему государю

квас ячной в муравленых кувшинцах»; «Куплено два кувшина, один поменьше, в большом квас носить, а в малом молоко».

Кумган — тот же кувшин, но с узким горлом, крышкой, длинным носком и ручкой (употреблялось слово и в формах *кулган*, *кунган*, *кубган*, *куган*, *курган*). Сосуды такого вида, как и их названия, были заимствованы у тюркских народов, по-видимому, в XVI в. К этому времени, по крайней мере, относятся первые упоминания о них в текстах. Множественность фонетических вариантов говорит о том, что эти слова не были прочно усвоены старорусским языком. Чаще всего кумганы использовались для хранения воды: были они большие. Получали иногда даже имена, как живые существа. В описи имущества вологодского архиепископа 1663 г. читаем: «Кумган большой, прозвище Лебедь, медный, весом полпуда, кумган большей же, Треух, весом полпуда. Кумган большей же, Синебрюх, весом 19 гривенок». Есть свидетельства, что в кумганах подавали напитки. Одно из них — статейный список посла Толочанова в Имеретию за 1650—1652 гг.: «А пить носили с погребов в кунганах дав сулеях в серебряных и в золотых, в больших». В документах же о русско-китайских отношениях в XVII в. сказано: «И принесли к нему чаю травы вареного в кунгане серебряном и велел наливать в чашки серебряные»; «Посылала де его верховая девушка по кулган для кислых штей». Эта запись взята из бумаг царского дворца за 1689 г. Упоминаются также кунганы квасные, пивные и кунганы для других напитков.

Ендова или *яндова* отмечается в текстах с 1551 г., заимствовано из литовского языка. Ендова служила для хранения и переноски напитков. В небольших по размеру ендовах напитки подавались на стол. Имели они для удобства носики или рыльца. Вот что известно об этих сосудах. В описи имущества М. Татищева за 1608 г. есть такие записи: «...яндовка винная невелика лужена»; «...2 яндовы медяны по ведру, одна лужена, даны дьяку Семейке Головину для питья про немецких людей».

Оловяники различной величины с крышками, служившие для хранения и подачи напитков к столу, были очень широко распространены на Руси. В той же описи имущества М. Татищева упоминается «4 оловяника большие, у двух кровли сломлены, все даны дьяку Семейке Головину на питье про немецких людей». «Домострой» XVI в. учит: «А столовые сосуды, оловяники и братины, всегда бы было чисто».

Воронок — небольшой кувшин с узким горлышком и с крышкой. Тоненький носик изгибается от dna кверху. Редкие упоминания

о воронках находим только в описях имущества знати. Например, в описи имущества царевичей за 1665 г.: «Отпущено новоприезжему вологодскому архиепископу Гаврилу питья: кубок ренского, воронок меду светлого, полведра пива».

Сулеи завезли из-за границы. Использовались они для подачи напитков к столу. Обычно упоминаются в статейных списках русских послов, ездивших в восточные страны: «В сулеях стоит питье шарап»; «Питье наливали из золотых сулей в золотые чаши».

Слово *фляга* заимствовано из польского языка в XVI в. Во флягах — фляжках напитки переносили или подавали к столу. В грамотках XVII—XVIII вв. читаем: «А Перша принес ко мне две фляшки вина»; «Они с Ваською приносное вино из фляшки пили».

Братина — сосуд в форме низкого горшка; слово отмечается с XVI в. В зависимости от размеров братина могла служить для подачи напитков на стол и как посуда индивидуального пользования. На братинах, хранящихся в Оружейной палате в Москве, можно прочитать такие надписи: «Братина государя царя и великого князя Михаила Федоровича»; «Великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича а в сию братину наливается святейшаго патриарха чаша». Знать использовала золотые и серебряные братины, в быту простолюдинов были медные и деревянные. Подавали в них пиво, квас и другие напитки. Монахи Калязина монастыря в известной сатирической челобитной XVII в. жалуются: «Во братины бы наливали пиво мартовское подельное, а во братины квас наливают».

Очень распространено было слово *ковш*, известное по памятникам с 1358 г. Типичная форма старорусского ковша — ладья или плывущая птица. Делали их из дерева и металла. Приведем надпись на ковше середины XVII в., хранящемся в Государственном Историческом музее: «Сей ковш Григория Елсуфьева сына Плохово. Человече, буди при славе смирен, а при печали мудр, не зван на пир — не ходи, аще пойдеш — в высоком месте не садись, да последи нас безчестен не идеш, не всякой ковш пей до дна, да не будешь без ума, а к чюжим женам в кут не ходи, с ними не беседуй, да не будеш безчестен». Ковши делались разной величины, в «питьи», например, входило около шести чарок напитка, чаще всего это был мед, что и доказывает запись приема послов в 1517 г.: «Подавал ему мед вишневой и малиновый в ковшах в серебряных». Герой сатирической «Повести о бражнике» тем и был печально известен, что «по ковшу браги выпивал». Из древесины клена мастерили ковши-кленовики, которые известны в ту пору даже в Тарногском Городке. «Да принес мне ковшик вина кленовик, и мы у нево хлеба отъели», — читаем в явке 1610 г.

С XV в. отмечается лексикологами слово *корец*. Его значение шире, чем у слова *ковш*. Это и ковш, и корыто, и часть сохи, и единица измерения. Если *ковш* — общерусское слово, то *корец* встречается в основном в памятниках среднерусской полосы, да и то лишь в деловых текстах. Отмечается оно иногда и на северорусской территории, но значительно реже, чем *ковш*. В настоящее время корцы наиболее распространены в районе Рязани и Каширы. Корец — сосуд универсальный. В нем подавали напитки на стол, с его помощью разливали напитки, он мог быть сосудом индивидуального пользования.

А как обстояло дело на Руси со стеклянной посудой? Слово *стъкляница* известно с XII в., но употреблялось редко, так как стеклянные сосуды были исключительно привозными. Популярность скляниц растет с XVII в., когда в Измайлове был построен стекольный завод. В отписке 1653 г. сообщается на этот счет: «А как им завод завесть, делать скляницы. Месяцем де, государь, они зделают всяких скляничных судов всякими образцами и розных цветов». Старорусское *скляница* обозначало любой сосуд из стекла, служивший для подачи напитков к столу, а иногда и для питья. Память о скляницах хранят и пословицы, поговорки древней Руси: «Цел(ъ)ба пьянице на столе в склянице».

К разряду «питейных» сосудов относилась первоначально и кубышка. «Буде я взял хотя кубышку вина, вели, государь, в уголь жечь меня», — записано в челобитной в 1652 г. «Пришли де они в жилецкой подклет, а Куземка де пьет вино из кубышки». Эти показания сделаны на допросе в 1652 г. *Кубышкой* называли сосуд с широкими боками из олова или глины; служили они для хранения и питья жидкостей. Позднее кубышку стали использовать и для хранения ценностей. Кое-где и сейчас слово употребляется в этом значении. Правда, звучит в нем иронический оттенок.

Наиболее древним сосудом индивидуального пользования являлась чаша. В Изборнике Святослава 1076 г. читаем: «Чашу принося к устам, помяни звавшаго на веселье». В древнерусской культуре чаша была символом священного сосуда, поэтому слово часто выступает в переносном, метафорическом значении: чаша горя, чаша смертная. В прямом значении чаша — «богатый сосуд для питья, используемый на торжественных трапезах». Назначение ее подчеркнуто и в пословице, известной еще в древней Руси: «Иглою шьют, чашею пьют, а плетию бьют». Со словом чаша уже в XVII в. было связано выражение *чаша заздравная*, как в пустозерском сборнике

1675 г., принадлежащем перу Аввакума и Епифания: «Проспались бедные с похмелья, голова кругом идет со здоровых чаш». Во второй половине XVII в. активизируется слово *чашка*, например: «А чай роздавали в чашках в жолтых деревянных больших»; «И одна была на столе чаша великая серебряная, и в ней было вино виноградное, а наливали в чашки золотые ложкою серебряною долгую».

Кубок — распространенное древнерусское слово, но в московский период в значении «сосуд для питья» употреблялось очень ограниченно. Дело в том, что кубки превратились в драгоценность, стали формой жалованья, украшением интерьера. Как посуда для питья они встречались только на столах феодальной знати. Об этом напоминают нам старинные художественные тексты. «Сказание про храброго витязя про Бову королевича»: «И король Маркобрун выпил кубок меду и уклонился спать». «Повесть о царе Соломоне»: «И принесет скоро кубец меду и трубу злаченую, и царь Соломон испивает меду». «История семи мудрецов»: «Напился ис того кубка ис которого он сам пьет».

Чара — сосуд для питья. Название носило книжный характер, поэтому употреблялось только в художественных текстах: «Пресладкого пития налияны златые чары» (из поэзии XVII в.). Производные от того же корня — *чарка* и *чарочка* — принадлежали обыденной речи: «Пьяному бещество — до чарки вина»; «Чарочки по столикам похаживали» (народные пословицы и припевки, записанные в XVII в.).

С XV в. встречается в литературе описание кружки: небольшой сосуд с ручкой, иногда с носиком и крышкой. Используется для питья и измерения объема жидких и сыпучих веществ. «Да послали есмя к вам две кружки меду старого две кружки меду черемхового», — сказано в царской грамоте 1599 г.

В одной из духовных грамот, датированной 1358 г., зафиксировано слово *достокан*. В XVI в. появляется уменьшительное *достоканец*, в XVII в. — *достоканчик*. Это — сосуд индивидуального пользования, превосходящий по объему чарку, что видно, например, из записи допроса в 1677 г.: «Она им поднесла по достоканцу троецкому вина, а в достоканце будет чарки две или три». Во второй половине XVII в. письменно фиксируется *стакан*. Так, в связи с приездом в Иркутск в 1684 г. монгольских послов им было выдано «по серебряной чарке вина горячего, по стеклянному стакану сбитню, по серебряному стакану ж пива». В 1683 г. на одном из сосудов царской казны была сделана надпись: «Великих государей Сытного дворца стакан».

Слово *стола* употребляется в русском языке с конца XVI в. Стола обязательно имела ручку и крышку, чем и отличалась от стакана,

хотя назначение их было одинаковым: «...стопка или достаканчик малой», — доказывается в росписи имущества вологодского архиепископа Симона (1681 г.).

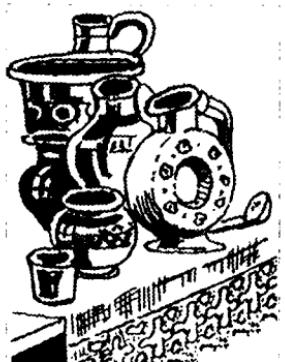
Рюмка — от немецкого *Koteg*, в значении «сосуд индивидуального пользования для питья» — употребляется с середины XVII в. Отметим еще вариант *рюмок*, употребленный под влиянием немецкого языка в дневнике стольника П. Толстого в период пребывания его за границей в 1698 г.: «Всякий римский житель на всякий день зело рано до свету или на разсвете имеет выпить двойного вина малый рюмок».

Для напитков и различных яств был предназначен *ставец*. В росписи царских кушаний 1610—1613 гг. упоминаются ставец сливок, ставец штей, ставец сморчков. В «Сказании о роскошном житии и веселии» излагаются мечты бездельников: «И тут всяк пришед хотя ковшем или ставцом, припадкою или горстью, бог в помощь, напивайся».

Ставцы были известны повсеместно. В белозерских местах их называли *ставок* или *ставик*. «Да поезжают старцы на ряду и дают им по ставику икры черной да по ставику меду пресново», — сказано в расходной книге Белозерского монастыря XVII в.

В Поволжье и на юге России в старые времена часто использовались низкие и широкие сосуды — *плошки*. «В Саранску на кружечной двор для питухов куплено тысячечка плошек глиненных да пятьсот чарак деревянных», — помечено в Саранской таможенной книге за 1692 г. Знали их и в Москве. Плошка была также столовой посудой простолюдинов. Как знак бедности упоминается она в одной старой пословице: «Животов у старца только плошка до ложка».

«Днаний с ящиком, а жена его с кашиником»

Понятие «посуда» входят столовые сосуды, поваренная или кухонная посуда и посуда погребная, в которой хранили готовую пищу и съестные запасы. В старину знать пользовалась разнообразными по внешнему виду и назначению приборами. Простолюдины довольствовались малым. Об этом, кстати, сказано в описании Московского государства, составленном неизвестным автором в конце XVII — начале XVIII вв.: «У простаго тамошнего народа домовная посу-

да зело мала есть, и мало у них бывает, болши немногих горшков да нескольких деревянных или глиняных блюд и сковород; олова же тамо мало употребляют, також и серебряных сосудов немного, кроме винных да медвяных чар». Впрочем, кухонная и особенно по-гребная посуда в крестьянских избах была разнообразна по форме, удобна и очень красива. Рассмотрим более подробно историю кухонной посуды и ее названий.

Кухонная посуда получала наименования по внешнему виду, материалу, из которого была сделана. Учитывалось и назначение. Первые блюда готовились в горшках, котлах. Для вторых брали сковороды, противни. Конечно, нельзя было обойтись без черпаков.

В старорусский период наиболее активно употреблялось слово *горшок*, и слова, входящие в то же корневое гнездо, от которого зависело формирование всей совокупности названий гончарной посуды. Первоначально были известны *горнец* и *горн*, которые имели значение «котел, горшок, чаша», но в период Московской Руси они носят архаичный характер и отмечаются в текстах богослужебного и проповеднического характера. Слово *горшок* впервые отмечается в Геннадиевой библии 1499 г. и сразу распространяется по всей русской территории. Из письменных источников известно, что горшки делали в основном из глины, поэтому «гневлив с горшки не ездит», подчеркивает старая пословица. В горшках готовили пищу, хранили молоко и масло, использовали их в разных ремесленных производствах. Горшками накрывали котлы и винные кубы, некоторые хозяева из горшков с трещинами делали печные трубы. В памятниках религиозной письменности горшок именовали *скуделью*, но это название было привычно лишь для книжников.

С общеславянских времен существует название *котел*. Котел — это металлический, кованый или литой сосуд для варки, кипячения, с ушками и дужкой для подвешивания и переноски. Были котлы варочные, или варевые, естовые, поваренные, штанные, или штеварные, кашные, или кашеварные, квасные, пивные, или пивоварные. В котлах варили смолу, селитру, воск. В походы брали путные, или дорожные, котлы небольших размеров. Именовались котлы и по размерам: тройчатка, четверник, пятерик. В зависимости от приготовляемой пищи или напитков котлы называли *кашниками*, *квасниками*. Так, *кашник* «котел для каши» отмечается в приходно-расходной книге Спасо-Прилуцкого монастыря 1665 г.: «Зделали котелники котел медной кашник весом два пуда». Уже тогда это слово встречается и в пословицах: «Ананья с ящики, а жена ево с кашники». Иногда в назва-

ний учитывается и другое его назначение — для приготовления крепких напитков. Например, *седун* — от *сидеть* «изготавливать напиток путем перегонки». Кстати, седуны были известны лишь на северо-востоке, особенно в Великом Устюге.

С конца XVII в. встречаются упоминания о казанах, которые использовались исключительно для винокурения. Название *казан* заимствовано из тюркских языков, первоначально употреблялось лишь на юге России и в Поволжье. Позднее *казан* становится более необходимым и в других местах. Значит, и само слово становится более известным.

При именовании учитывался и такой важный признак, как материал, взятый для изготовления. Наиболее распространены были медные котлы: *медница*, *меляник* и *меляница*, *медник*. Но названия *медница* и *меляница* употреблялись редко и лишь в церковной литературе, а *медник* и *меляник* — очень часто, особенно в северо-русских областях. Лишь иногда они встречаются в старомосковских актах. В хлебне Коряжемского монастыря в 1550 г. для приготовления хлеба было два *медника*, а в Онежском Крестном монастыре по описи 1688 г. значилось «четыре котла варчих медных з дугами да *меденик* варчей весом всего пуд». Возможно, *медеником* называли не только котлы, но и другие типы медной посуды. Так, в словаре Э. Вейсмана 1731 г. *медеником* именуется «банное судно, в котором теплою водою моются». Сейчас *медники* сохранились в архангельских, вологодских, кировских, калининских, уральских и сибирских местах.

А вот металлические или глиняные сковороды известны каждой современной хозяйке. Привыкли на них печь и жарить (слово *сковорода* впервые зафиксировано в новгородской берестяной грамоте № 586). В старину же, судя по историческим описаниям, на сковородах... готовили щи, варили кисель. Было принято, что «за столом у государя патриарха ели в крестовой... З сковороды штей с снятками» (Столовая книга патриарха Филарета. СПб., 1906, с. 73). Сковородки использовали и в качестве столовых приборов. Глубокие, типа плошек, служили в Белозерске для питья. В белозерской судной записи 1633 г. читаем: «Целовальник Костя Якшин в роспросе сказал: сидит де он у государева питья в сковородошной, продает вино в сковородки».

Некоторое время в русском языке употреблялось западно-славянское слово *ланев* «металлическая сковорода, котел», в преднациональный период оно было известно в тихвинском говоре.

Близка по назначению к сковородке латка, но делали ее исключительно из глины. Кстати, *латка* — общеславянское слово, в древ-

нерусском языке употреблялось часто и даже проникло в тексты художественного и богословского содержания, но с XVI в. в связи с появлением новых типов сосудов, особенно металлических, стеклянных, и под влиянием конкуренции со стороны новых слов *латка* превращается в диалектизм. В современных северно-русских говорах *латка* «посуда для жарения; миска» сохраняется до сих пор.

Были в старой Руси и *плошки*. Это глиняная широкая посуда с невысокими краями. На Севере их использовали для приготовления жареного и печеного, в Корнильево-Комельском монастыре в них пекли караваи. В приходно-расходной книге вологодского архиепископа за 1668 г. отмечено: «Куплено в обиходную поварню пять плошек больших мясо жарить дано три алтына».

Металлические большие емкости, круглые или продолговатые, тип блюда или подноса, с невысокими краями, с крышкой и ручками, для хранения и приготовления пищи называли *веко*. Слово это известно с 1553 г. В старорусский период *веко* — преимущественно кухонная посуда. Причем довольно распространенная. В ней пекли пироги и хлеб, хранили квас, готовили мясные блюда. В национальный период слово *веко* приобретает узкодиалектный характер, что объясняется возрастанием роли слов *противень* и *сковорода*. Одновременно в говорах все чаще употребляется *веко* в значении «луковка». Уже в старорусский период посудину эту использовали как поднос, лоток. Во время приема послов в 1675 г. были использованы «три тарелки серебряных чеканных, веко серебряное прорезное, а несены на тех торелках запана да твои часы, а на веки рукавицы и чюлки». Московские торговые люди ходили по рядам с веками, на которых лежали мелкие товары: «...торгует де он против овощного ряду на веках всяким щепеньем». Со значением «лоток, ящик для товаров» это слово известно и сейчас в вологодских говорах. Небольшая кухонная чашка — *векошник* — использовалась как мерка. В росписи царских кушаний за 1613 г. было отмечено, что «в рыбной день подается Государю в стол векошник снятков, на блюдо векошник ягод».

Теперь обратимся к слову *противень*, которое, несмотря на свою привычность для русских, имеет немецкое происхождение. Звуковые изменения произошли под влиянием слова *против*. *Противень* появилось в русском языке поздно, в письменных источниках наблюдается с 1576 г. Противень представлял собою большой металлический четырехугольный поднос для приготовления горячей пищи. Эта посуда быстро распространилась на Руси, да и старые русские века тоже стали называть *противнями*.

Для выпечки караваев кое-где имели специальные сковороды — каравайники. Такая посуда была в имуществе опального патриарха Никона, когда он находился в Ферапонтовом монастыре. Позднее каравайники известны на севере и востоке России, а также в старой Твери.

Специфической кухонной утварью были решетки для горячего приготовления рыбы. О решетках упоминается в переписной книге Кирилло-Белозерского монастыря за 1601 г.: «...решетки железные на чем рыбу пекут». В имуществе патриарха Никона в 1676 г. были также «две решетки, на чем рыбу жарят».

В быту знати употреблялась иноземная кухонная посуда для жарения рыбы — *роскел*: «...сковал из своего железа три роскела в чем рыбу жарят», «...в поварне ж 14 роскепов, что рыбу жарят». Это слово встречается в новгородских и московских источниках XVII в., позднее пока не отмечено.

Особую группу составляли черпаки. История их названий примечательна. В преднациональный период было активно слово *поварница*, хотя употребляется оно лишь с конца XVI в., да и то на северо-русской территории. Делали поварницы из металла и из дерева, они имели долгий стебель — ручку. В вологодских говорах это название сохраняется и сейчас. Здесь же на Севере со второй половины XVII в. начинает употребляться слово *поваренка*, которое позднее бытует повсеместно без территориальных ограничений. Общерусское соответствие к названным словам известно с древней поры. Это — *упольник* «кухонный ковш на длинной ручке». Часто встречается в южно-русских и смоленских источниках периода Московской Руси. С конца XVI века письменность отражает появление формы *уполовник* (сравним: *уполовить* «разделить пополам, отбить»), но опять же на северо-русской территории: в Подвилье, Тотьме, Вологде, Кириллове. Во второй половине XVII в. *уполовник* стало известно на Валдае, в Москве, Кашире, Рязани. В XVIII в. слово толкуется в словаре Э. Вейсмана уже как «поварская ложка». Вариант *уполовня* был характерен для тихвинского говора. В XIX в. *уполовник* и *уполовня* окончательно входят в русский литературный язык.

Широко употреблялись в старорусский период слова с корнем *чум-*. *Чум, чумок* — архаичное название ковша для питья. *Чюмич* — металлическая, реже деревянная поварская ложка с длинной ручкой. Вот как раскрывается его назначение в цитате из приходно-расходной книги Онежского монастыря за 1668 г.: «...четыре чюмича, чем щи и молоко черпают». Вначале они употребляются в Подвилье,

Белозерье, на Вологодчине, в Тихвине, Пскове, потом доходят до Москвы и Дорогобужа.

Большое корневое гнездо составляют слова с корнем *черп-*: *черпало*, *черпальце*, *черпня*, *черпашка*, *черпалка*. Встречаются нечасто.

Подойник и кринка

Названия предметов материальной культуры и быта составляют значительную часть русского словаря. Причем наиболее активную и динамичную. Употребление их зависело от местных особенностей в ведении хозяйства, от развитости того или иного ремесла. И даже от соседей с иной культурой и другим бытом.

Но все же главным являлось то, чем человек занимался. А самой древней отраслью сельского хозяйства считается молочное животноводство. И слова, что были здесь в ходу, тоже отличаются древностью происхождения. На каждом этапе истории они в чем-то изменялись. Не все дошли до наших дней.

Старорусские названия сосудов для молока, используемых при доении коров, не нуждаются в пояснениях: *доиленка*, *дойник*, *подойник*. Раньше других в письменных источниках зафиксировано слово *доиленка* (XVI в.). Оно имело, вероятно, северно-русский характер, поскольку наблюдается лишь в двинских актах и в «Домострое»: «Коровка издоити, а доиленка и всякие суды молочны теплой водою мыти». В современном русском языке это слово не отмечено, но в архангельских говорах употребляется однокоренное *доильница* в значении «глиняный подойник, небольшое ведро с крышкой для молока».

Дойник возникло на территории Ростово-Сузdalского княжества и присоединенных к нему земель. Наблюдается с середины XVII в. в письменности Суздаля, Подмосковья, Вологды. Так, в приходно-расходной книге Савво-Сторожевского монастыря (под Звенигородом) за 1666 г. значится: «Куплено в подмосковное селцо Шунгино на коровеи двор шесть корчажек да дойник». Вспомним пословицу, записанную в то же время: «Корова с молоком, а баба с дойником». В национальный период слово распространилось по всей Русской территории, сейчас входит в состав литературного языка.

Еще раньше, с 1575 г., известно слово *подойник*, которое было особенно распространено в пределах северо-русской территории: от Пскова до Северной Двины, а к югу — до Москвы. В то же время в Великом Устюге употребляется название *подойница*. В современном русском литературном языке — это синоним к слову *дойник*.

Названия сосудов для хранения молока и молочных продуктов связаны по происхождению с древней гончарной терминологией, а также с названиями молока или продуктов из него. Это прежде всего слова с общеславянским корнем *крин-*. Они относятся к числу древних в русском языке. Сюда входят *криница*, *кринка*, *криночка*, *кринца*. *Криница* в значении «горшок для масла» в древности известно в северо-восточной части северо-русской территории, там же отмечено и *кринца*. В национальный период слово *криница* употребляется в вятских, олонецких, тверских и псковских говорах.

Слова *кринка*, *криночка* «глиняный горшок, иногда обтянутый берестой, для хранения молока», по данным письменных источников, употреблялись на обширной территории от Тихвина до Вятки (ныне Киров) и от Архангельска до Рязани. Однако пока нет оснований объявлять слово *кринка* общерусским для периода Московской Руси, поскольку в памятниках значительной части южно-русской территории оно не обнаружено. Там ему соответствовали диалектные наименования *мастюшка* и *молостов*. В национальный период *кринка* входит в литературное употребление.

Слова с корнем *череп* «глиняный сосуд» известны всем славянским языкам. В русских текстах *череп* как название глиняного сосуда для хранения масла, меда, а также для других хозяйственных и ремесленных нужд наблюдается с 1559 г. В этом году в расходной книге Корельского монастыря сделана запись: «Купил череп масла дал десят денег». На Севере в том же значении употреблялся вариант с уменьшительным значением *черепок*, а в воронежских таможенных книгах — *черепенька*. В современных говорах известны *череп*, *черепашка*, *черепяня*, обозначающие разновидности хозяйственных горшков.

Посуда, в которой держали масло, так и называлась — *масленик*. Это слово появилось в ростово-суздальских землях, отсюда проникло на север и на юг. В приходно-расходной книге Ферапонтова монастыря за 1675 г. читаем: «Келарю старцу Аврамию дано в масленик масла коровья». После XVIII в. *масленик* закрепляется в северо-русских говорах, в литературном языке его заменяет *маслёнка*.

Все слова, о которых шла речь, имеют исконное происхождение, причем многие из них возникли еще в эпоху общеславянского един-

ства, до V в. Основные наименования *кринка* и *подойник* уже в донациональный период употреблялись на значительной территории и быстро закрепились в современном русском литературном языке.

Территориальные говоры знают много больше названий молочной посуды, чем литературный язык. Сохранив почти все древнерусские слова, они накопили и дополнительные за счет народного словотворчества и заимствований из других языков.

...Уберем столовую и кухонную посуду и заодно посмотрим, где хранили наши предки блюда и стаканы, горшки и кринки.

В чём квас... живёт

Погребная посуда на Руси была преимущественно деревянной. Еще Адам Олеарий, знавший обычай Московской Руси, заметил: «В этой местности растет очень много, даже целые рощи лип, с которых жители дерут лыко и развозят его по всей стране, приготавливая из него сани, посуду или ящики. Дерево они режут на цилиндрические части, выдалбливают их и пользуются ими как ушатами, бочками». Но чаще погребная посуда была бондарной. Различалась она размерами и формой. Крупные — бочки и кадки. Средние — лагуны, ведра и т. п. Долбленые с низкими стенками, имевшие удлиненную форму — корыта, лотки. Самые распространенные погребные деревянные сосуды большого объема — бочка и кадь. *Бочка* — общеславянское слово, возникло еще у древних славян, но в древнерусских текстах замечено с 1471 г., до этого употреблялось слово *бъчьвъ*. В большинстве случаев бочки были именно деревянными, они обтягивались обручами, имели отверстие — воронку и втулку — гвоздь, в них хранили жидкое и сыпучие съестные припасы. Делали бочки из разных пород дерева: липы, дуба, ели, вереска. Позднее встречаются и металлические. Разновидности бочек по объему получали названия *бочка беременная* (от *беремя* — «связка, охапка»), *возовая* (от *воз* — «количество чего-либо, умевшееся на возу»). Небольшой сосуд объемом около двух ведер называли *бочечкой*. А слово *бочонок* появилось где-то в 20-х годах XVII в., но особое распространение получило лишь во второй по-

ловине столетия. Пока слово *бочонок* осваивалось в языке, малые сосуды именовали *боченька*, *бочюрка*, *бочюрочка*, *боченик*, *боченечек*. Той же цели служили обозначения *полубочек*, *полубочка*, *получьце*.

Различались бочки *лежанки* (другие названия: *лежан*, *лежка*, *лежатка*) и *стойки* — *стоянти*. Названия даны по технологии изготовления, то есть по наличию вертикального либо горизонтального упоров. Лежанки были особенно распространены в северных краях, вплоть до Волоколамска и Валдая, а стойка — на юге и в средней России. «Бочку лежан купил», — сообщает в своей записке вожский крестьянин в 1605 г. «Явил Григорей Титов четыре бочки стойки рыбы лодоги да бочку лежку рыбы лодоги», — записано в таможенной книге Тихвинского монастыря за 1698 г. Если лежанки в национальный период сохраняются лишь на Среднем Урале, то стойки широко применяются на Севере, в Поволжье, на Урале и в Рязани.

Бочки, служившие местными мерами, имели свои названия: *седовка*, *вороновка*, *осташевка*. Но в седовках могли возить не только рыбу, а оstashewka могла быть не только в Осташкове. Зато вороновки — вороненки были только в Тихвине, правда, лишь в старорусский период. Вероятно, по форме или по содержимому получила название *бочка веретенка* (от *веретено* или от сочетания *веретенное масло*; такое масло шло на смазку различных осей — веретен).

Название *кадка* тоже давно известно в русском языке, но оно пришло из греческого, в памятниках письменности *кадь* — с XIII в. В отличие от бочки *кадь* могла быть ниже и не имела верхней крышки, поэтому бочки иногда переделывали в кади. Так, на дворе вологодского архиепископа бочкарь Ларион в 1664 г. «две бочки ветхие починивал кадми огурцы солить». Общерусское название *кадка* обозначало обычные сосуды, не имело уменьшительного значения. В северной местности чаще кадочки называли *кадцами*. «Купил две кадцы с покрышками под рыжики и под икру», — сказано в приходно-расходной книге Спасо-Прилуцкого монастыря за 1665 г.; «Два ушатца ветчаных в чем кvas живет да катца у дворника у Федки в чем капусту держат», — читаем в описи Свирского монастыря за 1674 г. Лишь с 1651 г. фиксируется в текстах слово *кадушка*: «Куплена кадушка на молоко на коровей стан; куплено две кадушки рыба солить» (из приходно-расходной книги Звенигородского Савво-Сторожевского монастыря 1651 г.). Вероятно, слово *кадушка* в ту пору было

преимущественно южно-русским, случаи употребления его в северно-русских источниках немногочисленны. В вологодских и великоустюжских местах небольшие кадки часто называли *кадульками*, северянами и сибиряками это слово употребляется до сих пор.

Кадки из липового дерева именовали *липками* или *липовками*, чаще они были долблеными. Кадочки, сделанные из дуплистого чурбака, соответственно называли *дуплянка*, *дупляночка*, *дупелька*. Вероятно, впервые такие предметы домашнего быта и их названия появились на Севере. О них упоминается лишь в свирских, соловецких и устюжских материалах. В национальный период дупельки и дуплянки известны чуть ли не повсеместно.

Только в русском языке есть слово *извара*. Первоначально так называли емкости, в которых что-либо заваривали, обдавали варом, то есть кипятком. Это была кадка емкостью от 4 до 20 ведер. Извары служили для приготовления и хранения напитков, съестных припасов, для переноски воды и других хозяйственных нужд.

Деревянные сосуды строго установленного объема использовались для измерения жидких и сыпучих веществ. Назывались они *мерниками*. В крестьянском быту использовались очень долго.

Только на юге в специальных кадушках с крышками, в *боднях*, хранили ценные вещи, бумаги и деньги, что видно, например, из челобитной 1690 г.: «Вынела у меня сироте вашей з бодни тридцать рублев денег да деловую запись». В русский язык это слово проникло из староукраинского и старобелорусского, а ими заимствовано из германских языков. Русские такие емкости могли называть и *кадушками*. «Из клети кражею взяли пожитков моих две кадушки с платьем с рубашками и с холстами», — помечено в другой челобитной за 1691 г.

... Известный на юге *лазбень* — род кадки или жбана — вначале предназначался для жидкостей, а потом его функции тоже расширились: в лазбени стали класть сало и мясо. В курских и воронежских краях *лазбенем* иногда называют деревянный или лубочный ящик, короб с крышкой и запором для белья и одежды. Это — род сундука.

Кадка, имеющая уши, чтобы удобней ее переносить, получила название *ушат*, которое в памятниках письменности отражается поздно, лишь с XV в. Объем ушата составлял около десяти ведер. В нем хранили жидкие и сыпучие вещества, носили воду. Использовали и при строительных работах. Переносили же вдвоем, для чего в уши продевали коромысло.

Бадъя известна раньше ушата, хотя название ее заимствовано из персидского языка через татарское посредство (1358 г.). Маленькие бадейки использовались для меда, водочерпные бадьи применялись в домашнем хозяйстве, водоливные — на соляных промыслах. Водочерпные обычно цепляли к колодезному журавлю или вороту, на Севере их так и называли: *цепня*.

Скажем еще об одном специализированном сосуде, известном на юге. Это **напол** (от *пол* — «половина») — низкий бондарный или долбленный сосуд, полубочка.

Кадки называли и **чанами**, только чаны были очень широкими, имели среднюю высоту. Это всегда бондарные емкости, ведь и произошло слово *chan* от *доска*. В древнерусском языке были еще известны названия *дъшан*, *дшан*, *дощан*, *дчан* и другие. Чаны вмещали в себя от 20 до 60 ведер, их просматривали, использовали для доставки воды, для соленья и квашенья, хранения разных напитков, а также для ремесленных нужд.

Из сосудов среднего и малого объема наиболее известен **лагун**. Название тюркское, поэтому и слово известно по письменным источникам с 1608 г., хотя имя собственное Василий *Лагун* зафиксировано уже в тексте 1473 г. Лагуны были вместимостью не более семи ведер. Впервые появляются на северо-русской территории. В сузальских, владимирских, московских и рязанских актах упоминание о них находим лишь в конце XVII в. Маленькие лагунцы вмещали около ведра. Если лагун походил на кадочку, то *лагвица* напоминала баклажку, объем ее не превышал четырех ведер, держали в лагвицах исключительно крепкие напитки. В старорусский период лагвицы использовали в Великоустюгском уезде. В Подвинье и по р. Вятке их называли *лаговками*, а в других северных областях — *лагушками*.

На Балдае и в Воронеже в лагуны наливали деготь, отсюда и название *мазница*, *дегтярня*, *деготница*.

Но, пожалуй, самое интересное название *ручка*. Оно известно по текстам с 1096 г. В общем неопределенном значении «сосуд». Слово практически стало утрачиваться, но его сохранил великоустюжский говор. Во второй половине XVII в. в великоустюжских источниках *ручкой* называют кадочку с ушами для хранения жидкостей. Например, в расходной книге Троице-Гледенского монастыря в 1682 г.: «Две ручки большие с покрышками на молоко по двенадцати ведер... ручка большая с покрышкою на укроп в 13 ведр». По свидетельству В. И. Даля, слово *ручка* в значении «кадочка, кружка, кувшин с ушами» употреблялось в вологодских и пермских говорах и в XIX в.

К бондарной посуде относилась и *насадка* — деревянный бочонок с двумя днищами, объемом до семи ведер, в нем хранили крепкие напитки. Своеобразно выглядел *носок* — небольшой деревянный сосуд с двумя днищами, с рыльцем — носком. Впервые о нем сообщается в вологодских и ярославских актах XVII в., позднее подобные сосуды наблюдали в тверских деревнях. Широкие и низкие сосуды большого объема, в которых хранили напитки, в старой Москве называли *площадками*. Название дано тоже по форме емкости.

В XVII в. русские знакомятся с несколькими иноязычными названиями: *куфа* — немецкая бочка, а *галин* и *галенок* — немецкий бочонок. Кстати, *галин* — галина первоначально употребляются лишь в Поморье, где контакты с иностранными купцами были активными. Из голландского или немецкого заимствовано *анкер* — «бочонок для вина».

Бондарные сосуды с одним днищем для переноски жидкостей и других домашних нужд представляли собою различные ведра и шайки. Само название *ведро* существует в славянских языках издавна. Его происхождение связано со словом *вода*. Раньше ведра часто использовали как мерные сосуды, которые делали из дерева или меди. Хозяйственные же были деревянными, обтянутыми обручами. Их часто называли *водоносными*, *водяными*, *водоносами*.

Слово *шайка* заимствовано из тюркских языков, судя по письменным источникам, в начале XVII в. Сам предмет представлял собою невысокую деревянную посудину, обтянутую обручами, с одним или двумя ушами — боковыми ручками, в ней носили воду и ею черпали воду. В частности, в банях. Самое первое упоминание в письменности как раз и относится к банным шайкам. Впрочем, они годились и для других целей. В расходной книге Можайской таможни и кабацкой избы за 1638 г. записано: «Куплено на кобак у можайского стрелца у Михейка Сергеива пять шаек во что питухом пива отдавать».

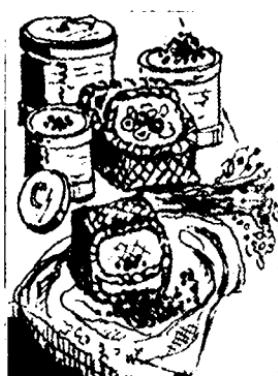
Первые употребления слова *шайка* встречаются в Сибири и восточной зоне северно-русской территории, что указывает на заимствование там слова из тюркских языков в результате непосредственных контактов русских с тюркоязычными народами.

Что касается долбленной посуды с низкими стенками, то она хорошо известна: корыта и колоды, различные лотки. Правда, в старорусский период наряду со словом *корыто* очень часто употреблялось название *ночвы*. Оно обозначало неглубокое, широкое и тонкостенное долбленное корыто, используемое для хозяйственных и ремес-

ленных нужд. Корыто для воды и корма скоту в воронежских и можайских местах еще в старину получило название *комяга*. Кстати, так же называют здесь и лодки. Южно-русским словом является *каюк* — корыто для замачивания зерна. Есть и лодки с таким «именем».

В большинстве случаев все виды сосудов, изготовленных из дерева, именуются в русском языке словами исконного происхождения. Это объясняется традиционным характером бондарного ремесла у восточных славян, зависимостью от климатических условий местности при выборе материала для хозяйственных поделок.

«Назвался груздем — полезай в кузов»

Какие были кузова в старину? Представление о них можно и сейчас получить, если походить и поездить по старым русским деревням, порасспрашивать стариков и старушек, полазить по сельским чердакам и амбарам. Но заглянем в глубь веков. Памятники письменности хранят сведения о различных типах корзин, лукошек, коробов, кузовов, пестерей и т. п.

Утварь, плетенная из бересты, луба, дранки или сшитая из бересты, именовалась общим словом *посуда*. Известны два ее типа.

Сплетенные так, что между полосами материала оставались ячейки, — это корзины. В них хранили домашнюю утварь, собирали грибы. Сшитые из бересты или имеющие один-два корпуса из цельного берестяного цилиндра — это погребная посуда для столовых запасов.

Из плетеных изделий наиболее известен *короб*. Этим общеславянским словом называли плетенный или выгнутый из луба, дранки сундук или большую корзину округлой формы с крышкой. В них возили одежду, продукты, различные товары. Даже ящик или кузов для перевозки угля тоже так именовали. В Московской Руси изредка использовали металлические короба или коробки. Заметим, что коробочки для денег и бумаг оковывали полосами железа, их снабжали пробоями и замками и чаще называли *ларцом* или *шкатулей*. Металлическими могли быть даже сосуды для напитка.

Плетеные сосуды в древности называли также словом *кошь*, чаще всего они использовались для хранения хлеба, поэтому и в совре-

менных говорах *кошь* и *кошница* — названия хлебных корзин, мельничных ковшей и т. п. Родственное им *кошель* — тоже название корзины или короба, но назначение кошель на разных территориях было своим. В вологодских и тихвинских местах — это плетеный короб для платья. На территории между Тихвином и Великим Устюгом так называли большие корзины для сена. А кроме того, существовали водяные кошель — из луба, бересты или лыка для черпания и переноски воды. Водоносные кошель были и в XVIII в., позднее их окончательно заменили ведра.

Плетеную утварь могли называть *плетеница*, *плетеник*. В старицу, да и в современных говорах, эти слова употреблялись не очень-то охотно, поэтому мало известны.

Лукошко относится к таким же изделиям, о чем говорит и само название: древнерусское *лукно* восходит к глаголу *лучти* «гнуть, связывать» (кстати, *лукно* — одно из первых славянских названий плетеной посудины).

Это слово до наших дней сохранили северные говоры. А название *лукошко* впервые отмечается в Псковской судной грамоте по списку 1467 г. В лукошко, как показывают исторические факты, помещалось до пуда груза: зерна, соли, съестных припасов, разных товаров. В быту знати были плетеные коробки из серебра и жести, сделанные по типу лубяных, которые тоже называли в старой Москве *лукошками*. С лукошками часто выходили на весеннюю пашню для сева. В Рязани их так и называли — *севальниками*. А лубяное лукошко, которое служило черпаком на южных соляных промыслах, звалось *садовница* (от *садиться, оседать*).

Название *крошни*, если сопоставить с родственным словом *крошны* «ткацкий станок для ручной работы», также связано с терминологией плетения. *Крошни* к тому же — другое наименование плетеных корзин. Известно оно по текстам с 1499 г. Дошло и до наших дней, но лишь в говорах.

Лукошки, в которых давали корм лошадям, — *зобницы*. В древнерусском языке *зоб* имело значение «еда, корм». Ими же мерили зерно и хмель. Хотя бы в древнем Пскове.

Хорошо известное нам *кузов* — тоже от *зоб, зобать*, поэтому вначале кузовом были корзины для корма. Название это впервые фиксируется по переписной книге Водской пятины, относящейся к 1500 г., то есть сравнительно поздно. *Кузовом* в древней Руси бортики «нарекли» плетеные ульи, устанавливаемые на деревьях, и лотушки для птиц. Затем это слово распространили на плетеные ручные

приспособления для разных хозяйственных нужд. Кузов — плетеная корзина для переноски чего-либо, сбора ягод и грибов, то есть в привычном для нас значении, вначале упоминается только в северно-русских актах: новгородских и белозерских, затем распространяется по всей России. Уже в XVII в. существовали пословицы: «Не поклоняясь грибу до земли, не поднять его в кузов»; «Назвался груздем — лезти в кузов». В Великом Устюге *кузовами* называли заплечные короба торговцев мелкими товарами. Приведем запись, сделанную в таможенной книге этого города в 1676 г.: «Устюжанин Василий Платонов Ковригиных пошел в Устюжский уезд на Юг с кузовом, с собою понесл всякого мелочного товару и продал в волости на 6 рублей».

Слово *пестерь*, наблюдаемое в письменности с 1598 г., вероятно, заимствовано из финно-угорских языков. Впервые оно замечено в белозерских актах, а также в источниках, связанных с Вологдой, Великим Устюгом, Холмогорами. Пестерь — кузов из луба или дранки, для хранения и переноски разных предметов. В начале XVIII в. пестерь осознается как предмет крестьянского быта, а его название — как простонародное. Пестери известны на Севере и в Сибири. Это высокие плетеные корзины для переноски травы, сена и мелкого корма скоту. В них держат шерсть, пеньку. С ними ходят по грибы и по ягоды. Носят пестери чаще на спине. Во владимирских и рязанских краях их называют *пещерями*. Известно еще архангельское *бехтерь* — корзина для переноски мякины.

Наиболее неясное происхождение имеет слово *корзина* (может быть, от *корзать* — «обрубать ветки, снимая кору»). Первоначальное употребление слова только в северо-западной части русской территории позволяет с доверием отнести к шведскому *Korg* «корзина» и латышскому *corgbis* «корзина». Первая фиксация слова относится к концу XVI в.: «Куплена корзина в кузницу уголь носить». Эта запись сделана в приходно-расходной книге Тихвинского монастыря за 1592 г. По территории употребления (в основном — Тихвин, Устюжна, Белозерск, единично — в Москве и Астрахани) слово *корзина* вначале сильно проигрывало семантически близким обозначениям *лукошко*, *кузов* и *пестерь*. И лишь с конца XVII в. оно более активно входит в литературный язык.

Теперь рассмотрим плетеные и шитые емкости для хранения жидких и сыпучих веществ. Один из основных материалов для их изготовления — луб. Отсюда и названия *луб*, *лубянка*, *лубень*, *лубок*. Эти короба из луба служили тарой и мерой для сыпучих и

влажных продуктов. Местом их изготовления и использования в старой Руси была западная часть северно-русской территории. *Лубы* — короба — в XV—XVII вв. были известны на Валдае и в Старой Руссе, лубянки — на Валдае и по р. Свири, а позднее во многих северных и среднерусских областях, лубни — на территории между Тихвином и Великим Устюгом. А вот что держали в лубяной посуде, узнаем из расходной книги Иверского Валдайского монастыря за 1668 г.: «Куплено двадцать четыре луба в чом яблока весть». Чего стоила эта посуда, прочтем в этом же источнике, только за 1664 г.: «На тое икру куплено две лубянки дано шесть денег». В таможенной книге Великого Устюга за 1676 г. есть такая запись: «Патракеев с товарыщи продали мяса свиного, лубней, лукошков, портков на 30 р.». В смоленской таможенной книге за 1675 г. прочтем: «Богдан Иванов Вольской явил на возу 8 лубок меда». По современным диалектным данным, лубок или лукошко употребляется в псковских и брянских деревнях, лубка — корзина — известна в псковских, новгородских, тверских, великолукских, смоленских местах. А в говорах есть еще и такие наименования лубяных посудин: *лубенник, лубёха, лубёшка, лубня, лубочек, лубочка, лубушка, лубяна, лубяночка*.

По материалу получил название *берестень* — сосуд из бересты или сосуд, обвитый берестой. «Купил на Москве масла берестень дал 3 алтына», — сказано в приходно-расходной книге Иосифо-Волоколамского монастыря за 1574 г. Такая посуда была известна не только почти на всей русской территории, но и в Белоруссии. Сейчас берестяные сосуды в форме туеска или горшочки, обвитые берестою, в русских народных говорах тоже называют *берестнями, берестянками, берестянками*.

По технологии изготовления получил название *пошев* (от *пощить*). Пошев представлял собою лубяной короб, сшитый мочалом. Иногда он имел половинчатую подъемную крышку. В пошевах возили икру и муку, соль и другие сыпучие вещества, часто использовались как сосуды. В наши дни пошев можно увидеть только в дальних архангельских и ярославских селах.

Широко были распространены на Севере *бураки*. Причем вид и назначение их в разных областях были неодинаковы. В северо-западной зоне (от Валдая до Холмогор) *бураками* называли большие плетенные из бересты и луба короба или кузова, в которых возили уголь, дрова и другие крупные предметы, а также носили сено, мякину. В северо-восточной зоне (от Вологды до Великого Устюга и Костромы) *бураки* — это берестяные или лубяные сосуды с деревянным дном и крышкой для хранения сухих и жидких продуктов.

Небольшие круглые берестяные сосуды для жидкостей или других веществ, имевшие крышку, называли также *туесами*. *Туес* — угро-финское заимствование. Иногда, как и слово *бурак*, его соотносят с тюркскими языками. Туес был гораздо меньше бурака, вмещал до четверти ведра. Находимые при археологических раскопках туески представляют собою цилиндрические сосуды высотой около 20 сантиметров, с деревянным дном и крышкой, снабженной дугообразной ручкой. Их стенки состоят из двух берестяных цилиндров: внутреннего и наружного. Причем внутренний — бесшовный. А вот о том, где они использовались, говорят письменные источники — приходно-расходные книги: «Молоко возить купили туяс»; «Куплено для страдного времени работным людем квас держать туес берестяной новой». Первоначально слово употребляется в памятниках северо-восточной Руси и Сибири, к концу XVII столетия доходит до Москвы. В наши дни туеса можно найти в основном в сибирских и северно-русских селах.

Что представляли собой зинбель и рубуша? *Зинбель* — южно-русское слово, заимствованное из персидского языка. В зинбелях в старину возили икру и краску, а также фрукты. *Зинбель* или *зембель* — так называют корзины из мягких прутьев. *Рубуша* — северное слово, оно обозначает коробку, свернутую из куска бересты и прошитую тонкими прутиками. Известно лишь в Олонце и Онеге.

Перечисленные в этой главе названия — древнее славянское языковое наследие. Нечастые заимствования среди них отражают контакты русских с соседним населением, в быту которого была домашняя утварь из бересты, луба и дранки, сходная с русской посудой и утварью.

Мешки и сумки

Значительную группу домашней утвари составляли различные мешки и сумки. Кожаные, например, приспособливались даже для хранения жидкостей. А вообще-то в них и в мешках из ткани держали разные предметы. Были также сумки для драгоценностей, денег и бумаг. Об этом сообщают различные письменные источники, начиная с самой древней поры. В частности, и старомосковские. В «Слове Даниила Заточника» по списку XVII в. приводится старая посло-

вица: «Как во утел мех вода лити, тако безумнаго учити». В столо-вом обиходнике 1648 г. из Великого Новгорода сообщается о церемонии приема царя: «Подносят государю царю в мехах кvas медвяной». А вот пример из записи посольских речей, сделанной в 1649 г.: «Посол, господине, что мех: что в него положут, он то и несет». Особенным спросом пользовались меха для хлеба и соли, которые шились из рогожи. Более знакомое нам слово *мешок* возникло как уменьшительное к названию *мех*, но значение уменьшительности вскоре утратилось, *мех* стало забываться, появилось обозначение *мешочек*. Но надо помнить, что именно первоначальное отличие по материалу мешков из ткани от кожаных мехов и послужило причиной семантического расподобления слов *мех* и *мешок*, хотя иногда эти названия могли употребляться и применительно к одному и тому же предмету. Есть и другие случаи непривычного для современного человека употребления старых русских названий. Так, *мешками*, *мешочками* называли первоначально дежные карманные кошельки. Однако соответствующего однословного наименования в языке еще не было, поэтому использовалось описательное выражение *мешечик зепной* (от зель — «карман»): «Из под-головочки вынели денег 40 рублей да зепной мешечик, а в нем было денег рубль».

Для хранения личных вещей приспосабливали рогожные мешки и кули. Слова *рогоза* и *рогожа* употребляются, вероятно, с общеславянской эпохи. *Рогожей* называли и плетеную подстилку из мочала, и куль из рогожи. Разновидности рогож получали названия по способу изготовления: *лапотница*, *циновка*. Оба слова характерны для московских и рязанских мест. Лапотница была грубой толстой рогожей, а циновка — тонкая рогожа. На северо-русской территории использовались плотные матицы. А еще были рогожи завитухи, вязеницы, тартовки, решмы, подстилы, шуйки, полуторницы, чюрошницы, поддережки, мещерки.

Мешок из грубой ткани мог называться *веретищем* или *веретищем*. *Веретище* к тому же и рогожное полотно, из которого шили рогожи. *Веретище* известно с XI в., а восточно-славянское соответствие *веретище* впервые употреблено в берестяной грамоте № 65: «Вывези ми 2 медведна да веретища да попонь». Веретища были особенно распространены на северо-западе и западе русских земель.

Сравнительно поздно в письменности упоминается о кулях. Слово *куль* зафиксировано в источниках в 1606 г. Куль — это рогожное изделие для хранения сыпучих веществ, особенно для зер-

на. *Кулек*, как и *куль*, первоначально зарегистрировано в северно-русских текстах. Например, в расходной книге Кирилло-Белозерского монастыря за 1606 г.: «Под крупы и под горох купил 6 кулей рогозинных». Или в таможенной книге Тихвинского монастыря за 1609 г.: «Привез кулек кременя ставок масла деревянного». Постепенно в языке устанавливается такое различие: *мешок* — всегда холщовый, а *куль* — рогожный. *Рогожа* — плетенное из мочала полотно. Таким образом, новое слово появилось очень кстати. Оно устранило многозначность у слова *рогожа* и сделало более конкретной семантику слова *мешок*.

Мешки из дерюги или ряднины в рязанских и подмосковных местах называли *воспище*, да и саму грубую ткань, употребляемую особенно часто в качестве подстилки при сушке или перевозке, именовали так же.

А вот и редкие названия: *каль* или *калья*, заимствованное из восточных языков и обозначающее тару определенного объема для перевозки краски; *тулук* — мех для хранения жидких и сыпучих веществ (другие варианты: *тулуп*, *тулуп*); *басмаг* или *басмач*. Любойтно, что восточные названия кожаных мешков русские часто заменяли словом *пузырь*.

Меньшие по объему мешки и кули получили название *сума*, *сумка*, заимствованное из немецкого языка через польское посредство. Вероятно, вначале так и называли только переметные сумки, из кожи или ткани, перевозимые на лошадях у седла. Во второй половине XVII в. слово уже расширило свое значение.

Из тюркских языков было заимствовано название *чемодан* (начало XV в.). Первые чемоданы — это сумки, чаще переметные, из кожи или ткани, для хранения платья или других вещей. Так в языке столкнулись два разных слова: *сумка* и *чемодан*. Причем на очень узком смысловом «пятачке». В конце концов сумки, приторачиваемые к седлу, стали называть *переметные сумки* в отличие от всех прочих сумок, а чемоданы приобрели особую форму и другие признаки, совершенно отличающие их от мягких сумок, легко меняющих свою форму в зависимости от очертаний предмета, помещенного туда. Правда, в старорусском языке, где не было слова *футляр*, *чемоданом* некоторое время называли футляры из кожи или ткани для драгоценностей, книг и денег.

Вязаные сумки, входившие в воинское снаряжение, иногда называли *вязнями*, но *вязня* могла обозначать любое вязаное изделие: «Вязня сафьянная з заряды»; «В вязньех 10 алтын денег да зеркало з гребнем».

На северо-западе России с начала XVII в. появляются шалгуны. Это особый тип сумок, распространенный у финнов и карел. Шалгун представляет собою два объединенных парой помочей и перекидываемых через плечо суконных или холщовых мешка, в которых брали в лес съестные припасы.

Из древнерусского языка перешли в наши дни названия *тобола* и *торба*. Они усвоены из тюркских языков, широко употреблялись в говоре Великого Новгорода, обозначали дорожные сумки, но в современном русском языке являются архаизмами.

«Учините меры медные...»

Национальная русская система мер складывалась на протяжении длительного периода, с XVI по XVIII вв. Происходил отбор общерусских эталонов из нескольких десятков местных метрологических систем. При этом предпочтались наиболее универсальные, достаточно дифференцированные единицы мер объема. Одним из направлений этого процесса был переход от мер, служащих одновременно бытовой утварью, к мерам, имеющим единственную функцию — измерение чего-либо. Параллельно в языке

шел процесс формирования метрологических наименований.

Большая часть народно-бытовых мер сыпучих и жидкых веществ получила свои названия по наименованию предмета, используемого в качестве измерителя, то есть по названию различных видов столовой и погребной посуды: *бочка*, *решето*, *насыпка* и др. Новая группа возникла от наименований счетных единиц: *четверть*, *осмына* и т. п. Наконец, последние по времени появления меры и их названия были заимствованы: *кварты*, *литр* и др.

Основное название *мера* отмечается в письменности с XIV в. Мера имела разный объем на разных территориях, а сам сосуд делался из дерева или металла. В букваре Кариона Истомина 1694 г. мера изображена в виде лубяного круглого сосуда с ручками по бокам. Существовал в старину свой порядок установления меры: «Куплено шесть кадей липовых а посыпал те кади по монастырским вотчинам на меры мерят монастырской хлеб», — записано в приходно-расходной книге Сузdalского монастыря за 1690 г. Но в

XVII в. шла усиленная работа по закреплению единой общерусской меры. В царской грамоте 1624 г., разосланной по всем городам и уездам, сообщалось: «Во всех городех Московского государства учинити меры меденые ровно против нынешние московские меры, какова мера ныне на Москве зделана, да те меденые меры велели есмя послать по всем городам». Известны были и сосуды меньшего объема: полумерник, полумера. Позднее мера утрачивает свое значение, но в ряде северно-русских и среднерусских говоров сохраняется слово *мера* в значении «мерный сосуд». Старая система измерения в сельской местности сохранялась дольше, чем в городе.

Разновидность мер, окованных по верху металлическими обручами, носила название *оков*. В «Сказании о самозванце» (XVII в.) оно толковалось следующим образом: «А прежние меры, которые именуемые четверти, тож и оковами звали, оковаху бо поверху тоя бочки железным обручем, для того чтоб нелзя ея урезати, а осмину именовали осмую доль бочки».

Пережитком древней метрологической системы являлось название *пуз*, зарегистрированное в XVI—XVII вв. в Подвинье и Сольвычегодске. Пузами мерили соль и хлеб.

Более широко использовались ведро, кадка, насыпка и др. Остановимся на некоторых наиболее любопытных случаях употребления этих мер.

Из польского языка было заимствовано название *гарнец* «мера и тара для напитков», оно употреблялось лишь на Смоленщине. Гарнец был очень небольшой мерой, в него разливали пиво и мед. В смоленских местах гарнцы сохранились до наших дней. Зато на северо-востоке России были популярны насыпки, служившие мерой зерновых продуктов. Насыпки равнялись четвертой части меры. В вологодских местах насыпки используются и сейчас как емкости для зерна, муки, ягод, а также как мерные сосуды. Общерусской мерой было ведро, но существовала и такая мера, как полуведро, пол-ведро. Если ведро могло быть просто бытовым сосудом, то полуведро только мерной емкостью, что доказывает одна из записей в приходно-расходной книге, написанной в Симбирске в 1667 г.: «Мерных сосудов: полведра мерная винная, пивная и медвеная да четверть ведра», а также роспись кружечного двора за 1667 г., которая была сделана в Клину: «Полведра мерное деревянное пивное, две шайки мерные деревянные». В языке национального периода *полуведерко* — только название маленького ведерка, к измерениям оно не имело никакого отношения.

Теперь о названиях, образованных от счетных слов: *третник* — сосуд в треть ведра; *четверть, четвертина, четверик* — четвертая часть меры; *осмина* — восьмая часть меры; *десятня* — сосуд объемом в десять ведер. Процитируем еще раз грамоту царя 1624 г., где упоминаются некоторые мерные сосуды: «Велели им поделати против нынешние меденые осмины, которая к вам послана от нас с Москвы, деревянные осмины и полуосмины, и четверики под гребло и запятнать таможным пятном, а по краем с обеих сторон у осмин и у полуосмин, и у четвериков велели бы есте зделати обручи железные, чтоб края греблом не обивало». Единой системы и эти меры не имели. Историк В. О. Ключевский писал: «По вместимости своей четверть в разных местах древней Руси и в разные времена была неодинакова. Так, новгородская четверть в XVII в. была значительно больше московской, псковская несколько больше новгородской. В конце XVII в. новая указная московская четверть вмещала 8 тогдаших или 9 с лишком нынешних пудов ржи». Что касается мерных сосудов, то, сохраняя одно название, они могли иметь несколько вариантов разного объема: «Да меры монастырские осмина большая да малая осмина оковь, а другая малая ж осмина простая». Эта запись сделана в описи села Федоровского Костромского уезда 1615 г. Некоторые из этих мер сохранились и в позднее время.

В самом конце XVII в. начинают появляться меры, заимствованные из Западной Европы: кварты, позднее — литры и т. д.

«Сито часто, а пироги чинит редко»

большое чем мед и пиво цедит», — сказано в расходной книге Мон-

Среди кухонной утвари имелись особенно необходимые предметы — для выпечки хлеба. Емкости для просеивания и процеживания сыпучих и жидкых веществ различались по высоте стенок и размеру отверстий в сетчатом дне, от этого зависели и их названия. Слово *сито* (а раньше и *сето* — от *сеть*) обозначало небольшой лубяной или дранчатый круг, обтянутый с одной стороны частой волосяной сеткой. Сито использовалось не только на кухне, но и в ремесленном деле. «Поделовали сито

жайской таможни 1638 г., а в расходной книге царских приказов 1643 г. читаем другое: «Куплено сито на левкасной двор для цыженья левкасных белил». Для этих целей использовались и специальные приспособления — цедилки, небольшие сосуды в виде ситечка, выполненные в форме воронки.

Решето в отличие от сита имело больший объем и более редкую сетку. Само название образовано от древнерусского слова *рех*, то есть отверстие, дыра; тот же корень и в слове *прореха*. Если сито фиксируется в русских текстах с 1551 г., то решето — с XII в. Через решето не только сеяли муку, но и другие сыпучие вещества, с помощью решета процеживали жидкости и даже протирали некоторые продукты. Например, вареный горох. В них хранили съестные припасы, поэтому оно могло быть и мерой вещества. В старых русских пословицах обыгрываются назначение и внешние признаки решета и сита, их дешевизна и простота изготовления: «Сито часто — пироги чинит редки»; «Сито так, а решето даром»; «Пьяной сказывает — решето денег, а проспитьца — и решета купить не на что».

Решето большого размера с высокими боковыми стенками или корзина с редким дном для просеивания назывались *грохотом*. Грохоты использовались как поваренная утварь, но чаще как вспомогательный снаряд при строительстве. В древности и в более позднее время грохоты были распространены в северных местах.

Емкости, в которые ссыпалась мука или другое просеиваемое вещество, носили название *сельница*, *сельник*, *сеятьница*, *селяница*. Это были деревянные лотки или корытца, большие продолговатые чашки, широкие ящики.

Для приготовления теста, его заквашивания использовалась *квашня* — небольшая кадка.

Судя по историческим данным, само название появляется первоначально на Севере: имя собственное *Квашня* отмечается с 1380 г., а нарицательное — с 1581 г. В национальный период квашня — основная посуда для замешивания теста. На юге такую же кадочку для замешивания теста называли *дежой*, в источниках название с этим значением наблюдается с 1683 г., и только в воронежских рукописях. В древности это слово было известно в украинском языке. Судя по некоторым данным, в древнерусский период *дежой* называли любую кадку или похожий деревянный сосуд, который служил для измерения жидкостей или сыпучих товаров, но это назначение к XV в. уже было забыто. Сейчас в русских говорах на юге, а также в Белоруссии и на Украине *дежой* называют квашню.

Изредка квашню называли *творилом*, но вообще творило — большая емкость, в которой готовили растворы, нужные для строительства. Когда делали кирпичи, пользовались творилами кирпичными.

Для формовки хлебов использовались лотки и доски, широкие чаши с низкими стенками. На Севере такая посуда носила название *чаши хлебные*, а в Рязани — *поставки*.

Тесто для хлеба и пирогов замешивали с вечера. Хозяйка сначала просеивала муку, делая ее мягче и пышнее. Потом муку разводили на воде или на молоке, или на пахте, добавляли закваску или дрожжей и ставили к теплу, накрыв чистым холстом. Утром, протопив печь, начинали размешивать тесто, кладя в него добавки, готовить начинку. Хлебы и пироги еще стояли в печи, а в избе, в сенях и даже на улице уже накапливался вкусный хлебный дух, собирались к столу домочадцы. А детвора спозаранок вилась вокруг матери. Ожидание горячего хлеба — это не просто ожидание пищи, это вознаграждение за большой труд. Про пироги и хлеб у народа сложено много присловий и поговорок: «Хлеб — всему голова»; «Что нам хлеб, были бы пироги!»; «Худ обед, коли хлеба нет»; «Хлеб на стол — и стол престол, а хлеба ни куска — и стол доска!».

«Худ обед, коли хлеба нет»

Русская кухня имеет свои традиции, обусловленные природой, климатом, экономическими возможностями. К сожалению, сведения о народной кухне периода Московской Руси сохранились плохо, мы даже не знаем многих названий народных кушаний. В то же время русская кухня очень медленно изменялась, поскольку постоянными оставались технология приготовления блюд и исходные продукты. Удивительным изобретением оказалась русская печь, основными приемами приготовления в ней были варка

и томление. Хлеб и пироги пекли на поду, где они получались с тонкой корочкой. Без ржаного хлеба не обходился ни один стол, зато белого пшеничного хлеба потребляли очень мало.

Много ли было названий хлебных изделий на Руси в прошлые века?

Хлеб является общеславянским словом, заимствованным в очень давние времена из древнегерманских языков. Сколько разнообразно было применение хлеба, столь же разнообразны и значения слова: «хлеб печеный», «кушанье, угощенье», «пропитание, продовольствие», «пища». По качеству муки различали хлеб расхожий, решетный, смесной, крупнотертый, ситный. Из овсяной муки — назывался *овсяник*, отсюда пословица: «Не ломайся, овсянник, не быть калачом». Из гречневой муки пекли гречневики, но *гречневиком* называли и пирог с гречневой кащей, и блин из гречневой муки. На Севере постоянно готовили житники — хлебы из житной, то есть ячменной, муки, а также пироги и лепешки. Хлеб из пшеничной муки именовался *пшеничником*. Приведем хотя бы по одному старорусскому примеру: «Почали нас кормит овсяником и пьем в трапезе и по кельям воду»; «По рядом на веках с гречневиками не ходить»; «Да купил житников на три денги»; «Куплено к столу калачей, хлебов ситных, пшеничников».

Разновидностью хлебного изделия был *кулич*. Название заимствовано из греческого языка, оно наблюдается в русских текстах с 1590 г. Этот круглый или овальный хлеб делался сладким, сдобным и обычно выпекался к пасхе.

В зависимости от размеров хлебы и куличи получали соответствующие названия: «В заговейно Филиппово за ужиною хлеб осминки да калачи осминки», — свидетельствует столовый обиходник Волоколамского монастыря 1591 г. «А государыне царице кушанье подавано в хоромы: кулич недомерок, кольцо, полхлебца», — отмечено в чине венчания царя Алексея Михайловича 1643 г.

В последней четверти XVII в. в письменности появляется слово *булка*. Происхождение его неясно. Наиболее близка к истине идея о заимствовании его из германских языков. Самые ранние примеры употребления обнаружены в договоре России и Дании 1684 г.: «Роспись хлебным запасом: ... 2 булки; 1 пшеничный хлеб; 2 ситные хлеба; каждому на день определено будет 2 булочки и 2 хлеба». Булки пекли из высокосортной пшеничной муки, формой они, вероятно, отличались от традиционного ситного и пшеничного хлеба.

Ситный хлеб, или *ситник*, получил свое название по ситной муке, то есть битой через сито. Он имел лучшие вкусовые качества по сравнению с решетным хлебом, мука для которого сеялась через решето. В старой пословице лукаво замечено: «Ситный съел, так решетный цел».

Дворцовый печеный хлеб назывался *басманом*. На его верхней корке басмились, то есть оттискивались, разные фигуры.

От детского слова *лапа* в значении «хлеб» возникло название *папошник, папушник*. Папошники отличались от пирогов и от бас-

манного хлеба. Вероятно, это был пшеничный домашний хлеб, в который добавляли пряности. Приведем описание некоторых хлебных изделий в московской росписи 1700 г.: «...блюдо жаворонков, папошник с коринкою, згибень с горохом». В псковских и тверских местах папушей называли булки и калачи, на севере папушник — это мягкий домашний пшеничный хлеб, булка или пирог.

Любопытна история слова *блин*. *Блин* — из *млин*, а *млин* — от *молоть*. Кстати, *млин* известно в русских текстах XIV в. Имя собственное *Блин* отмечается в середине XV в., а нарицательное *блин* — с 1499 г. Что это за кушанье? «Блины однова пшеничные с припекою, а гречневые с кашею», — сказано в столовом обиходнике Иосифо-Волоколамского монастыря 1591 г. «Пироги с горохом или с соком, или блины с маслом да с луком, а другие с соком». Это уже ели в Кирилло-Белозерском монастыре. «Выдано овса на блины и на толокно», — значится в приходно-расходной книге Весьегонского Краснохолмского монастыря 1652 г.; «Блюдо блинов тонких, блюдо блинов красных», — читаем в росписи кушаний 1675 г. А еще были «блины просыпные с яйцами», «блины тонкие с маслом». В «Домострое» приводится рецепт изготовления икряных блинов: «Блины икряные, а делают: бьют икру много да процедят сквозе решето частое да приложат мучки крупичатой, и оне толсты станут, что красивые блины, и кладутся по три блина на блюдо».

Слово *блин* в донациональный период южнее Москвы не отмечается, хотя оно встречается в художественных текстах и в пословицах. Наши предки уже знали, что «блин не клин, брюха не расколет». Даже пироги начиняли блинами, пересыпанными яйцами и кашей. Такой пирог назывался *блинником*. Известные блины с припеком делали так: на сковородку лили тесто. На него насыпали мелко нарезанные яйца, кусочки рыбы, лук, шкварки. А вот рецепт изготовления царских блинов: сливочное масло растопить, остудить, положить в каменную миску, добавить яичные желтки и вымешивать венчиком в одну сторону до тех пор, пока масса не будет однородной, затем всыпать сахар, вынести массу на холод и вымешивать еще 20—30 минут, пока кристаллы сахара не растворятся. Затем подготовить соус бешемель: в пшеничную муку высшего сорта влить холодные густые сливки, поставить посуду на водянную баню и нагревать массу до кипения, постоянно помешивая ее. Кипящую массу снять с огня, охладить. Подготовленный соус соединить с взбитым маслом с сахаром и желтками. Массу тщательно перемешать и осторожно внести в тесто взбитые в крепкую пену яичные белки, перемешать.

Блины пекут в смазанных топленым маслом чугунных сковородах. Подаются с вареньем и сбрызгивать соком лимона. Для приготовления необходимо: 1 фунт (430 гр) сливочного масла, 1/2 фунта топленого масла, 2 чарки (240 гр) сахарного песка, 3 чарки (360 гр) пшеничной муки высшего сорта, 10 яиц, 1 бутылка (600 гр) густых сливок, 2 унции (50 гр) лимонного сока, 1 фунт земляничного варенья.

Пекли на Руси и оладьи. Название их русские заимствовали из греческого языка, судя по письменным источникам, не ранее XV в. *Оладьей* называли лепешку из негустого теста, испеченную на сковородке: «Оладьи большие одноблюдные с сахаром, осыпают с патокою; оладьи середние по пяти на блюдо, с сахаром, оладьи меньшие с сахаром же» («Домострой», по списку XVII в.). Оладьи пекли в масле, тесто для них готовили из пшеничной муки. Сдабривали патокой и сахаром.

Лепешки отличались от оладий большей толщиной, лепешка — выпечное изделие из кислого или пресного теста, в форме плоского кружка. Лепешка — от глагола *лепить*, но название это отмечается в текстах лишь с середины XVI в. Первоначально лишь в статейных списках русских послов в восточные страны и по отношению к печеным изделиям восточных и кавказских народов. Посол Елчин писал из Грузии в 1640 г.: «А хлеба нет, только пшеничные лепешки пресные пекут». Посла Толочанова в Имеретии в 1652 г. угождали так: «И почели скатерти настилать, а на скатерти учели вместо хлеба класть лепешки; хлеб едят пресной, лепешки пшеничные». Затем русские начинают называть *лепешками* оладьи, пироги с открытой начинкой и другие плоские мучные изделия.

А теперь о хлебных изделиях, заимствованных у других народов или очень редких, архаичных для русской кухни.

Маленькие пирожки, булочки в ряде мест называли *кундумами*: «Ставец кундумов, а в них четыре лопатки муки, 2 яйца, 2 чюмича кислицы крошеные», — значится в росписи царских кушаний 1613 г. Слово это, вероятно, заимствовано из финно-угорских языков.

В последнем десятилетии XVII в. русские знакомятся с галушками. *Галушки* — род клецок — пшеничное тесто, сваренное комочками. Первые галушки на Руси делали икряными, грибными, с пшеном и т. п.

Не сохранились в нашей кухне *труденоши*. Известно, что их готовили с творогом.

О гренках наши предки узнали в первой четверти XVII в., но гренки были лишь на столе патриарха.

Очень распространены были в древней Руси сухари. Побывавший в Руси в 1657 г. итальянец Ченеда рассказывает: «Крестьяне, также солдаты и извозчики питаются черными сухарями, размочен-

ными в воде с солью, к чему, для большего вкуса, примешивают иногда несколько овсяной муки, а в летнее время прибавляют нарезанных огурцов». Фактически де Ченеда описывает знаменитую русскую тюрю. Ее основой был квас, иногда толокно, в которое крошили ржаной хлеб. Часто в виде сухарей. Добавляли зеленый или репчатый лук, приправляли конопляным маслом. Тюрю готовили и со снятым молоком, а иногда — на воде. Современные диетологи считают, что такое кушанье сбалансировано по калориям. Оно не подвергнуто длительной тепловой обработке и является очень здоровой пищей, то есть сытной и легкой. К тому же, не требующей длительного приготовления. Тюрю и готовили прямо в поле, на сенокосе, в лесу — там, где работали.

Варианты хлеба появились очень давно. Конечно, не форма, а состав теста, использование обогатителей были причиной появления разновидностей. Так, соловецкий хлеб пекут из смеси муки первого или второго сортов с порошком морской капусты. Обогащение йодом повышает лечебную ценность хлеба. Пекли и раньше хлеб, в котором часть муки заменяли дробленым зерном или отрубями. Сейчас его называют барвишинским, зерновым, докторским. Барвишинский содержит в равных долях высокосортную пшеничную муку и дробленое пшеничное зерно, предварительно замоченное в горячей воде. В зерновом еще больше дробленого зерна, добавляется и тмин. В докторском мука смешана с пшеничными отрубями. Подобный хлеб помогает работать органам пищеварения.

Без хлеба трудно представить жизнь людей, однако в лучшие минуты русские шутили: «Что нам хлеб, были бы пироги!»

Красен стол пирогами

В них есть «особый род печенья, который они называют пирогами, величиной в круг масла или с нашу сдобную булку, только несколько длиннее, и начиняют эти пироги мелко искрошенной рыбой или говядиною с луком, затем поджаривают в масле, а в постные дни в оливе; такие печенья довольно вкусны и ими угощает каждый своего гостя», — так писал о русских пирогах в XVII в. путешественник из Западной Европы Адам Олеарий.

Пирог — основное обозначение печеных изделий из мучного теста с начинкой. Известно в русской письменности с 1193 г. Происхождение слова до сих пор не выяснено окончательно; чаще его соотносят со словом *пир*.

В старорусском языке слово *пирог* имело повсеместное распространение, употреблялось в деловой письменности, художественных текстах и фольклоре. Выразительны пословицы с этим словом, записанные в XVII в.: «Ряб бело тело, да в пирог залетело»; «Хорошо попам да поповичам: дураками их зовут да пирогами им дают»; «Хорошо в дорошке пирожок з горошком».

Несмотря на древность слова *пирог* и его широкую употребительность в языке, в лексиконах донационального периода его нет. Включается оно в словари с начала XVIII в.

С конца XVI в. в текстах наблюдается уменьшительное образование *пирожок*. Об этом говорят и старорусские пословицы: «Голод не тетка, пирожка не подсунет»; «С соком пирожок — матка бережет». Пирожком, пожалуй, не назовешь такое редкое изделие, о котором упоминается в статейном списке Головина (1691 г.): «Афанасий же Байков к китайским полковым воеводам посыпал с служилыми людьми пирог пшеничной весом в пуд».

Какие же были пироги и их названия в старой Руси?

По способу приготовления различались пироги подовые (их пекли на поду печи) и пряженые, испеченные в масле на сковороде. От глагола *пряжить*, то есть жарить в масле, возникли названия *пряженцы*, *пряжены*, *пряжье*, бытовавшие в русском языке с XVII в.: «блюду пирогов пряжья, пирожки маленькие пряженцы». Активно употреблялись эти слова и позднее.

Пироги различались по качеству муки (просыпные, смесные, крупитчатые), по свойствам теста и начинки (россольные, просольные, то есть с соленой рыбой, сладкие, кислые, опарные, столовые), по другим признакам (братские, приказные, печорские, французские).

Начинкой могли быть овощи, фрукты, ягоды, грибы, рыба, мясо, яйца, творог. Например, в нижегородском Печерском монастыре в XVI в. для братии готовили «корм: шти с перцем, икра вареная, пирог с горохом».

По начинке получили название многие разновидности пирогов. При выборе ее нужно было учитывать одно: «Пирогов же начинити во скромныя дни скромною начинкою, какова случилас, а в посныя дни с кашею или горохом и с соком, или с репою, и с грибы, и с ряжики, и с капустою» («Домострой», XVI в.).

Капустник — «пирог с капустой» — упоминается в северно-русских текстах конца XVI в.: «Капустники да пиво сыченое» (1590 г.); «Она Ксенья приходила ж и принесла с собою два пирога капустных. Спросила ее Ксенью для чего де ты капусту сечешь и она Ксенья ей вдове Федосье сказала, что на капусники» (1703 г.). Можно предполагать изначальную территориальную ограниченность этого слова, так как сейчас оно наблюдается в северно-русских и среднерусских говорах.

Курник — пирог с курятиной, хотя начинкой его уже в старые времена могло быть любое мясо. Высказано предположение о тюркском происхождении слова. В русском языке оно существует с конца XVI в. Вот старинный рецепт изготовления курника: «Курник, а в него 2 лопатки муки крупичатые, куря, 20 яиц, гриненка масла коровья, 6 частей малых боранины, гриненка сала говяжья» (Роспись царских кушаний, 1613 г.). Сейчас курником называют пирог с любой начинкой.

Луковник — пирог с начинкой из лука. Первые упоминания относятся ко второй половине XVI в. Так, «Домострой» рекомендует печь «пироги пряженые со пшеною и с вязигою, левашники, луковники, блины с маковым творогом и с маслом». В расходную книгу кушаний Патриаршего приказа 1699 г. занесены «блюдо пирогов ягодников, пироги луковники, оладьи путныя».

Икряники или икорники — пироги с икрой. В московских актах XVII в. читаем: «Блюдо пирогов карасей, пироги икорники, блюдо пирогов пряжья, блюдо пирогов икряников» (1698 г.). Печенные изделия с икрой известны на Руси и позднее. Это икряники — блины, сбитые с икрой, а икрянка — лепешка из икры.

Леваш — ягодная пастила. Тюркское заимствование дало начало слову **левашник** «пирог с ягодной пастилой», которое известно по «Домострою» XVI в.: «Постелы и левашники себе и про гость». Сейчас левашник — пирожок с начинкой из ягод — встречается в костромских, ярославских и тульских местах.

Сочень (от **сочный**) впервые отмечено в «Домострое» по списку XVI в.: «Всякие пироги и блины, и соцни, и трубици делает». Сочни делали по-разному: заворачивали наглухо или защищали края. В старину слово это известно было на всем Севере, а также на западе среднерусской территории.

Сырником, судя по текстам, в XVII в. называли пирог с начинкой из яиц и творога: «С Хлебенного дворца дано блюдо пирогов пряженых с сыром, блюдо сырников с яйцы». В словаре В. И. Даля

находим: «Сырники — пирожки, блинцы, начиненные творогом; вареники; род клецок, колобки из творога, с подливой».

Пирог с ягодами — *ягодник* — давно освоен русской кухней, хотя упоминание о ягодниках встречается в московской письменности лишь со второй половины XVII в.: «С Хлебенного великому государю подавали 2 блюда левашников с черною постилою, 2 блюда ягодников с коринкою». Ягодные пироги хорошо известны в наше время.

На севере России издавна пекли *рыбники*. Первое упоминание о рыбниках в письменности относится к 1699 г. Цитирую наказ каравульным, охранявшим заключенных в тюрьме стрельцов: «Петру с товарищем никакого вострого железья в печеном хлебе, в рыбниках и в калачах, и в пирогах некоторыми мерами не поднесть». Сейчас рыбники очень популярны на Севере.

Неизвестно происхождение слова *кулебяка*, но можно думать, что это исконное русское слово. Имя собственное *Кулебяка* известно с 1603 г. по расходным книгам Кирилло-Белозерского монастыря, а нарицательное *кулебяка* — название пшеничного пирога с обильной начинкой из рыбы, капусты, каши наблюдается в письменности с 1671 г. В вятских местах в XVIII в. пироги с рыбой называли *кульбаками*. По имеющимся историческим материалам, *кулебяка* — первоначально диалектное северо-русское слово. Позднее оно приобретает общерусскую известность.

Другие названия даны по форме выпечки: *каравай, перепечка, карась, дрочена, налиток, пышка, растегай, сгибень, шаньга*.

Коровай — *каравай* известно у восточных и южных славян. Происходит, возможно, от *корова*, то есть вероятно культовое назначение караваев. В качестве имени собственного употребляется с 1458 г.: «Тихон Коровай, дворецкий митрополита Ионы». Как нарицательное отмечено в тексте 1526 г.: «А боярьни приговорили о короваях, коровай нести утре рано из той избы, где их пекли». В памятниках часто упоминается свадебный каравай, с ним связаны некоторые моменты свадебного обряда.

В зависимости от качества муки, начинки, способа выпечки были известны караваи: *битый* — из сдобного теста; *просыпной, пересыпной* — из слоеного теста; *яцкой* — его ели с медом; *молочный, крупнитчатый, блинчатый, прорезной*. Что и говорить, выбор у наших предков был весьма богатым.

А вот основной, обязательный признак каравая — круглая форма. Если он имел начинку, то выглядел как круглый пирог. Без начинки это был круглый белый хлеб.

В росписи царских кушаний 1613 г. приводится рецепт печения караваев: «Коровай битой, а в нем 6 лопаток муки крупичатые, 40 яиц, 2 гривенки масла коровья, полсыра кислого». А в «Домострое» по списку XVI в. говорится о каравайцах: «Пироги з блинцы и с маком, и с кашею, и с репою, и с капустою, или орешки в соку и коровайци с чем бог послал».

Перепеча — старинное название разновидности русского праздничного или свадебного пирога. В иллюстрированной рукописи 1626 г., описывающей царскую свадьбу, есть рисунок перепечи: это высокий пирог в виде горки, сложенной из хлебных шариков, скрепленных медом или патокой. Впервые упоминается перепеч в свадебной записи 1526 г.: «И дружко великаго князя, благословясь, учнет резати перепечу и сыры». Кушанье это было особенно любо знати. Так, на Рождество в 1663 г. царице Марье Ильиничне и ее дочерям было поднесено в дар 426 перепечей. Хотя перепечи не имели начинки, зато готовились из сдобного теста, имели нарядный вид — заменяли порой пироги. Даже в XIX в. была известна «перепечка — толстый сдобный, крупичатый или пшеничный кулич или коровай для свадьбы». Заметьте, уже XIX век!

Карась — продолговатый пирог в форме рыбы. Начинкой такого пирога могли быть и рыба, и мясо, и курятинка. Карасики пекли в царском дворце и в крестьянских избах: «...блюдо карасиков маленьких с курятиной, 2 блюда карасей с барабанной, 20 блюд карасей с говядиною рядовых».

Дрочена — от общеславянского слова *дрочить* «пестовать, баловать». Дрочены отличались разнообразием исходных продуктов. Вот примеры их описания в «Домострое»: «Каша молочная, яищницы или дрочены, пироги с блинцами»; «А прибылная ества посная дрочена в маковом молоке».

Налиток — печеное изделие из теста. В московском деловом языке название известно с XVII в.: «С Хлебенного дворца... 2 колоба в 4 лопатки, 2 блюда налитков, 3 курника колобовых». Уточняют значение слова народные говоры: олонецкие налитыши — блины, наливаемые на сковороду, вологодские наливашники или наливушки — это пряженые пирожки с начинкой в одном углу или высокие ватрушки.

По внешнему виду некоторые пироги стали именовать *пышками*: «Хлебнику Федке Григорьеву в приказ, чтоб он государю патриарху кушанье сделал — к обедному кушанью пышку». В росписи блюд и кушаний патриаршей кухни значатся «пироги пышки». Сейчас *пышка* — общерусское название.

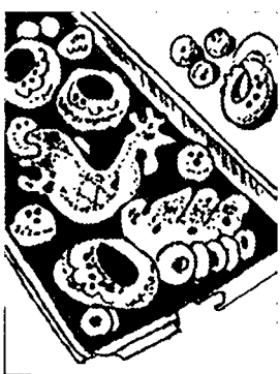
Пироги с рыбой или другой начинкой, которые были как бы расстегнуты сверху, называли *ростегаями*: «Блюдо пирогов ростегаев с кашею да с сыром»; «Два блюда ростегаев с пшеном да с вязигою». В современном русском языке расстегай — широко известное литературное слово.

Сгибень — род пирога, согнутого вдвое. Приведу перечень печеных изделий со стола московского патриарха в конце XVII в.: «Папошник с коринкою, згибень с горохом, 2 пирога с кашею». У Даля читаем: «Сгибень, псковское,— пирог, обычно согнутый, сложенный вдвое, с кашей, либо с ягодами; род калача, иногда ячнаго, согнутый вдвое круг теста, булка полукругом».

Наши северные *шаньги* тоже придуманы давно. Правда, вначале *Шаньга* известно как имя собственное (1564 г.), но вот вологодская пословица, записанная в конце XVII — начале XVIII вв.: «Тот же рострор да на те же шанги». Сейчас *шаньгами* называют род ватрушки, сочня или лепешки.

До чего же разнообразны русские пироги: румяные, пышущие жаром, наполняющие избу ароматным запахом печёного теста и вкусной начинки. В былые времена по праздникам к каждому блюду подавался особый пирог, а первые блюда всегда-то ели с пирогами. Всего на столе их бывало более десятка. Любят и сейчас пироги в народе, берегут секреты их выпечки. «Не красна изба углами, а красна пирогами», — говорят о русском гостеприимстве.

Сладкие «заедки»

Пышные пироги с вкусной начинкой издавна «царствовали» на русском столе. К беседе, к обеду да и перед едой на стол ставили также сладкие «заедки»: печенье, сахарные изделия, фрукты. Печенья и пряники в старой Руси, как и сейчас, отличались от пирогов тем, что они были без начинки. Их пекли из крутого сдобного теста, в которое добавляли мед, пряности.

Печенья называли по форме и по приправам. Самое древнее имя — *коврижка*, которое вначале было уменьшительным (от слова *коврига*) и обозначало хлебное изделие круглой формы и небольших размеров. Затем закрепилось в качестве специального

названия круглого пряника. В стаинных северных актах это слово употребляется неоднократно. Так, в приходно-расходной книге великоустюжского архиерея за 1682 г. читаем: «Гаврилу Семенову прянишнику плачено за 2 белые коврижки да за 2 черные 20 алтын. А отнесены те пряники и икра владыке». Тогда же появляются и разновидности коврижек: вяземская, сахарная и другие.

Слово *пряник* образовано от *пряный*, ведь первоначально в него клали даже перец. «Купил в пряники перцу», — сообщается в одном вологодском источнике 1644 г. В русско-немецком разговорнике Т. Фенне обнаруживаем еще более архаичную форму *пепраник* (*пъпърь* — перец; *пъпрынай* — перечный). Не случайно такие пряники использовались при варке особой «назимовой» ухи вместо перца и других пряностей.

Судя по письменным источникам, пряники первоначально были известны только на Севере: в Подвиде, Великом Устюге, Вологде, Тихвине, Пскове. Лишь с середины XVII в. они упоминаются в памятниках среднерусских и южно-русских местностей. С начала XVIII в. слово это отмечается как синоним к слову *коврижка*.

Печенью придавали часто самые разнообразные формы: животных, птиц, рыб, растений, различных предметов. Вот какую живописную картину представлял стол царя, установленный горячим печеньем: «Масленские есты: блюдо хворосту, блюдо мисеннова, блюдо орешков, блюдо грудей, блюдо древец, блюдо елец, блюдо ядер, блюдо шишек чешуйных, блюдо рыжиков, блюдо орлов, блюдо львов, блюдо раков, блюдо гриф, блюдо репьев, роща красная цветная».

Какова же история некоторых названий?

Слоеное печенье в форме листьев носило название *листни*, а позднее — *листики*.

Колобок — тоже печенье, только раньше известно *колоб*. Вначале как имя собственное: *Колоб Перепечин*. Вот рецепт изготовления колоба: «На блюдо колоб, а в нем 3 лопатки муки крупичетые, 25 яиц, 3 гривенки сала говяжья». Опальный протопоп Аввакум сообщал, что его сторонники иногда «пришлют кусок мясца, иногда колобок, иногда мучки и овсеца». Таким образом, колобок — это не сказочный персонаж. Современная хозяйка тоже может испечь его, нужно только придать изделию круглую или полукруглую форму, ведь слово *коло* (а *колоб* иногда возводят к этому слову) у славян означает «круг».

Печенья в форме шишек, ядер, орехов известны русским издавна. Кстати, такие же изделия есть и у чехов. В «Домострое» среди печений упомянуты «хворости, орехи, елцы, ядра, мисенное». *Хворост* — печенье в виде кустарника — известно с XVI в. Приведем два описания

хвороста из старорусских текстов: «Принесли на блюдах пряженье хворостов пшеничных да вареного барана»; «Блюдо хворостов под сахаром, хворости мисенные». Очень популярно это печенье в XIX в., его пряжили в масле, но чаще оно было сухим. *Ельцы* — печеное изделие из теста в форме елочки, а в западно-русских областях *ельцами* называли украшения на свадебном каравае из теста, которое напоминало елочку. Все эти виды печенья выпекали и подавали в мисах, отсюда их общее название — *мисенное, мисны*. Еще в XIX в. нижегородцы любили готовить мисенное. Вот как об этом рассуждают герои романа Мельникова-Печерского «В лесах»: «— А из мисенного что на двор укажешь? — Разве оладьи с медом да пряженцы с яйцами».

Жаворонок — печенье в форме птицы. Обычай выпекать булочки в виде птичек к некоторым языческим и христианским праздникам существовал на Руси издревле. Назывались они обычно *жаворонками*, в древнем Новгороде такое печенье называли *зуек*, а в Москве — *воронок*. В конце XVII в. стали их печь в виде попугаев.

Кондитерское изделие *кольцо* известно по письменным данным с начала XVII в., «в кушанье государю патриарху подавали хлебец ситной да колечко маленькое крупнитчатое». Пирожок, напоминающий по форме копытце, так и именовался. А в костромских местах ватрушку до сих пор так называют. Печенье в виде шариков — катки — пекли в Москве еще в старые времена: «...блюдо катков больших, 12 каточек малых, каравай здобной». Каточки — маленькие круглые шарики из теста славятся и сейчас в калужских селах.

Медовники — медовые пряники — были любимым кушаньем русских во времена Московской Руси. Не утратили мы к ним интереса и сейчас. Печенье с добавкой патоки, или котлома, заимствовано у тюркских народов, очень распространено на Дону.

Во второй половине XVII в. русские познакомились с *марципаном*. Это печеное изделие из теста с орехами, маслом. Первыми их «освоили» немецкие кондитеры.

Некоторые изделия из кругого теста пекли без добавки пряностей. К ним относится уже упоминавшийся колобок. Любой круглый белый хлеб, а также пшеничный хлебец в форме замка с дужкой называют *калач*. Существуют две основные версии происхождения слова: славянская — от *коло*, то есть «круг», тюркская — от *колак*, что значит «ухо», в основе той и другой гипотезы лежит сходство по форме. В зависимости от качества муки различают калачи крупнитчатые — из белой пшеничной муки тонкого помола, тертые — из тертого и мятого теста, смесные — из смеси пшеничной и ржаной муки и другие. Большие размеры, по свидетельству Григория Котошихина,

имели именинные калачи: «...а зделаны те калачи бывают долгие, аршина в два и в три, толщиною в четверть аршина». Учтем, что аршин равнялся шагу человека, т. е. примерно семидесяти сантиметрам.

В Белозерье с незапамятных времен пекут рогули — калачи с рогами. Рогули знают в Великом Устюге и в Подмосковье. В Вологде и в Великом Устюге впервые на Руси появились витушки или витики. Это маленькие пшеничные калачи из витого теста. В других местах их называли *вityми калачиками*. Так, в великоустюжских таможенных книгах середины XVII в. сообщается о том, что вологжане привозили для продажи в Великий Устюг «калачи мелкие витушки» и «мелкие витики колачики», а в расходной книге новгородского митрополита, относящейся к тому же времени, читаем: «Куплено у колачника пшеничных витых две тысячи колачиков».

А когда появились бааранки? Само слово *бааронок* восходит к глаголу *обварити*, позднее происходит сближение со словом *баран*. *Бааронок* впервые зафиксировано в бумагах Иверского монастыря (на Валдае), а затем стало известно в ряде северно-русских и среднерусских говоров, но преимущественно в западных областях. Похожее слово есть также в белорусском, украинском и польском языках.

Местный характер имели первоначально *сайки*. Их заимствовали жители Новгорода у эстонцев в начале XVII столетия, а уже в XIX в. *сайки* знали повсеместно.

...«Вкусные» слова разместились на этих страницах. Их судьба — это не только история русского языка, но и вехи отечественного хлебопечения, традиции народной кулинарии, обычаи русского быта и гостеприимства.

В конце XVIII в. появился специальный «Словарь поваренный, приспешничий, кандиторский и дистилляторский» в семи частях. Он дает хорошее представление о кухне той поры. Приведем несколько рецептов приготовления печений из этого издания.

Тысячелетний пирог

Двенадцать золотников (золотник составляет около 4 гр.— Г. С.) масла коровьего и столько же весом толченого миндалю, четыре яйца целых, полфунта сахара (напомню, один фунт — это 430 гр), полфунта муки крупчатой и корку с одного лимона стирать, пока сделается как сметана. Налить подобием круглой лепешки на жесть, воском натертую, и запечь вольном печном духу.

Сахарные кудри

Замесить на блюде полфунта муки крупчатой и полфунта сахара на яичных белках в жидкое тесто. В малой кастрюльке распустить сала и слегка разгорячить; в оное пускать тесто сквозь лейку,

имеющую решеточку, и наливать, водя лейкою по всей кастрюльке; обжарив с одной стороны, перевернуть на другую; вынув, согнуть на скалку и посыпать сахаром.

Сметанное пирожное

Возьми полтора фунта муки, полфунта масла коровьяго, четверть фунта сахару, хорошей сметаны и желтки от восьми яиц; замеси на пекарном столе из оного хорошее тесто и перебивай оное, пока начнут пузыри появляться; тогда оное раскатать, и два раза перегибать и опять раскатывать, как то делают со слоеным тестом. После чего раскатать как можно тонее, высечь из оного формою розы или иных фигуры, сделать из них гласе из белков, посыпав сахаром и корицею; запечь вольном печном духу.

Тунеядцы

Взять фунт масла коровьяго, фунт муки, 3 золотника корицы, полфунта сахару, полфунта столченаго миндалю, шесть яиц целых и от четырех желтки, замесить на столе из всего сего тесто, раскатать оное, высечь резцом фигуры и запечь вольном духу.

Калачики сахарные

Стереть 36 золотников масла коровьяго с двумя яйцами целыми и тремя желтками, 36 золотников сахару, а напоследок полфунтом муки и коркою с одного лимону; выложить калачиками на жестяной маслом вымазанной лист и запечь вольном печном духу.

...Итак, посуда расставлена, хлеб-соль на столе. Пожалуйте к столу, гости дорогие! На трапезу вас приглашают монахи Кирилло-Белозерского монастыря.

Монастырская трапеза в XVI веке

В старорусской письменности степень отражения разных сторон быта далеко не одинакова, что зависело от общественной значимости соответствующих явлений материальной культуры. Так, мало сведений об обеде и праздничном пире посадского человека или крестьянина, но достаточно полно описан царский и патриарший стол, назовем наиболее богатые по лексической содержательности опубликованные памятники: «Столовая книга патриарха Филарета 1623—1624 гг.» (Ста-

рина и новизна. СПб., 1906—1909. Кн. 11—13); «Стол патриарха в 1691 г.» (Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. М., 1884); «Расходная книга патриаршего приказа кушаньям, подававшимся патриарху Адриану и разного чина лицам с сентября 1698 по август 1699 г.» (СПб., 1890).

Зафиксирован общерусский чин монастырской трапезы. Главный источник — монастырские столовые обиходники. В библиотеке Российской Академии наук нами обнаружен устав Кириллова монастыря конца XVI века (фонд 247, №4), расписывающий житейский обиход братии, более 20 листов рукописи посвящено «обиходу братской естве».

Чем интересен столовый обиходник? Обиходники расписывали дневные выти и годичный круг трапез для рядовых, преимущественно постных дней: в эти дни порядок монастырской жизни был особенно строг и единообразно обязателен. А вот в праздник допускалось разнообразие и довольство, мясо и хмельные напитки.

Монастырская трапеза — коллективный ритуал. Монахи питались два раза в день: обед и ужин, а в отдельные дни вкушали всего один раз; бывало, что трапезование вообще исключалось. Главным было не количество пищи, а качество блюд: постное или скромное, роль блюда в обрядах, время приема пищи. Вся жизнь монаха, в том числе и еда, была регламентирована применительно к молитве. Трапезы делились на три разряда: рядовые, праздничные и братчины. Менялось количество блюд, а главное — было больше блюд «на обмену», для свободного выбора. Чередование постов и мясоедов было ритмичным: на неделе постились в среду и пятницу, в году было четыре долгих поста и три однодневных. Стол кирилловских монахов мало отличался от того, чем питались в окрестных деревнях, но в монастыре был строже регламент трапез: «...пост бывает — скрому не едят».

Почти ежедневное «вариво» и основное первое блюдо — щи: «Во штех белая капуста или борщ или кислица с чесноком или с луком да яица ко штем по два на брата или короваи битые или лисни 4 братом или короваи с рыбью двум братом, а коли яишница бывает, тогда ко штем яиц нет»; «шти борщевые со снятки». Белые щи готовили из свежей капусты, а борщевые — из свеклы (ее старинное название — борщ). Варили щи с подтиркою — с приправою, которая готовилась из муки с водой или с постным маслом.

Список вторых блюд был богатым, притом явно царствовала на столе рыба. «Безрыбье хуже бесхлебья», — говорили на Русском Севере. По количеству подаваемых на стол блюд различался обед

(корм) средний и обед (корм) меньший. Если обед был средний, то подавали три вида рыбы, но если «корм был меньшим», подавались два вида рыбы. Вечером же подавалась рыба одного вида: «...по вечерни трапеза рыба лещи свежие жареные». Кроме того, рыбу пекли, употребляли и соленую рыбу. Назовем еще рыбное блюдо *тавранчук*: «...в сковородах тавраньчук головы осетрии или снятки».

В монашеский обед включалось гороховое варево из цеженого (протертого) или битого (дробленого) гороха: «...бывает ко штем другое вариво с маслом горох цеженой и лапша»; а другая ества горох битой или каша».

Варили разные каши: молочную, крутую, грешневую. Из пареных овощей получалась *каша соковая — сок топленой*.

В ходу были яйца и огурцы. Из молочных продуктов известен сыр вялый — это вылежавшийся творог. Такое название упоминается уже в Житии Феодосия Печерского XII в.

Из печеньих изделий первое место принадлежит пирогу: их пекли на поду, пряжили в масле, сдабривали разной начинкой: «...пироги двои одни с яицами да с перцем а другие с сыром»; «пироги з горохом или с соком»; «пироги двоє одни с вязигою да с перцем или с маком а другие з горохом». Затем шли «олады с медом», «рогули да хворости», «калачи братские да калачи волоцкие торговые», «каравай битые» (из сдобного теста), «коровай с рыбой», «колачи четверти или коровай с репою или с морковью», «блины с маслом да с луком а другие с соком», «блины однова пшеничные с припекою и другие грешневые с кашей, вечере те же с молоком», «перепечи привозные пшеничные белые и ржаные». Хлеб употреблялся реже, чем пироги. Из печенья в обиходнике называются *лисни*.

Во время постов ели меньше, а пища была неприхотливой: вместе с печеным хлебом готовили *хлеб пареной* — запаренная мука из солода или гречневого зерна.

На столе постоянно, кроме дней Великого поста, был квас. В постные дни его заменял капустный рассол или росол красный, т.е. из квашеной свеклы. Кроме того, пили *молоко пресное* (свежее), *молоко вареное* (топленое) и *варенец* (квашеное топленое молоко). Упомянем еще известные со времен Киевской Руси *латоку*, *сыту* (насыщенная медом вода), *кисель*: «...кисель со сливками а на завтра к обеду тот же кисель с сытою».

Названия блюд монастырской трапезы жили столетиями: с XII века известны *каша*, *яйца*, *пирог*, *квас*, *сыр*, *кутия*; с XIII века — *молоко*, *пиво*.

Обычай русского застолья в зеркале истории слов

Слова, употребляемые в повседневном общении, — это специфическая национальная лексика, которая точно фиксирует культуру и традиции народа, здесь ярче всего проявляет себя та или иная нация, именно «здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Ведь любой народ в еде, например, очень зависит от родной земли и своей природы, здесь обязательно сказывается родное, своеобычное.

Между тем русское застолье периода Киевской и Московской Руси изучено плохо: больше мифов, чем истины. Выдумкой является и мнение о постоянной склонности русских к неумеренному потреблению спиртного. Рассмотрим карту (список) напитков Древней Руси и особенности столового этикета XVIII — XIX вв.

Говоря о древнерусских напитках, попробуем уяснить причины перехода русских от питного меда к водке.

До XIV в. на Руси были четыре типа напитков:

1) Привозное виноградное красное вино — ритуальный напиток. Такое вино распространилось с принятием христианства, являлось символом христовой жертвы. Вслед за греками русские пили виноградное вино только пополам с водой, не крепче.

2) Напитки — результат естественного сбраживания меда. *Питный мед* ценился как хмельной напиток. Его приготавливали из смеси меда диких пчел и ягодных соков, забродившую смесь заливали в бочки и подвергали многолетней выдержке (от 10 до 35 лет). Питный мед до XVI века был главным национальным напитком на Руси. Технология его приготовления менялась (вначале — медостав, потом — медоварение), поскольку сокращались медовые запасы. Чем отличался ставленный мед от вареного меда? В том и другом случае мед вначале рассыпчивали (разбавляли водой): норма рассыпчивания для медостава — 1:4, для медоварения — 1:7. Но при медоставе рассыпченный мед выпаривали: из 16 кг пчелиного меда получали 4 кг кислого меда. Выпаренный осадок заквашивали, затем кислый мед клали в котел с ягодами, этот настой бродил, его томили в печи, переливали в бочонки и ставили в погреб на выдержку. Медоварение развилось позже медостава, в XIII—XIV вв., когда стала очевидной нехватка меда. Тогда при рассыпчивании

норма воды была увеличена, к меду стали добавлять патоку, состав обваривали кипятком (*обарный мед*), вкладывали дрожжи и старались, чтобы продукт брожения уходил в сам мед — отсюда сногсшибательная сила меда при его незначительной (по нынешним меркам) крепости — до 16 градусов.

3) Напитки — результат искусственного сбраживания зерна после варки и добавления трав, например, квас и пиво. Если мед был торжественно-праздничным напитком, его пили изолированно от приема пищи, то квас и пиво были рядовыми напитками. Первоначально пиво готовили один раз в год к Новому году, а год начинался с 1 марта. С первого затора (это смесь солода, хмеля и дрожжей) сусло получалось густое, а пиво — самое лучшее. Такое пиво называли *мартовское*. Последующие выгонки сусла были ниже и светлей — пиво хуже.

4) Напитки — результат перегонки сбраженного зерна. Появились новые разновидности кваса и пива. Эксперименты с забраживанием теста привели к открытию в середине XV века винокурения: изобрели ржаное вино и водку. Эти напитки ароматизировали, старались придать какой-то цвет. Отсюда *зелено-вино* — это зельено вино, то есть «с зельем — хмелем, зверобоем и иными травами».

Во времена Московской Руси (XIV — XVII вв.) усложняется терминология вин: *фряжские вина* — это привозные французские, итальянские и крымские; *ренское* — это мозельские вина, *греческие* — это мальвазия и бастр; *французские* — это романея, мушкатель.

Растет крепость вина, появилось *горячее вино* — «обладающее способностью гореть» (ср. одновременно появившиеся украинская *горилка*, немецкое *Brandtwein*). В Новгородской летописи за 1548 г. впервые упоминается *горькое вино* «водка с настоем полыни и древесных почек». Сейчас выражение переосмыслено как «напиток, приносящий горькую жизнь, выпиваемый с горя». Из глубины веков пришло и выражение *водка сучок*. Очистка раньше проводилась путем пропуска напитка через березовые угли, сделанные из тонких березовых веток — сучков. Водка сучок — нефильтрованная, плохая, было бы точнее назвать ее «водка без сучка».

Для усиления крепости напиток нагревался и перегонялся дважды, трижды. Отсюда термины: *простое вино* или *полугар* (23 градуса), *двойное вино* (37—45), *тройное* (70, это классическая основа для разведения водкой до состояния водки, но вначале из тройного вина за счет подслащивания и добавок делали бальзамы, русские ликеры и

запеканки); четверенное вино (80 градусов, в XVIII веке из него делали настойки — ерофеичи или подслащенные тафии-ратафии).

В XVIII веке перестали напиток рассычивать, т.е. добавлять раствор пчелиного меда, а больше стали заниматься ароматизацией за счет добавки пряностей и трав.

Начали пробовать разные варианты смешивания напитков: появилось вино с махом (2/3 простого вина и 1/3 двойного), но его делали без очистки, поэтому вскоре перевели в разряд технических смесей. А вот на основе разведения тройного вина водой до 40 градусов по предложению Д.И.Менделеева в 1894 г. Россия запатентовала «Московскую особую», прославившуюся на весь мир.

Одновременно развивались и представления о питейной посуде: норма потребления снижалась, но крепость напитка росла. Для древних русичей и 14 градусов — крепко, для русского барина и ерофеич в 70 градусов — сладко, а пролетарская водка имела сорокаградусный стандарт. Итак, вот меры жидкостей для хмельного: стопа — 10 чарок, полтора литра; водочная бутыль — 0, 61 л (современная поллитровка появилась в конце 20-х годов нашего века); ковш — 3 чарки, поллитра; чарка — 143,5 гр (гениальное открытие древних русичей, поскольку позже было доказано, что медицинской нормой единовременного потребления водки являются 150 гр, это знаменитые «наркомовские сто пятьдесят», хорошо известные участникам Великой Отечественной войны). Обратим внимание на распространность слова чарка: поднести чарку, выпил чарку. Вообще фразеология русского застолья была связана не с названием напитков, а с названиями питейной посуды: заздравная чаша, выпей чарку, поднесли ковш.

Само слово водка — уменьшительное от «невинного» слова вода, закрепилось в нынешнем значении в XVIII веке. До этого водкой называли 1)лекарственный настой на спирте; 2) хмельной ароматизированный напиток на травах, ягодах, фруктах. Нынешнее слово водка понимается всеми одинаково. Качество современного напитка зависит от четырех вещей: от сырья (зерно, вода, солод, дрожжи), от композиции материалов, от способа очистки, от технологии.

Русский закусочный стол сложился окончательно в XVIII веке и представляет собою три группы закусок: а) мясные (9 видов): свиное соленое сало, ветчина, говяжий студень и т.д.; б) рыбные (24 вида): селедка с подсолнечным маслом и луком, икра черная, икра красная лососевая, икра розовая сиговая, балык и т.д.; в) овощные (11 видов): огурцы соленые, капуста квашеная, капуста провансаль и т.д.

Все иностранцы отмечали необычайное гостеприимство русских. У русского дворянина ежедневный открытый стол на 30—50 чело-

век был делом обыкновенным. В обычаях гостевания были две приметы: за столом не должно быть 13 человек, нельзя не праздновать своего дня рождения.

Процедура трапезы начиналась с закуски. Закуску называли еще иногда *завтраком*, он ведь тоже предшествовал обеду — главной трапезе. Закуска — легкое кушание перед основной трапезой (икра, копченая рыба, сыр, соленое мясо, сухарики, печенье и напитки), цель закуски — не утоление голода, а возбуждение аппетита. Закусочный стол — русское изобретение, в 60-х годах XIX века он вошел в моду во Франции.

Выражение «Кушать подано!», обозначающее начало обеда, закрепилось в употреблении благодаря В.Г.Белинскому, который употребил его в своей пьесе «Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь». После слов «Кушать подано!» хозяин вставал, приглашал гостей в столовую, сам шел впереди, затем шли гости парами: мужчина с женщиной, под звуки полонеза.

Стол ставили «покоем» — в форме буквы П. Полный столовый набор посуды, приборов, белья для одного гостя назывался *куверт*. Русский обычай — подавать блюда по очереди (во Франции — все сразу). С середины XIX в. в Европе тоже распространился русский обычай. Так что не все французы учили русских, бывало и наоборот.

Как сидели за столом? Пушкин в «Евгении Онегине» точно отразил обычай. Чаще всего хозяин и хозяйка сидели напротив друг друга, по правую руку хозяина — почетный гость, рядом с ним — другие мужчины, напротив — все женщины. Началу трапезы предшествовал знак крестного знамения.

А вот это описание у Пушкина:

— Но кушать подано. Четой
Идут за стол рука с рукой.
Теснятся барышни к Татьяне;
Мужчины против; и, крестясь,
Толпа жужжит, за стол садясь.

Хозяйке не полагалось суетиться около стола, тем более самой наливать вино гостям. Хозяин мог наливать вино соседям. Отказаться от вина, предлагаемого хозяином, считалось невежливым, норму же потребления напитка определял сам гость: от чайной ложки до стакана.

Здравица — «заздравный тост» — от русского выражения *заздравная* или *здравная чаша*. Обычай произносить здравицу появился очень давно, в Изборнике Святослава 1076 г. читаем: «Чашу

принося к устам, помяни звавшаго на веселье». Первый тост произносил наипочтеннейший гость, но к тостам и напиткам приступали после третьей перемены блюд, натощак не пили. Первый тост пили за здоровье государя, второй — за здоровье и счастье хозяина, третий — за здравие хозяйки, четвертый — тост хозяина за любезных гостей и т.д. Были тосты с куплетами, с музыкой.

Самыми завидными были гастрономические обеды (*гастроном* — человек, имеющий вкус к кушаньям) — это обед изысканный, роскошный. Часто гвоздем обеда было центральное блюдо — какое-то редкое съестное. В начале XIX в. входили в моду макароны, особенно неаполитанские, с сыром пармезан. И.А.Крылов, например, едал по 3 блюда макарон подряд. Большим искусствником по приготовлению макарон был Гоголь.

Первым гастрономом в Петербурге считался министр финансов Гурьев. Славилась гурьевская манная каша на сливочных пенках, с гречкими орехами, персиками и ананасами. Ряд блюд изобрел министр иностранных дел Несельроде, его имя носили суп из репы, пудинг из каштанов, суфле из бекасов. Гастрономы ввели в столовый церемониал метрдотелей, переименовали повара в кухмистра. Гастрономией увлекались мужчины, все кулинарные пособия XVIII в. составлены или переведены мужчинами, самые известные — книги тульского помещика Василия Левшина. Но первую книгу русских кулинарных рецептов в 1848 г. создала дама — Е. А. Авдеева. Кстати, гастрономы придумали кухонный комплекс: русская печь + английская плита с железным шкафом, вмазанным котлом и вытяжным колпаком.

На званых обедах должны быть французские блюда, но гости всегда предпочитали русскую пищу. У французской кухни были две отличительные черты: 1) соусы, но русские вначале *соусом* называли не только подливу, но и все блюдо с подливой, 2) во французском столе три вида блюд: главные (*антре*), неглавные (*ордевры*) и промежуточные (*антреме*), чтобы отбить вкус мяса при переходе к рыбе. К антреме относились мучные, овощные и грибные кушанья.

Супы делились на горячие (*щи* и *уха*) и холодные (*ботвинья*). *Щи* — только русское блюдо, им восхищались иностранцы. К щам из свежей капусты подавали пирожки с мясом, к щам из квашеной капусты — гречневую кашу. Существовало название *кислые щи*, не имевшее к щам никакого отношения, это был прохладительный напиток типа кваса, его держали в бутылках. Различали щи *серые* (из молодой рассады), *ленивые* (с крупной нарезкой овощей), *сборные* (разу несколько видов мяса), *зеленые* (из листьев шпината, щавеля,

крапивы). В семье А.С.Пушкина обычное меню летом выглядело так: зеленые щи с крутыми яйцами, рубленые большие котлеты со шпинатом или щавелем, на десерт — варенье из белого крыжовника. Были щи *двойные*: щи варили, пропускали все через сито, растирая овощи и мясо, на этом бульоне варили новые щи. Имелись щи *замороженные* (русский способ консервирования), их варили с разным мясом, замораживали, рубили на куски и брали в дорогу, в пути разогревали. Кстати, о консервах: их изобрел Франсуа Аппер в 1804 г.

Если Англия славилась черепаховым супом (*суп тортю* — русские повара вскоре научились тонко подделывать суп из телятины под черепаший), то русский стол — *ухой*. В уху шла благородная рыба (дает тонкий вкус) и мелочь (ерш, окунь — для навара и аромата). Различались *сборная уха* — с печенью налима, *барская* — на огуречном рассоле, *пьяная* — на кислых щах с белым вином и лимоном. Для ухи полагалась севрюга, осетрина, лососина, кета, белужина и стерлядь. Ценилась весенняя щука, когда у нее было голубое перо. Вспомним стол у Державина:

Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь-икра и с голубым пером
Там щука пестрая — прекрасны!

Из вторых блюд выделялось жаркое из домашней птицы: жареный гусь с яблоками, индейка с лимоном, цыплята в рассольнике. Появляются котлеты. Знаменитые пожарские котлеты названы так по имени хозяина трактира в Торжке, эти котлеты делали из куриц.

Любили русские молочные блюда, например, молочные каши. Готовили и экзотические: *каша зеленая* — из недозрелой ржи, *каша из роз* — из высушенных и размолотых лепестков роз. Кашу охотно ели в обед. Излюбленным кушаньем был творог со сметаной или сливками. В ужин потчевали простоквашей.

Стоит сказать еще о *блинах*. Русские блины — только из гречишной муки. Предпочитали *блины с припеком* — на готовящийся блин насыпали рубленые яйца, грибы, ливер, рыбу. Блины — единственный продукт, который можно было есть на улице, но только в Масленицу. Есть на улице считалось дурным тоном.

Различался скромный и постный стол. Русский постный стол был обильнее скромного, готовили разнообразные блюда из овощей, круп, грибов, картофеля. Умели делать миндальное и маковое молоко.

В начале XIX века появляются английские блюда: ростбиф, бифштекс, шеширский сыр.

Десерт — слово XVIII века. Появление десерта на столе — сигнал к завершению трапезы. На десерт подавали фрукты, конфеты, сладости, мороженое. Любимый Пушкиным гастроном Брилье-Саварена говорил: «Десерт без сыра, что красавица без глаз».

Выход из-за стола начинает наи почтеннейший гость. После десерта — переход к чайному и кофейному столу, а курящие шли курить, правда, количество курящих в ту пору было невелико.

Чай пили по-русски — с едой и сладостями. Правда, сахар был редкостью, поэтому предпочитали варенье. Мужчины пили чай с ромом, это называлось *подлей адвокатца* — спиртное развязывало язык. Гостю полагалось пить чаю не более одного стакана, поэтому увлеченные «адвокатцем» мужчины поступали так: в стакан чаю, постепенно отпивая, добавляли и добавляли ром, на стакан чаю как раз уходила бутылка рому. Показывая, что чаепитие закончено, гость накрывал чашку блюдцем, а вот по-европейски следовало положить ложку в чашку.

Час спустя после чаепития гости, чинно раскланявшись, разъезжались.

Различали обеды торжественные (церемонные), дружеские (их девиз — «кушать, не церемонясь») и семейные.

Холостые обедали в ресторане. Первый ресторан появился в Париже в 70-х годах XVIII века, в Петербурге ресторон или ресторация открылся в 1805 г. Меню ресторана Талона на Невском описал Пушкин:

Пред ним roast-beef окровавленный
И трюфли, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет,
И Стразбурга пирог нетленный
Меж сыром Лимбургским живым
И ананасом золотым.

Ростбиф готовили по-английски, с недожареной серединой. *Трюфли* — грибы — привозили из Франции. *Страсбургский пирог «нетленный»* — это слоеный пирог с гусиным паштетом, его привозили в консервированном виде. *«Лимбургский сыр живой»* — мягкий бельгийский сыр, он слегка растекается после нарезки.

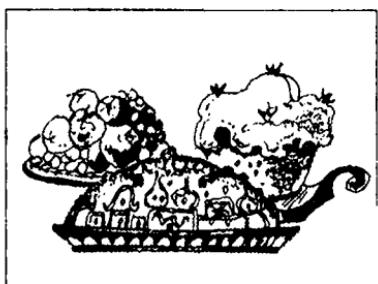
Кроме ресторанов, появляются клубы, где также любили поесть. Знаменитый Английский клуб был открыт в Петербурге 1 марта 1770 года. С обедами проходили заседания Российской Академии. В 1733 г. Пушкин как член Академии посещал заседания, участвовал в обсуждении словарей и грамматик, но, между прочим, поставил и вол-

рос о найме хорошего повара и закупке хорошего французского вина. Академический винегрет и разные фруктово-ягодные водки ему не понравились.

У А.С.Пушкина было такое любимое изречение — цитата из Брилье-Саварена: «Желудок просвещенного человека имеет лучшие качества доброго сердца: чувствительность и благодарность». По мнению Брилье-Саварена, «искусство обедать основано на разрешении трех важных вопросов: 1) где и как обедать; 2) с кем обедать; 3) что есть». Желаю моим читателям всегда успешно разрешать эти три важных вопроса.

Теперь сравним русские обычай столования с французскими и английскими, а заодно узнаем происхождение нескольких «кулинарных» слов, вошедших в русский из-за гастрономических пристрастий наших сограждан.

Как пообедать по-французски, а выпить по-английски

Французы придумали и передали во все языки Европы многие слова, связанные с обедом: *кулинария, суфле, эклер, соус, омлет, кастрюля, паштет*. Для них еда — наслаждение, праздник, поэтому двухчасовой обеденный перерыв остается во Франции нормой, многие магазины закрываются на обед с 12 до 14 часов.

Приготовление обеда — священнодействие. В Париже, например, готовят практически везде одинаково хорошо: в маленьком кафе гостиницы «Монфортер» на окраине, где мне пришлось жить больше недели, и в фешенебельном ресторане на Елисейских полях, но весьма ощутимы различия в цене.

Французы — законодатели этикета, причем все примеры дурного поведения за столом они связывают с англичанами в силу традиции ироничного отношения к гражданам Великобритании. Сами они не стесняются объяснять, что и как следует есть. Любой предмет дискуссии за столом — пища, но не работа и не политика.

В национальное французское меню входят улитки, и лягушачьи окорочки, но их не предложат без вашего желания.

Главное достоинство французской кухни — использование высококачественных продуктов (ими особенно славится Лион — гастрономическая столица Франции), а главный враг хорошей кухни, по их мнению, сккупость. Любая французская хозяйка, выбирая продукты в магазине, будет долго и эмоционально критиковать их свойства, и если она этого не сделает, то продавец будет потрясен и обижен: для истинного француза выбор продуктов — залог дневного счастья. Помню, как снисходительно смотрел продавец на нашу русскую компанию, восторгавшуюся продуктами изобилием и никак не оценившую качество продуктов.

Французы продолжают оставаться законодателями кулинарной моды в Европе. Создание нового блюда для них важнее, чем открытие новой звезды. Поскольку в поварском деле надо рисковать, то настоящим французским поваром может быть только мужчина. Как правило, он обязательно появляется перед гостями в конце обеда. В ресторанчике, где мне приходилось обедать, поваром был сам хозяин отеля, он же и подавал на стол.

Французский стол состоит из закуски (салат или паштет), горячего мясного или рыбного блюда, десерта. Сами они больше всех из европейцев потребляют мяса, а также сыра, фруктов и овощей. При заказе мясного блюда следует сразу попросить *a point* (хорошо прожаренное), иначе будете мучиться с легким зажаренным куском. Достоинством горячего является соус, каждый повар знает рецепты нескольких сотен соусов. На первое могут предложить бульон с гренками, но лучше попросите знаменитый парижский луковый суп. Он действительно хорош, но если вы и не станете его есть, то снимите интересом к этому блюду покорите сердце француза. Кстати, выбирать блюда надо обстоятельно, побуждая официанта (а он только этого и ждет) прочитать вам маленькую лекцию о каждом блюде. Зато и вы не скупитесь на оценку блюд, когда к столу подойдет повар или хозяин. В дневных ресторанчиках есть и комплексные обеды, причем тоже до десятка вариантов.

После горячего подают сыр. Сыры подают на подносе сразу более десятка сортов — на выбор, поэтому можно взять по кусочку каждого. Какие предпочитают сами французы: известные в России камамбэр, рокфор, кантель, из козьего молока шэвр, мягкие сыры вашрэн и бри, слегка запеченный пеплом реброшон, жирный сыр мюнстэр, очень плотный том, с пятнами зелено-плесени блё дэ брюс. О сырах со всеми цветами плесени: зеленой, желтой, черной — говорить не буду, но ничего вкуснее и ароматнее я в жизни не пробовал.

Первые кондитерские в России заводили французы, и они до сих пор держат марку лучших кондитеров. Пирожное они не переслащивают, зато в нем много фруктов и ягод.

Чай или кофе за обедом пьют редко. Тут пьют вино: лучше розовое — оно имеет сладость красного и легкую кислинку белого, вином сопровождают горячее блюдо. После десерта могут предложить крепкий напиток, но хороший коньяк дорог, поэтому люди с достатком чаще употребляют виски или джин, но в разбавленном виде. На французском столе напитки обязательны: на семейном обеде — яблочный сидр, даже пиво, но и для себя, и для гостей француз обязательно поставит вино как символ общения и гарант хорошего настроения. Самое лучшее вино в мире делают, конечно, во Франции, разнообразие марок вина удивительное: в винном отделе любого магазина ходишь как в музее. Зато и цены — на любой вкус: от 2 до 200 франков, но в целом хорошее вино во Франции стоит в десятки раз дешевле, чем в России. Может поэтому и пьют его французы с удовольствием: 15,5 литров алкоголя на душу населения в год, хотя ни одного пьяного на улице не заметишь, наверное, культуры винопийства и закуска у них другая.

Кулинары считают, что удачный обед — это такой обед, после которого остаются только самые прекрасные воспоминания. Во время моей поездки в Париж никто из моих спутников ни разу не пожаловался на грустные ощущения в желудке, но зато у всех появилась страсть к продолжительному обсуждению меню и карты вин. Говорят, в России эта французская привычка быстро утрачивается.

Интерес к английскому у русских появился в конце XVIII века. Английский клуб, открытый в Петербурге 1 марта 1770 года,ставил целью, между прочим, и знакомство солидных столичных дворян с английской бытовой культурой. Однако особенности застолья в «туманном Альбионе» были известны ограниченному кругу русских «денди».

В наши дни ситуация изменилась. Английские консервативные обычаи хорошо известны европейцам. Эти знания полезны и для русских любителей заморских путешествий.

Начнем с распространенных в Англии крепких напитков.

Джин (*gin*) — сокращенное от *geneva*. Слово явно появилось в нетрезвой обстановке, как результат смешения названия города Женевы с искаженной формой старофранцузского *genevre*, что значит «можжевельник». Джин — водка из хлебного спирта (хуже — из картофельного спирта), к которому во время перегонки прибавляют

для аромата сок можжевеловых ягод и некоторые пряности (кардамон, кориандр). Главный производитель джина — Голландия, поэтому в Англии этот напиток еще называли «Голландская», как у нас «Английская горькая». Джин они считают демократическим напитком, поэтому чаще фальсифицируют: разбавляют и добавляют всякую дрянь.

Выше по качеству стоит *виски* (от кельтского *usquebaugh* «жизненная влага»). Его производят в Шотландии. Почему виски лучше джина? Не потому, что это тоже хлебная водка, а потому, что доброкачественное виски не менее 7—8 лет выдерживают для аромата в бочонках из-под хереса или коньяка.

Английское слово *бренди* есть сокращенное *brandy-wine* «горячее вино», то есть такое, которое горит. Англичане разумеют под бренди виноградный спирт, поэтому для них лучший бренди — коньяк, изготовленный в городе Коньяке на западе Франции. Бренди обычно разбавляют холодной или горячей водой, а в чистом виде употребляют для стимулирования как лекарство.

Бренди также служит основой для некоторых напитков, например, *черри-бренди*. Это, по-нашему, — «вишневая настойка». Смесь бренди с водой в любой пропорции (кто как любит) называют *грогом*. Слово вошло в употребление в середине XVIII века при таких обстоятельствах. Адмирал Эд Вернон, носивший плащ из грубой ткани *grogat* и получивший из-за этого плаща прозвище Старый Грот, приказал выдавать своим матросам ром в смеси с водой. Выражение *Старый Грот* перенесли на придуманный адмиралом напиток. Правда, кроме рома, в грот стали вводить и бренды, и другой высокоградусный алкоголь.

Более сложным напитком является *пунш*. Потому его и назвали *ripoch* — от санскритского «пять», а рецепт напитка вывезли из Индии. Готовят пунш из пяти частей: крепкий напиток (вино, ром) + чай + сахар + вода + лимонный сок (или пряности). Если воду заменяют молоком, будет молочный пунш (и как они пьют такую гадость!), если шоколадом — шоколадный пунш. Пунш употребляют в горячем и холодном виде.

Из виноградных крепких вин в Англии предпочитают *портвейн* или *порт*. Его пьют обыкновенно после обеда. Кстати, на Западе до обеда вообще не пьют никаких горячительных напитков.

Еще одна английская странность — любовь к разбавленным винам и смесям. Например, полковник Нигес изобрел напиток *нигес* — чуть-чуть портвейна, сахар, сок лимона и много воды. Пьют теплым, причем дают даже подросткам на детских вечеринках.

Из сладких вин пьют *херес* (от города Херес-де-ла-Фронтен в Испании). Сухие светлые и темно-красные вина или *кларет* — французские по происхождению, а белые или *хок* — это рейнские вина.

Самый распространенный и простой напиток — *пиво* — англичане делят на *эль* (светлое) и *старт* (темное). Есть у них и *портер* (из жаргона английских грузчиков — *porter s beer*), но он легче и хуже по качеству.

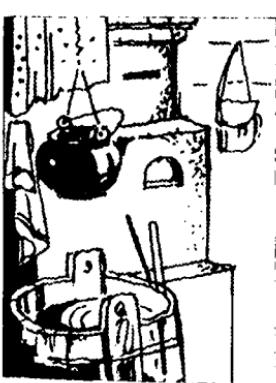
Из плодово-ягодных известен *сидр*, в английском графстве Девоншир, как и во Франции, его делают из яблок.

«За ваше здоровье!» — по-английски «To your health!». На приветствие отвечают: «Пей на здоровье» — по-английски «Drink health».

Так что, *drink health!* Но это, если вы дома, в России. В Англии же надо помнить, что английское гостеприимство очень походит на русское скупердяйство. Англичанин не поторопится пригласить вас в гости. А если и пригласит, то вдоволь поесть и выпить не удастся. Два блюда в честь гостя — максимум. Идя в гости к англичанину, предварительно поешьте. Вас не будет ожидать закрытый стол. Сначала не меньше часа будут томить беседой, в затем еду готовить при госте. У них ведь нет пословицы: соловья баснями не кормят.

Нагулявшись по заграницам, вернемся в свое отчество и займемся «водными процедурами».

Умывальник и рукомойник

Б комплект утвари для умывания у древних русичей входил сосуд, из которого умывались, и сосуд, над которым умывались.

Те, что предназначались для чистой воды, в древнерусский период имели два основных наименования: *умывальница* и *рукомояя*. *Умывальница* было образовано от глагола *умывать*. Это слово закрепилось в художественных и повествовательных текстах церковно-книжного характера. С 1499 г. в письменности наблюдается соответствие мужского рода *умывальник*, которое хотя и употреб-

лялось нечасто, но уже в начале XVIII в. усваивается литературным языком. Слова *умывальник*, *умывальница* — слишком общие термины. У древних славян были более конкретные названия. Уже упоминалась, например, *рукомыя*. *Рукомыя* и производное от него *рукомыец* известны лишь по религиозным текстам, поэтому с начала XVI в. в письменности начинает активно употребляться слово *рукомойник*. Рукомойниками служили вначале кувшины или кумганы: «Куплено в Котелном ряду у торгового человека у Ивашка Данилова кумган медной — диаком рукомойник». Рукомойник царицы Натальи Кирилловны, сохранившийся в Оружейной палате, представляет собою кувшин с изогнутым длинным носиком, фигурной ручкой, высоким горлом и крышкой. Рукомойники — серебряные кувшины, распространенные в быту старой московской знати, иногда именовались по материалу *серебряниками*: «Королевна из-за стола встала и почала умывать руки и, умыв руки, велела серебряник с водою поднести Григорию»; «Серебряник, а по осмотру рукомойник — золочен лев». Рукомойник с крышкой и ручкой иногда называли *наливок*.

А у крестьян появляется специфический сосуд с ушками или дужкой для подвешивания, с рыльцем — носиком для слива воды. За ним и закрепляется название *рукомойник*. Вот как описывается этот предмет в описи имущества в вотчине Спасо-Прилуцкого монастыря в 1684 г.: «Над лоханью рукомойник с покрышкой медной на железной чепочке». Слово *рукомойник* широко употреблялось во всех видах письменности и на всей русской территории, проникло в украинский язык. Одновременно на Севере и в средней части России было известно слово *рукомой*, а в Устюге и Холмогорах — даже *рукомойка*, в Подвинье — *рукомытник*. Глиняный рукомойник с двумя рыльцами, напоминающий баранью голову с рожками, получил название *барашек* или *баранец*. Оно распространено сейчас в калининских, ярославских, костромских и владимирских местах.

Любопытно, что во всех приведенных названиях подчеркнуто назначение предмета, его материал или форма, все они являются исконными по происхождению.

Слово *рукомойник* победило в соперничестве с названием *умывальник*. Теперь, когда вода во многие дома и квартиры поступает по трубам, течет из крана, эти названия уже выходят из ежедневного употребления, но век их еще не закончен.

Использованная вода стекала в деревянные лохани. Они упоминаются в исторических документах с XII в. Название *лохань* взято, вероятно, из греческого языка. Преимущественное назначение ее — сосуд для мытья и умывания. В зависимости от достатка лохани, как и рукомойники, были разными: в домах богатых стояли дорогие металлические, у бедняков — деревянные.

С конца XV в. лоханки начинают заменяться металлическими тазами. Судя по данным письменных источников, слово *таз* заимствовано из тюркских языков, особенно широко употреблялось в тюменских, енисейских, томских и якутских актах.

К 1642 г. относится первое упоминание о ваннах: «Делали в липовых досках с обручми ванну, ся ванна отнесена в мыленку к государыне царице». *Ванна* или *ванная* представляла собою закрытое деревянное помещение с плотной дверью и специальными сиденьями. Слово *ванна* заимствовано из польского языка, которым оно усвоено в XV в. из латинского. Несколько раньше, чем русские, с этим названием познакомились украинцы и белорусы. В XVIII в. ванны в богатых домах делали из дерева или металла. Это были большие продолговато-круглые емкости, в которых мылись или «пользовались», то есть лечили больных.

...Умывание закончено. Женщины принимаются за косметику, которая была исключительно естественного происхождения и имела лечебные свойства. Так, пахучий мускус получали от кабарговых оленей. Хранили его в металлических *мускусницах*, саженных драгоценными камнями.

Сосуды для ароматических жидкостей, имеющиеся у московской знати, носили наименования *ароматница*, *ароматник*, *ароматик*. Скрытое углубление в предмете, куда клади ароматическое вещество, — это тоже *ароматник*.

Гигиеническую белую краску держали в *белильнице*. Вот их описание, сделанное в 1611 г.: «Белиленка серебряна с финифты с различными, ароматница серебряна персидское дело сенчата, около ее в гнездах бирюзки».

Румяна держали в *румянницах*, а сурьму — в *суремницах*.

Если ароматницы и румянницы упоминаются лишь в московской письменности XVII в., то белильницы и суремницы были распространены очень широко. Знали их и в северных городах.

Закончены трапеза, туалет. Вернемся снова к столу, но теперь уже к духовной пище. Посмотрим, как учились грамоте в старину, что читали и что сочиняли сами.

Как учились грамоте

Летом 1686 г. подьячий приказной избы города Тотьмы Арефа Малевинский написал сестре дьякона посадской церкви Анне любовное письмо следующего содержания: «Повидайся со мною, друг мой, в том же месте, а мне досадно, что ты веришь чмутам (т. е. сплетням.—Г. С.), ей уж, не могу жить, увидясь как ни есть, а я буду часу в третьем или в четвертом, да ко мне не пиши. Я сего вечера буду к тебе и бес писма, не могу ей быть, разве смерть меня с тобою разлучит». А вот строки из других его любовных записок к Анне: «Послушай, друг моя, да напиши немного мне, буде будешь, или словом прикажи, я надеюсь на тебя, приди»; «Да отпиши ко мне, да пришли поскоряе, а буде не выдеш да не отпишеш ко мне, ты со мною вовсе остудисся и век не буду. Послушай, выдь ко мне, да отпиши поскоряе, а как отпишеш, я буду рано, а ты не проспи, выдь рание, как велиш быть, я буду и надеюсь. Ой, водиш меня за собою, да выдь, не омани, как не выдеш, век не видаться будет, послушай выдь да отпиши скоро, да не проспи ты, в том месте приди рание да до меня спи, я приду скоро. Да отпиши мне». По всему выходит, переписка была обьюдною. Значит, писать умели не только мужчины, но и женщины. Да и не только любовные послания.

В начале XVII в. тотьмич «трубный мастер» Семен для нужд развивающихся соляных промыслов пишет руководство по добыче соли — «Роспись как зачать делать новая труба на новом месте». Составлялись на Севере счетные руководства для определения величины площадей — «скоромысленники». Один такой скоромысленник находится в Государственном архиве Вологодской области среди столбцов XVII в.

Письма посадских людей и крестьян, любовные записки, грамотки и челобитные, росписи, скоромысленники, технические руководства — все это свидетельствует о довольно высоком уровне грамотности на Руси. Грамотные люди обслуживали административно-деловую и религиозную сферы, вели торговые дела там, где требовались знания иностранных языков. По нашим подсчетам, среди мужского населения таких торгово-промышленных городов, как Вологда, грамотность равнялась 13—15 процентам от числа жителей, а

в Великом Устюге приближалась к 20 процентам. Великий Устюг в XVII в. оказался средоточием торговых путей в Москву, в Сибирь и — через Архангельск — за границу, он имел торговые связи почти с 40 городами. В городе была съезжая изба — канцелярия воеводы, в которой, кроме постоянных подьячих, у сыскного дела сидели по очереди грамотные люди из сел и городов, подчиненных великоустюгскому воеводе. В таможенной избе брали пошлины с провозимых товаров. Доходами с кабаков ведала кабацкая изба. Всего на административной службе в 1643 г., например, было «на Устюге и в Устюжском уезде в таможенных и в кабацких целовальниках и в земских судейках и в целовальниках и в ямских и в ружных старостишках, кроме отъездных служб, человек по сту и больше». Для написания челобитных, порядных и других бумаг устюжане обращались к площадным подьячим, которых в 1667—1668 гг. насчитывалось 53 человека. Все они были посадскими людьми Великого Устюга. В северных городах довольно значительно была группа таких людей. Все из небогатых людей посада. Обычность этого явления подтверждается хотя бы следующими строками челобитной 1668 г.: «А кормятся на Вологде в писчей избушке площадным письмом оскудальные люди». В городе были одна или две специальные избушки, где подьячие писали по очереди разные документы для желающих: «Он де Ивашко был в те поры в писчей избушке была иво Ивашкова денщина». В семьях писцов профессия передавалась по наследству. В Великом Устюге в 1630 г. писали «площадное письмо» Невзор Еремеев с сыном. В Белозерске в 1645 г. в съезжей избе был подьячим Никита Чапыжников, а в 1672 г. пишет бумаги и его сын Осип, такие же должности занимали Дмитрий Олферович Инков и его сын Иван. В Тотьме в 1672 г. писал на площади Тит Иванович Кашин, а в 1687 г.— его сын Яков.

Среди женщин грамотные встречались реже. Назовем прежде всего монахинь Горицкого монастыря (около Кириллова), издавна служившего местом ссылки для представительниц знатных боярских родов. Были здесь постриженки и из местных жительниц. Например, Анисья из Уломы, которая учила грамоте сына горицкого попа. А вот сведения об обучении грамоте девушки: «Учил я сирота у него попа Кирила доч ево девку Марину книжному учению словесному» (1678 г.).

Просвещение на севере России имело древние корни. Имена местных книжников стоят в начале списка просветителей XV—XVII вв. Это Стефан Пермский, который на родине, в Великом

Устюге, носил прозвище Степан Храп, создавший около 1375 г. алфавит для коми-зырян и переведший «несколько российских словенских книг на язык пермский и учаще детей азбуке пермской и слогом и часослову и псалтири и прочим книгам на пермский язык от него переведенным»; Кирилл Белозерский и Ефросин — авторы книг и организаторы книгописного дела в Кирилло-Белозерском монастыре; книгохранитель Спасо-Прилуцкого монастыря Арсений Высокий, осуществлявший в 1584 г. первое в истории библиографическое описание с постатейной росписью книг и элементами аннотации. Инок Кирилло-Белозерского монастыря Герман Подольный (или Пустынник) уже в конце XV в. составил описание монастырских книг, благодаря которому мы имеем полное представление о составе этого богатейшего собрания. Герман Подольный вел активную письменную полемику с Нилом Сорским — идейным вождем одного из религиозных течений XVI в. Иона Думин, бывший в 1589—1603 гг. вологодским и велико-permским архиепископом, пишет в 1591 г. особую, наиболее пространную редакцию Жития Александра Невского. Иона известен и как рачитель просвещения в крае: по его заказам для архиецкой библиотеки было написано 22 рукописи, в 1593 г. из московской поездки привозят в Вологду 200 экземпляров печатной Триоди для распространения по церквам. Высокой оценки заслуживает труд монаха Глушицкого монастыря Иринарха «Житие Дионисия Глушицкого», где сочетаются простота исторического повествования и риторическая усложненность похвального слова. Из Великого Устюга вышел сочинитель песнопений Лонгин (мирское имя — Иван) Шишлев (Шишловский), по прозвищу Корова. Он был многогранно одарен, хорошо постиг книжное дело, был редактором и издателем первого напечатанного в Москве монастырского Устава (1610 г.). Его имя упоминается в пяти певческих рукописях конца XVI — первой половины XVII вв. Лонгин был уставщиком и мастером-распевщиком Троице-Сергиева монастыря. Современники отмечали его незаурядные музыкальные способности: прекрасный голос, умение импровизировать: «...красен бо ему глас и светел бяше, и гремящ вельми, в хитрости пения и чтения первый бяше... на един стих разных распевов пять, или шесть, или десять полагал». Едва ли не самое славное имя в этом ряду — монах Павел из Ворбоземского Благовещенского монастыря, что близ Белого озера. Его труд «Буковница, рекше Азбука», датированный 1592 г., — одно из первых старо-

русских грамматических руководств, образец средневекового лингвистического анализа, богатый источник сведений о русском языке XVI в., в особенности о его словоизменении и системе ударения. Известно и место написания рукописи: «...в дому Тимофея дьякона Яковлева сына важенина» (важенин — от названия р. Ваги). Автор так определил назначение работы: служить «распространению великого разума и грамотничеству». Это руководство по правописанию и словарь грамматических форм, где указаны число и падеж, последовательно проставлено ударение. Есть таблицы букв и слогов, что обязательно для пособия по обучению грамоте.

Из житий святых установлено, что около Кирилло-Белозерского монастыря было училище по обучению грамоте, что читать и писать учили в деревнях близ Белого озера и Тотьмы. Хорошо было поставлено обучение в Ферапонтовом монастыре. Один крестьянин, просивший о пострижении в этот монастырь, оговаривал условие, чтобы вместе с ним жил сын, «докамест грамоте учика и не змужает... Пожалуйте мальчика моего Якунку в грамоте доучите мне» (1662 г.).

Помещики отдавали своих детей для обучения сельским священникам. Так поступил и Дмитрий Корнильевич Беседной из Вологодского уезда, но наука оказалась не по душе юному наследнику: «А сын мой Борис, учась в грамоте у комьянского никольского попа у Сергия, да от нево и збежал» (1648 г.).

Священники, желающие сохранить свое место за детьми, особенно были заинтересованы в обучении сыновей грамоте, так как богослужение шло в то время по книге. К тому же на дьячка, сватавшегося к дочери попа, иногда возлагалась по брачному договору обязанность «детей ево в грамоте учить». И поэтому дьячок Иван Кириллов из-под Вологды жаловался на своего зятя Якова Власьева, земского писца, который должен был обучить «грамотному учению» его детей, но не выполнил этой договоренности (1688 г.).

Земские писцы и церковные дьячки, обучающие грамоте, брали обычно несколько учеников, и обучение было коллективным. В челобитной о пропаже книги вологодский поп пишет: «А ныне тот Апостол у диякона Гаврила казанского, а учатся по нему ученики... денег не платя учеников учат по ней» (1674 г.).

Из деловых бумаг чаще всего писали челобитные, порядные и росписи. Челобитная — это просьба или жалоба, обращенная к пред-

ставителю власти. Порядная (рядная) оформляла договор на выполнение работ, на совершение какого-либо дела, даже на свадьбу. Роспись содержала список предметов, чаще торговых товаров, перечень приданого или последовательное описание технологии какого-либо ремесла. Любую деловую бумагу можно было назвать и грамотой, в отличие от грамотки — частного письма.

Читать и писать обучали по церковным книгам. Главные среди них — Апостол, Псалтырь, Триодь, Часослов. Апостол содержал рассказы о чудесах, творимых апостолами — учениками Христа, а также их послания. Первым датированным печатным изданием в Москве стал Апостол, напечатанный в 1564 г. Иваном Федоровым. Текст Псалтыри составлял основу богослужения. Это сборник чтений для церковной службы, а также библейских песен и выборок из псалмов. К Псалтыри присоединялся Часослов — особый сборник для исполнения всех служб в течение дня: полунощной, утренней и вечерней. Псалтырь без Часослова называлась *простой*, вместе с ним — *следованной*. Триодь — так греческим словом называлась книга песнопений и молитв. В каждом песнопении — каноне было три части, отсюда — триодь.

Чтение Апостола, Часослова, Псалтыри, срисовывание букв с печатных образцов составляли наиболее простую систему обучения. Учителя имели и более совершенные средства. В челобитной, написанной вологодским дьячком около 1678 г., читаем: «Учил я сирота у него попа Кирила дочь его девку Маринку книжному учению словесному да брата ево родного Ивашка да племянника ево братня сына Ивашка Офонасева выучил их пс азбукам».

Печатных азбук недоставало, поэтому использовали и рукописные. Азбука — древнерусский учебник первоначальной грамоты. Он включал материал для чтения и для обучения письму. Из известных исследователям рукописных азбук две были написаны в Вологде и одна в Великом Устюге.

Азбука — пропись 1643 г. — состоит из двух разделов. В первом дан алфавит, прописи букв, слогов и отдельных слов, как это делается и в современных букварях. Заглавные буквы алфавита тщательно выписаны киноварью. Во втором разделе приведены материалы для чтения и переписывания: назидания, изречения, поговорки, выдержки из церковных книг, например: «Учение — свет, а неучение — тьма»; «Умному тайна явити, яко уголь горящ в воду пустити, а безумному тайна явити, яко искра в сено пустити». Здесь и советы на разные случаи жизни: «Зри очима, а вни-

май сердцем, и будешь умети, и надежда твоя не погибнет от тебя»; «Уму добруму учися, а старейшему человеку повинися, а безумному ся не давай, а за правду велми постражи»; «Блюди ум свой от безумия, а честь блюди от бесчестия». Жизненные наблюдения подытожены в таких афоризмах: «Виноград зелен, да не сладок, млад ум, да не крепок»; «Добро того учити, кой бы внимал, а старого учити, аки конь необуздан водити»; «Аще хто хощет много знати, подобает ему мало спати»; «Аще хто не упивается вином, тот крепок бывает умом».

В втором отделе вологодской азбуки приведены также образцы деловых бумаг: челобитной, кабалы (расписки о взятии в долг чего-либо), образцы частных писем и таблица буквенного обозначения цифр, применяемого тогда в России. Включение в азбуку деловых бумаг ясно показывает, что обучение грамоте производилось прежде всего для умения торговать, для ведения административной службы.

Имел хождение в наших краях и Букварь Кариона Истомина, выполненный первоначально в нескольких рукописных вариантах, а затем изданный в 1694 г. Своебразие его заключается в наличии иллюстраций к словам, представляющим ту или иную букву. Это была первая на Руси попытка ввести в обучение наглядность. Все предыдущие буквари и азбуки, за исключением вологодской, носили определенно религиозный характер. Букварь Истомина оказался первой русской учебной книгой светского содержания. Он преследовал цель не только научить читать, но и дать первоначальные сведения о многообразии предметов окружающего мира, что и определило большое количество слов бытовой сферы, с которыми знакомились ученики. Треть состава словарника занимают названия предметов и явлений животного и растительного миров. Богато представлены наименования домашней и хозяйственной утвари, одежды, пищи, построек, военные и географические термины. Например, бритвой называли небольшой нож с ручкой и острым лезвием. Бритвы могли быть складными. Ведро представляло собою деревянный или лубянный сосуд, обтянутый обручами, а котел — сосуд, кованный из медных полос, склеенных между собою. Кариону Истомину удалось отобрать слова в большинстве своем общерусского распространения. Многие из них употребляются и нынче.

Дальнейшее образование каждый продолжал самостоятельно, читая книги религиозного и светского содержания. Причем книги имели люди всех сословий.

Что читали в старину

Белика польза бывает человеку от учения книжного, ведь в книгах неисчтная глубина» — в таких проникновенных словах слагает похвалу книге русский летописец XI в. Во все времена высоко ценили книжную мудрость и в наших северных краях. На состояние культуры и просвещения заметно влияла хозяйственная деятельность наших предков, уровень развития ремесел, активная торговля. Традиции книгописания на Севере имели многовековую историю, первые библиотеки — «книгохранильни» — появились здесь не позднее XV в. Издавна водились в градах и весях искушенные книжочеи и просто грамотные люди.

Прежде всего отметим, что книги имелись во многих домах, на посадах и в деревнях. Некоторые частные библиотеки для того времени были довольно значительными. Так, например, Д. М. Скобеев из Белозерского уезда имел 14 книг, в том числе 4 рукописные. Среди его книг были не только сборники религиозного содержания, но и литература, предназначенная для светского чтения: популярные сочинения морально-этического содержания «Златоуст», «Ефрем Сирин», «Печерский патерик», а также историческая повесть «Взятие цареградское и казанское». Библиотека крестьянина волости Старой Тотьмы Степана Трефильева состояла из 8 печатных книг.

Наиболее богатыми были библиотеки лиц духовного звания. Вологодский архиепископ Маркел оставил после смерти 38 книг, в том числе Уложение 1649 г.— свод законов, а также рукописный летописец. Архиепископ Симон имел уже 47 книг, в том числе 8 рукописных, написанных им самим. В его библиотеке было три грамматики, словарь иностранных слов и Цветословие — пособие по ораторскому мастерству. Более 30 книг было у игумена Соловецкого монастыря Иакова.

Многочисленны сведения о наличии отдельных книг. Вологжанин Аврам Корнилов имел «Поэтическую повесть об азовском осадном сидении», в 1617 г. сочинения Пересветова приобрел вологжанин Козманов. Сборник со сказанием «Како Кирилл составил азбуку» принадлежал торговому человеку Верховажского посада Илье Пав-

ловичу Юринскому. Книга «Зерцало» переходила по наследству в семье крестьянина Спасо-Прилуцкого монастыря Масленникова, «Хронограф» был собственностью Кирилла Борисова — дьяка вологодского архиепископа. «Хронографы» — сборники исторического содержания — особенно распространены в частных библиотеках. «Хронограф» хранили в Великом Устюге братья Четвериковы и братья Протопоповы, рукописный «Хронограф» достался по наследству устюжскому торговому человеку Д. К. Худякову. В надписи на летописце XVII в. читаем: «В лето 7191 (1683) месяца февраля в 16 ден продал сию книгу летописец Поярок Карпов сын, арзамасской диячек, вологженину Якову Судейскому».

В списках покупателей печатных книг в лавке Печатного двора часто встречаются имена жителей Вологды, Белозерска, Великого Устюга, Тотьмы.

Самыми ходовыми изданиями были книги, по которым учились грамоте,— Азбука и Псалтырь, далее — Библия, которая использовалась главным образом для чтения, и Уложение 1649 г. Из светской литературы покупали и «Грамматику» Мелетия Смотрицкого. Грамматика представляла собою труд больших научных достоинств, который М. В. Ломоносов назвал «вратами своей учености».

В Центральном государственном архиве древних актов хранится приходная книга продавца книжной лавки Печатного двора за 1649—1665 гг. Из жителей наших мест в лавке чаще всего бывали вологжане. Уложение 1649 г. купили, например, стряпчий вологодского архиепископа Федор Иванович Шестаков, стряпчий Прилуцкого монастыря Мирон Никитин, посадские люди Богдан Зворыкин, Афанасий Душин, Дементей Масленников, Богдан Ропсой, Константин Данилов, Яков Козмин, Данила Шарыгин и другие, всего 12 человек. А за 15 лет среди покупателей значится 27 вологжан. Учтем при этом, что книжная лавка Печатного двора, находящаяся в Москве, была, конечно, не единственным местом, где жители Вологды приобретали книги.

Любители чтения были и среди населения Вологодского уезда. К ним относился Никольский поп Григорий из Водожской волости, который в 1650 г. купил Маргарит и Сборник — книги религиозно-назидательного содержания, а в 1651 г.—двухтомное собрание житий и нравоучений и толковое Евангелие. Уложение приобрели служка Корнильево-Комельского монастыря Иван Борисов и Алешка Захарьев сын Соловцов, который ездил в Москву с прошением от сельского мира Шуйского яма. Ям — старое на-

звание административно-территориальной единицы. Выходит, свод законов в этом случае был куплен для нужд сельского мира.

Жителей Великого Устюга обеспечивал книгами купец Сила Грудцын из известного торгового рода Грудцыных. Его потомок Василий Грудцын стал героем популярной в конце XVII — начале XVIII вв. «Повести о Василии Грудцыне». Только в 1650 г. Сила Грудцын купил для перепродажи 5 книг «Учение и хитрость ратного строения», 3 экземпляра Евангелия толкового, 10 книг Уложения, а себе для чтения Маргарит. Устюжане Тихон Максимов и Василий Дорофеев приобрели учебные псалтыри, а всего в лавке московского книготорговца побывало 8 великоустюгцев.

Пожалуй, самым замечательным фактом, отраженным в приходной тетради, является покупка белозерским попом Семеном сразу 113 экземпляров Азбуки, которая стоила всего одну копейку и предназначалась для распродажи населению. Такое количество азбук в Белозерском уезде можно было распределить из расчета по одной книге на пять дворов. Интересовались белозеры и Уложением. Много книг покупали в Кирилло-Белозерский монастырь для общих нужд и в пользование отдельных монахов: за 15 лет было закуплено девять Библий, пять Миней, две Грамматики, две книги «О вере», Шестоднев, Сборник, «Учение и хитрость ратного строения», Уложение.

Обратим внимание на интерес северян к иностранным языкам, который был предопределен торговыми связями, наличием дворов иностранных купцов в Вологде и Великом Устюге. Известно, что в Устюге в 1630 г. обязанности немецкого толмача (переводчика) выполнял Сергей Елисеев. Для изучения других языков имелись словари или азбуковники, которые также распространялись в нашем крае. Такой словарь был в библиотеке Спасо-Прилуцкого монастыря. Имел азбуковник крестьянин Кичменгской волости Устюжского уезда Дмитрий Васильевич Карандашев. В 1699 г. устюжский архиепископ Александр имел «Лексикон славенороссийский с польским наречием», были азбуковники у вологжанина Прошлецова и у монаха Кирилло-Белозерского монастыря Дорофея Зиновьева. Азбуковником пользовался казначей вологодского архиепископа Илья. Используя свое знание латинского алфавита, посадский человек Великого Устюга Афанасий Петрович Соколов даже написал на принадлежащей ему рифмованной Псалтыри, сочиненной Симеоном Полоцким, завет от винопития во время говений: «197 году

марта в 11 день на пятой неделе великого поста stradal s pochmelia velmi edwa ne wmer i stal s tuch mist ne pit nowienum ni wina ni piwa da i wpred ukrepi boze wo wsie howienia».

До XVIII в., то есть до создания в России сети школ и других учебных заведений, центрами книжной культуры были монастыри, которые имели книгописные мастерские и «книгохранильни». Анализ фондов этих древнерусских библиотек показывает, что на Севере была значительно распространена рукописная книга. Самую большую библиотеку имел Кирилло-Белозерский монастырь. В 1601 г. здесь было 1065 томов, а в 1667 г.— более 2000. В Спасо-Каменном монастыре, который находился на острове в Кубенском озере, в 1670 г. было 411 книг, из них можно назвать «Историю троянской войны», сочинения Максима Грека, несколько летописцев, «Грамматику», «Алфавит» и другие. Более чем по 400 экземпляров насчитывали библиотеки Спасо-Прилуцкого и Павло-Обнорского монастырей. Соловецкий монастырь имел библиотеку в 1478 томов, из них 1343 были рукописными. Многие книги в северных монастырях хранились в наиболее древних списках. Вологодские и кирилловские рукописи часто брались в Москву для правки книг и для пополнения царской и патриаршей библиотек. Монастырские книжные сокровища использовались не только монахами, они служили просвещению местного населения. Стряпчий Спасо-Прилуцкого монастыря Василий Семенов, находясь на московской службе, просил келаря Левкея: «Да пожалуй государь братек малово побереги, не давай гулять, выучи грамоте». Даже книги из церквей были доступны прихожанам, да и само количество их (в церквях г. Вологды было в среднем по 30 книг, в церквях Вологодского уезда — по 20) намного превышало минимум, определенный церковным уставом,— 8 книг, необходимых для богослужения.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что, несмотря на дороговизну бумаги и книг, переписка книг в монастырях и покупка их не были явлениями единичными. А между тем в 1627 г., например, стопа бумаги в Вологде стоила 18 алтын, так же оценивалась и туша говяжьего мяса. Приведем сравнительные цифры стоимости книг и других товаров в Москве: Минея общая (1609 г.)—4 коровы, «Маргарит» (1641 г.) — 6 руб.— 12 коров.

А список древних русских книг весьма значителен.

На первом месте по количеству рукописных и печатных экземпляров стояла Библия. Редкой, но ценной книгой был Азбуковник

— тип древнерусского словаря XVI—XVII вв. В него, кроме словарных статей, включались сочинения о происхождении славянских языков, статьи по грамматике, сведения богословского и исторического содержания, перечни терминов. «Ефрем Сирин» — название книги, составленной из сочинений сирийского писателя и поэта Ефрема Сирина (умер в 373 г.). Это одна из самых читаемых книг в древней Руси. «Зерцало» — древнерусский сборник религиозно-назидательного чтения, свое название получил оттого, что большинство текстов в нем подписано именем Иоанна Златоуста — одного из отцов церкви, византийского писателя IV в. «Златоуст» содержал евангельские истории, поучения «о почитании книжном», о смирении, зависти, пьянстве, о поведении в церкви. Рассказы здесь просты, невелики по объему, легко запоминаются. Из поучений Иоанна Златоуста составлены также сборники «Маргарит», «Златоструй» и другие.

Для церковной службы и для чтения предназначалась Минея. В нее включены жития святых, сказания о церковных праздниках, поучения. Тексты в Минее расположены по дням каждого месяца в соответствии с церковным календарем.

Другой характер имел «Печерский патерик» — сборник произведений об истории Киево-Печерского монастыря и первых его подвижниках. *Патер* — по-гречески «отец», патерик содержал учение отцов церкви. Известны были и другие патерики: Азбучно-Иерусалимский, Египетский, Римский, Синайский, Скитский. Жизнь земных царей излагалась в Хронографах (от греческого *хронос*, то есть «время»). Древние Хронографы — источники сведений по всемирной истории, начиная с библейских времен и кончая X в. Особенно полно отражена в них судьба восточных государств, греческая и римская история.

Религиозное и светское, вымысел и реальность перемежались в «Шестодневе». Это произведение комментировало библейский рассказ о сотворении мира за шесть дней. Это был свод знаний о мире, соединенный с идеей божественного происхождения жизни. В «Шестодневе» много практических сведений: об устройстве колосьев, о видах рыб, птиц и животных, объяснение атмосферных явлений и описание небесных светил. Самый знаменитый вариант «Шестоднева» написал в начале X в. Иоанн экзарх Болгарский.

Мы назвали здесь только некоторые из наиболее известных в ту пору книг. А ведь литература пополнялась ежегодно, ежедневно.

У начала северной литературы

Речевое искусство русского народа издревле имело массовый характер и выражалось в создании богатейшего устного народного творчества, а также большого числа высокохудожественных литературных произведений, авторы которых в большинстве случаев остались неизвестными.

Даниил Заточник (XII или XIII в.) — предполагаемый автор двух близких друг другу произведений: «Моления» и «Слова». Летописцы XIV в. считали Даниила реальным человеком, попом, сосланным на озеро Лаче.

Может быть, Даниил и есть автор первого художественного текста, написанного на северной земле. «Кто бы ни был Даниил Заточник,— писал В. Г. Белинский,— можно заключать не без основания, что это была одна из тех личностей, которые, на беду себе, слишком умны, слишком даровиты, слишком много знают и, не умея прятать от людей своего превосходства, оскорбляют самолюбивую посредственность; которых сердце болит и снедается ревностию по делам, чуждым им, которые говорят там, где лучше было бы помолчать, а молчат там, где выгодно говорить».

Одним из организаторов книгописания в Кирилло-Белозерском монастыре был Гурий Тушин, постригшийся в монахи в 1478 г. Он — автор «Летописца Русского», составитель и редактор ряда сборников, его рукой или под его руководством было написано 37 книг. Вместе с ним некоторое время работал и Исаак Собака, прославившийся позднее своим сотрудничеством со знаменитым книжником Максимом Греком. Кстати, и жизнь свою Исаак закончил в Ниловой пустыни на Белоозере.

С северным краем связано создание огромного числа житий — биографий основателей местных монастырей в XV—XVII вв.: Адриана Пошехонского, Александра Куштского, Герасима Вологодского, Германа Соловецкого, Григория Пельшемского, Димитрия Прилуцкого, устюжского юродивого Иоанна, Иоасафа Каменского, Мартинiana Белозерского, Павла Обнорского, Прокопия Устюжского, Стефана Комельского, Трифона Печенгского (Кольского), Ферапонта Белозерского, Филиппа Иранского, митрополита Филиппа (Колычева). В этих местах жил старец Зосима, основавший на Ворбозомском озере

под Белоозером монастырь, автор «Поучения и послания к Настасии дщери моей». Известно имя основателя Комельского монастыря и автора «Завета» монахам этого монастыря Иннокентия Охлябинина (Вологодского). Обязательно назовем имя монаха Ионы — автора трех житий: Антония Сийского, Сергия Нуромского (Обнорского), Варлаама Важского (Пинежского или Шенкурского). Все жития, написанные Ионой в XVI в., ценные как исторические и литературные источники, но до сих пор не изучены исследователями. «Житие Александра Свирского» написал игумен того же монастыря Иродион. Большим книжником был Корнилий Комельский — автор монастырского устава и книгописец. Это он создал в Комельском монастыре книгописную мастерскую, в которой позднее его ученик Нафанаил написал житие своего учителя. Вологодский епископ Антоний около 1586 г. сочинил «Житие Герасима Болдинского», а в начале XVII столетия в Вологде была составлена память самому Антонию.

Создавалась и литература светского содержания. Певчий вологодского архиепископа Иван Слободской, имевший значительную библиотеку, в конце XVII в. писал летопись; в Вологде был написан «Сокращенный временник» — известное повествование о жизни России в XVII в. В 1624 г. в Великом Устюге был создан Хронограф, там же написаны две исторические повести, а в 1671 г. великоустюжский священник Яков создает «Повесть о бесноватой жене Соломонии», вошедшую в состав жития великоустюжского юродивого Прокопия.

В глубине веков скрываются истоки отечественной стихотворной культуры. На фоне истории большой русской литературы развивалась поэзия отдельных центров просвещения и письменности, к которым относилась и Вологда.

Одним из первых вологодских поэтов можно считать Тимофея Акундина. Он родился в Вологде в октябре 1617 г. в семье стрельца Демида, который в поисках дополнительного заработка иногда торговал холстами. Тимофей служил в молодости у вологодского архиепископа Варлаама, хорошо обучился искусству письма, много читал. Благодаря своей энергии и предприимчивости он попадает в Москву, где знакомится со стихотворцами из московских приказов. Пример многочисленных самозванцев первой половины XVII в. вдохновляет Акундина на рискованный шаг: он бежит в Польшу и объявляет себя русским царевичем. В поисках высокопоставленных покровителей едет в Турцию, затем — в Рим, скитается по скан-

динавским странам. Будучи в Турции, он подает 11 декабря 1646 г. московским послам в Царьграде декларацию, написанную стихами. Это литературные стихи назидательного содержания. Книжная поэзия, представителем которой является вологжанин Тимофей Акундинов, была лишь одним из течений в литературном потоке XVII в.

Важное место в то время занимает сатирическая поэзия демократического содержания, основанная на устном народном творчестве. Известные к настоящему времени сатирические стихи имеют общерусский характер, они не связаны с реальными лицами и конкретной местностью, что затрудняет установление авторов и места создания текстов.

На этом фоне особый характер приобретают обнаруженные нами в Государственном архиве Вологодской области «самородные стихи» второй половины XVII в. Приведем этот текст полностью (в скобках помещены зачеркнутые стихотворцем строки):

Приказщикъ Семен Горяиновъ плутаешь
У отписокъ у печатей сшивокъ не очищаешь
Которые отписки к преосвященному архиепископу присылаешь
И у тех печатей усы оставляешь
(Знатное дело что ты дурак дела не знаешь)
И подьячево Данилка глупца не научаешь
Знатное дело что ты сам дуракъ не знаешь
Какъ к господину с честию подобною отписки посылают
И у печатей у сшивокъ усы очищаются
Да и преж сего тебе о томъ говорили
И вы дураки и глупцы все позабыли
И буде станете вперед так присылати (чинити)
Станут вас гораздо смиряти
На большую чель сажати
Да после того плетми хлестати
(И твои приказщицы усы драти)
И у тебя приказщика у самово усы драти
А у подьячево Данилка уса нет ино бороду рвати
А ся вам память на мирских сходкахъ прочитати
И свою глупость и дурачество пред всеми обличати
На рукописи почерком более позднего времени поставлена дата:
1689 г., на обороте написано: «Самородные стихи».

Упомянутый в стихах Семен Горяинов происходил из известного рода Горяиновых, которые служили при архиерейском дворе. Он был приказчиком в вотчине вологодского и белозерского архиепископа на Лежском волоку.

Небрежность Горяинова и его помощника молодого подьячего Данилки в оформлении донесений и отчетов («отписок») и стала предметом сатирического осуждения. Автором текста является один из служащих канцелярии вологодского архиепископа, на долю которого выпала обязанность регистрировать поступающие челобитные и другие бумаги и готовить по ним постоянно и аккуратно сообщения для святого владыки.

Стихотворение является образцом народной сатирической поэзии. На нем сказалось и влияние делового слога той поры. Использована самая простая рифма — глагольная. Многие слова эмоционально окрашены, несмотря на их конкретный характер. Очень живо воспроизводятся реальные детали приказного быта. Остроумно обыгрываются два значения слова *ус*: *ус* на лице приказчика и *ус* — конец нити, выступающей из-под печати на деловой бумаге.

Эти примеры говорят о глубоких корнях северной литературы, о ее традиционной неразрывной связи с народной речевой культурой, с живым словом Русской земли.

Язык — памятник культуры

Молчат гробницы, мумии и кости,—
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь письмена.
И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — речь.

В этих чеканных, сознательно категоричных строках воспел Иван Бунин нетленный памятник народной культуры — слово. Народ — творец всего прекрасного на земле, и деяния рук его украшают землю. Но молчат храмы, тишиной окутаны музейные экспонаты. Лишь Слово звучит постоянно, самозначимо в любые времена, оно имеет свой собственный смысл, понятный всем человеческим поколениям. Слово помогает восстановить мир предметов, окружавших предков, узнать об их нравах и обычаях, семейных праздниках и лихих военных годах. Словесное художественное творчество открывает характер народа, его неистощимую гениальность, его отношение к другим народам, его мысли и чаяния.

Память о прошлом хранит всякое слово, но особенно значимы показания письменных памятников прошлых эпох. Они в большом количестве сохраняются в архивах и музеях северных городов. Это рукописные книги разного содержания: сборники литературных и исторических произведений, лечебники, хозяйственные книги, книги знаменного, или крюкового, пения (крюки — стариные знаки нотной записи). В «Сказании о различных ересях», хранящемся в Государственном архиве Вологодской области, автор сообщает о себе: «Не вем како начати, невежда бо есмь и поселянин». Вероятно, автор сказания — сельский житель, но он умело и грамотно разбирает отступления от церковных канонов своего времени. В одном из сборников находим летопись города Вологды первой четверти XVIII в. В начале сочинитель признается: «Имех аз немалое желание дабы ми исследовать о своем отечестве, а имянно о граде Вологде отколе разстояние и колких лет ея имущество кем устроился и где граду первенство».

Главное богатство наших архивов — столбцы, то есть документы местных учреждений и частные бумаги XVI— XVIII вв. По внешнему виду — это узкие, от 14 до 17 сантиметров шириной, полосы бумаги. Отсюда и название. Длина же была различной: столбцы, содержащие запись одного дела, склеивались друг с другом. Такой документ достигал двадцати и более метров. Для удобства хранения столбец сворачивали в трубку, свивали. Отсюда другое название — *свиток*.

Из этих исторических материалов выясняется, что самыми крупными землевладельцами в крае были местные монастыри. Узнаем мы о бедственном положении крестьян в неурожайные годы. В челобитной 1697 г. читаем: «Государю преосвященному Гавриилу архиепископу вологодскому и белоозерскому бьют челом и плачутся сироты твои крестьяниншка Белозерского уезду Чуровские волости деревни Богоявленские Тимошка Кузьмин, Иванко Семенов, что сироты бедны и скучны, хлеб, рожь и овес вызяб, и скотинишко от их скучности испродали, к новому году рожь на семена купили и сеяли ныне мы, сироты, от скучности своей мало, з женишками своими, з детьми наши в мире бродим, помираем з голоду, а ярового хлеба овса сеять нечем, потому что овес вызяб».

Разнообразны хозяйствственные и бытовые ситуации, о которых сообщают свитки: это и охота с самострелом на векш, и споры из-за огородной межи, и кража вещей из клети неведомым татем, и врачевание крестьянином-коновалом «скорбных лошадей от чесовой скор-

би», и сооружение мастерами «мурамленого дела» главы на церкви в Спасо-Прилуцком монастыре. Можно узнать, что гребля на сено-косе в течение двух дней оплачивалась четырьмя деньгами, а лошадь стоила три рубля с полтиной, что охотились в то время на «глухих тетерь». В актах приводятся имена и фамильные прозвища северян: Андрей Лисица, Алексей Попов прозванием Коза, Сава Жаворонок, Третьяк Солома, Ивашко Васильев сын Чулок. В столбцах начала XVIII в. идет речь об отправке колоколов и медных пушек из вологодских и архангельских монастырей в Москву для пополнения государственной артиллерии, о деятельности «кумпансств» — компаний по строительству кораблей для российского флота.

Все истории слов и вещей, о которых шла речь, основываются на фактах из письменных источников прошлых эпох, хранящихся в центральных и местных архивах.

А теперь из далекого прошлого перенесемся в наше время, к его проблемам, в разрешении которых живое русское слово тоже играет немалую роль. Эти проблемы — русская идея и итоги XX века.

Русская идея как явление русской культуры

Опыты самопознания русского народа (русского этноса, русской нации) начались давно. Бурные споры о русском пути, имевшие литературно-языковую основу, проходили уже в первой половине XIX столетия. Большой смысл несли и поэтические формулы типа гоголевской «Русь — тройки», многократно продолженные в дальнейшем, вплоть до современного образа горящего поезда, «которому некуда больше бежать» На употреблении выражения «русская идея» настоял Ф.М.Достоевский в 70-х годах XIX века.

У русских особо трепетное отношение к государству как одному из компонентов Отечества. Проблемы общественного устройства на Руси в исторический период решались с позиций православия. Власть включает два полярных явления: строгость и милость. Считалось, что всякий раз, вручая кому-либо власть, надо исходить не из его невинности неофита, не зневшего медных труб, а напротив — из грешной природы человека. Нельзя давать одному человеку абсолютную, неограниченную власть по отношению к другим людям: не нужно вводить его в искушение властолюбия. Католическое мировоззрение, признавая в бытии божественный высший мир, с одной стороны, а с другой — преисподнюю, в то же время находит место и земному, поэтому оправдывает государственную власть. Западный рациональ-

ный человек рассуждает так: когда добрый человек отказывается от власти, он навлекает на себя ответственность за то, что властью воспользуются злые. Русская духовность делит мир не на три, а на две части — свет и мрак. Власть находится на границе света и мрака, одобрение здесь трудно отделить от проклятия. У русских — вековая привычка перекладывать чуждое бремя власти на другого. Запад поверил в закон как в ограничитель злой воли властителя. Русские до сих пор скептически относятся к закону, поэтому законы в России исполняются плохо, а во власти пребывают не лучшие сыны нации.

Поиски национальной идеи менее актуальны для Запада, поэтому там с опаской восприняли оживление общественного мнения в России по поводу национальной идеи: что за чудо «русская идея» и как она способна объединить народ!? Действительно, коллективная психология нации, осознавшей национальную идею, очень серьезно объединяет и усиливает нацию . Японцы — нация многовековой культурной традиции — очень тяжело переживали поражение во Второй мировой войне как крушение национальных идеалов. Они вдумчиво и системно занимаются сейчас возрождением и сохранением национальных традиций. Урок для японцев из Второй мировой войны состоял, в частности, в выводе о том, что агрессивная идея может на время объединить и увлечь нацию, но последствия такого увлечения несут большую кровь и социальные бедствия.

Что же выражается с помощью национальной идеи?

Национальная идея — это система положительных принципов или ценностей, основанных на исторической традиции и направленных на укоренение, развитие этих оберегаемых народом принципов.

Русская идея — это мечта о России, в которой есть равновесие между индивидуальной жизнью и общественным благополучием, а также есть равновесие между национальным и интернациональным.

Для русского постоянно значима ориентация на моральные и религиозные ценности традиционной русской культуры, т.е. для русских национальная идея — высокодуховна, она не может иметь утилитарного содержания типа «поправь забор», «не гадь в подъезде». У русских рефлексия по поводу национальной идеи обязательно имеет объединяющий подтекст (феномен соборности), идея не может быть индивидуалистической мечтой типа «обогащайся». Для русских в национальной идеи эмоционального больше, чем расцудочного.

Если любая национальная идея отвечает на вопрос «как жить?», то, кажется, в русской идеи акцент на другом — «для чего жить?». В

этом убеждает и русская словесность, и русская живопись, религиозная философия XIX—XX вв., даже анализ пословиц и поговорок.

Как оправдать свое земное существование, как сочетать личный интерес с чаяниями других людей? Можно варьировать эту мысль как угодно, но она точит и точит: «А зачем я живу?» Верующий человек мысль эту посчитает греховной, поскольку для него вопрос решен в пользу жизни — милости Божией, дарованной человеку не родителями, а Богом. Родители лишь исполнили волю Божию.

Для чего живет человек? К чему стремится общество в своем неустанном движении? Русский человек вопросами этими мучается чаще, чем люди других земель и стран.

С XVII века Россия жила с девизом «За веру, царя, отчество». Он украшал официальные здания и ценные бумаги, сопровождал торжественные церемонии и чеканился на государственных наградах.

Речевая формула национальной идеи, безусловно, имеет большое значение, она воздействует прежде всего на чувство, вызывает положительные эмоции. В этой формуле вера поставлена на первое место, потому что в идею надо верить. Идея должна быть многозначной, отвечающей и личному чувству, и общественному интересу. Каждый сам находит для себя разумное толкование национального девиза. Так, в девизе «Америка превыше всего» один американец видит стремление править миром, другой удовлетворен идеей великороджавности, третий — приоритетом американской цивилизации. Кстати, гимн Германии начинается тоже со слов «Германия, Германия — превыше всего», что указывало в свое время на приоритет общегерманского интереса, на консолидацию германских земель. В пору фашизма те же слова приобрели агрессивный смысл, поэтому после 1945 года германский гимн звучал без слов.

Стоит задуматься над содержательной сутью девиза, который был национальной идеей России до 1917 года и по-другому передавался триадой: православие, самодержавие, народность. Такой анализ необходим не ради пропаганды самой формулы (отношусь скептически к попыткам перенести ее в современность), а для объяснения феномена ее устойчивости в течение длительного времени.

«За веру!» — Россия оформилась и развивалась в условиях тесного союза, единомыслия государственной власти и церкви. При явном преобладании в Российском государстве православия мысль о вере выражена обобщенно: «За веру вообще», хотя в конкретной ситуации девиз мог быть и таким: «За нашу православную веру!». Но многонациональная Россия имела несколько конфессий, и государство стремилось предупреждать межрелигиозную рознь.

«За царя!» — здесь целеуказание выражено более конкретно, указана определенная форма государственного правления — монархия, которую следует сообща укреплять. Вспомним официальный гимн старой России «Боже, царя храни!».

«За отечество!» — патриотическая мысль венчает триединую национальную идею. Постановка этого элемента в конце девиза подчеркивает его особую значимость в мировоззрении русского, сердцевиной которого является мысль: «Где отечество, там и хорошо!».

Сравним выражение «За веру, царя, отечество!» с патриотическим девизом времен Великой Отечественной войны: «За Родину! За Сталина!», где под словом *Сталин* тоже угадывался общественный строй и господствующая идеология. Обратим внимание и на перестановку ценностей: раньше — царь, отечество; теперь — Родина, Сталин.

Почему национальный девиз старой России состоял из трех элементов, а не был моноидеей? Может быть, потому, что Россия — многонациональная страна, что в триединой формуле лучше учитывается многообразие интересов и создается более широкое идеическое поле для объединения народа.

Национальная идея рождается стихийно и усваивается добровольно. Сознательные усилия официальной власти и интеллектуальной элиты лишь ускоряют распространение девиза, который является концентрированным выражением идеи.

Национальная идея живет столетиями, если правильно угадывается общественное настроение и национальный характер. В связи с этим коснемся и чрезвычайно злободневного вопроса: может ли быть национальной идеей идея коммунистическая? Подумаем прежде: а почему коммунистическая идея стала государственной идеологией сразу нескольких десятков государств? Коммунизм ведь был заявлен сразу как интернациональное классовое учение: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», причем его сердцевиной был классовый подход, разделение общества на классы в зависимости от отношения к собственности. А собственность и деньги всегда разделяют людей, даже если у них совпадают социальные и нравственные ориентиры. В национальной идее, если она претендует на долгую жизнь, не может быть оценки экономического уклада. Как только эта оценка появляется, снижается общегуманное, нравственное начало идеи, она вольно или невольно приобретает агрессивный характер: против какого-либо сословия, против соседнего народа и т.п. Русскому человеку агрессивность не свойственна, он миролюбив, дру-

желюбен, некорыстен. Западные люди, дружелюбно настроенные к России, типичного русского оценивали так: «Хороший ты человек, Иван, но богатым никогда не будешь!»

Национальная идея традиционна, внеисторична. В ней не может быть противостояния прошлого и настоящего, но обязательно должны быть взаимосвязь и сотрудничество времен.

Национальная идея России не может быть построена на отрицании, это только идея — «за», но не «против».

Общенациональная идея не может содержать сравнения России с Западом или с чем-то иным, потому что в любом сравнении тоже есть противостояние. Русские не воспримут идею мессианства, избранности России как предводительницы остального мира. Для многонациональной России характерна традиция общежительности.

Учитывая наш национальный характер, общенациональная идея должна иметь на поверхности преимущественно эмоцию. Специфика русской национальной идеи и в том, что это вместе с тем должна быть глубоко личная идея.

Русский человек всегда старался поместить себя как бы в кокон успокаивающих, удовлетворяющих идей. Это была его индивидуальная ноосфера. Традиционные моральные ценности русских подобны такому кокону.

Прежде всего для русского важен настрой души, согласие с собой через признание совести и правды как главных святынь, то есть мир и лад внутри себя.

Затем — согласие и лад в ближнем мире: в семье и в кругу близких людей.

Далее круг расширяется до коллектива совместно работающих. Коллективизм развивался в России от формы вынужденного существования из-за условий сурового климата до генетической привычки. И теперь для россиянина «счастье — это когда тебя понимают», то есть счастье — это сознание своей нужности, востребованности обществом, это согласие и мир в трудовом коллективе.

Отсюда недалекое расстояние до мыслей: «Без меня — народ не полный», «Я — в ответе за мою страну», отсюда главное условие морального удовлетворения — «Только в Отечестве мне хорошо» и отсюда русская болезнь — ностальгия. Межнациональные конфликты русские переживают очень болезненно, мы — за согласие и лад во всей России. Многовековая история России это подтверждает: «...сколько племен в себя Россия вобрала, столько и сохранила» (И.Ильин).

И пик национально-патриотических переживаний таков: «Россия — не превыше всего, просто она — лучшее место на земле. Важно не то, великая ли она держава, но важно, что она — лучшая держава. И мне спокойно, когда Россия живет в согласии и мире со всем миром».

«Укрась трудом родную землю, Россия будет благодарна», «Живи в России как хозяин — тебя Россия не забудет» — не жертвенная любовь, а взаимонаправленное чувство должно быть сердцевиной новой русской идеи. Такая идея в равной мере поддерживает и государство, и гражданина, их взаимоспасительное единство и есть самодостаточное условие для возрождения России.

Как назвать тёбя, ХХ век?

Попытка кратко подвести итоги двадцатого столетия есть по сути дела номинация века. Совершенно очевидно, что основой этого наименования должны служить не уровень развития науки и техники, не социальное состояние общества и его экономический потенциал, а культура — духовное состояние этноса, культура как образ мира, каким его представляет данный народ в данную эпоху. Имя века с позиций русского, француза, немца — прежде всего акт соответствующей национальной культуры. Начнем с краткой характеристики специфики русской культуры, чтобы стало понятно, почему представитель русской культуры может характеризовать ХХ век так или примерно так, как это сделано во второй части нашего рассуждения.

На любом произведении человеческой культуры лежит печать этноса. Народ и его отдельный представитель реализуют через культуру свое стремление к самопознанию. Культура — это национальная традиция, национальное своеобразие, у каждой культуры свои *ratio* и *sentiment*, свое искусство и свои символические формы. Культура, как и этнос, стремится к стабильности, несмотря на большое разнообразие территориальных вариантов. Культура как совокупность традиций, обрядов, образа жизни способствует сохранению национальной самобытности и воспроизведству творческого потенциала общества.

В то же время современная национальная культура — исторический продукт межэтнических связей. Опыт межкультурных коммуникаций — важное достояние национальной культуры. Современный мир сделался открытым, диффузным; сосуществование и взаимо-

проницаемость различных культурно-исторических традиций — счастливая неизбежность современной культуры Земли, но у этой неизбежности есть и другая, тоже оптимистичная противоположность: ни одна национальная культура не переводится без остатка на язык другой национальной культуры.

Типичное состояние русской культуры — полихрония (одновременное сосуществование в культуре определенной эпохи разновременных по происхождению концептов). Так, до XVII века при преобладании в общественном сознании веры, а именно православной доминанты, выражителен был и языческий след. С XVII века началась замена веры культурой, становление человека «индивидуального» на смену человеку «родовому»; в XVIII веке наблюдается утверждение светскости в культуре и развитие в общественной атмосфере элемента праздничности, куртуазности. Но русская культура остается культурой достоинства (идеалы — совесть и правда) в противоположность западной культуре успеха и лидерства.

Для реализации потребностей русского этноса в возможности реагирования на меняющийся мир оказалось недостаточно традиционных форм культуры, и тогда появился особый, чисто русский вариант такого органа рефлексии — это интеллигенция (слово впервые употребил Жуковский в своем дневнике в 1836 г.). Интеллигентность — это не столько образованность и манера поведения, сколько свойство мысли.

Непрерывность и глубина исторической традиции — первое по значимости качество русской культуры. Новации в ней никогда не брали верх над постоянством эстетического идеала.

Русская культура — это не только мост между прошлым и будущим, это и канал от памяти к нравственности. Поэтому культура русского народа пронизана мыслью и благородством, ее софийность усиlena влиянием христианства, а нравственность устрожена евангельскими заповедями.

XX век закончился. Что из его наследия перейдет в классику, а что навсегда забудется — это решит следующее столетие. Культурные ценности прошедшего периода зафиксированы для грядущих поколений разнообразными техническими средствами.

Культура XX века разнообразна и многослойна. Какое же имя одним словом может передать нашу память, наше восхищение и печаль, благодарность и проклятие уходящему XX веку?!

XVIII век был эпохой разума и просвещения.

XIX век — Век реализма за беспощадность почитаемых истин был поименован уже в 1805 году К.Н.Батюшковым железным ве-

ком. В 1835 году Е.П.Баратынский подтвердит: «Век шествует путем своим железным». В середине столетия Я.Полонский в стихотворении с символичным названием «Век» объединит несовместимые характеристики своего времени: «Век девятнадцатый — мятежный, строгий век» (1864 г). В 1916 году определение «железный» по поводу XIX века повторит А.Блок в первой главе поэмы «Возмездие». Устами поэтов говорила истина.

Для именования XX века не годится слово, определяющее уровень техницизма («век ядерный», «век научно-технических революций»), или слово, фиксирующее потолок агрессивности отдельных континентов («век мировых войн»). Техника ведь совершенствуется непрерывно, а войны — спутник человечества во все времена.

Век XX сделал доступным для человека весь земной шар, сократил расстояния и сделал проницаемыми любые границы. Земля осознана как единый и сравнительно небольшой дом для человечества, потому поколеблены ценности гражданства, поощряется идеология космополитизма, но отсюда же внимание к экологии, отсюда — острое желание выйти за пределы Земли — перешагнуть порог родного дома. Так что же, XX век — это век космизма и космополитизма?!

Человек познал землю вокруг себя, освоил ее верхнее и нижнее пространство, покорил время, подчинил далекие земли и чужую волю, расшифровал и себя до конца: знаковым явлением конца века стало открытие генома. Главное — человек поставил себя в центр мироздания, объявил свои права главной ценностью. Так что же, XX век — это век антропоцентризма?!

Покорив в XX веке все, что попало под руку, человек вышел на порог Земли и на последнюю ступеньку XX века. И застыл потрясенный достигнутой победой и в конечном счете собственным поражением: «Так кого же я победил и что же я покорил в XX веке?!

Что мы наблюдаем в конце века? Прежнее противостояние либерализма и религии как основной идеологический конфликт третьего столетия подряд. Снова межнациональные конфликты, только усиленные кровопролитным терроризмом. Неодекаданс, очень похожий по своим творческим проявлениям на художественные изыски рубежа XIX — XX вв. Полную зависимость человека от государственной машины и разочарование в представительной демократии. Выходит, железный век продолжается. И, стало быть, имя тебе, двадцатое столетие, — *потерянный Век!* Действительно, утрат у мирового человечества в XX веке оказалось больше, чем достижений.

Удивительно, но еще в начале века А.Блок предсказал это «сознанье страшное обмана всех прежних малых дум и вер».

И что остается теперь? Куда и зачем идти, что делать в XXI столетии? Закончу словами Александра Блока, предвидевшего наши размышления на перевале веков:

Что ж, человек? — За ревом стали,
В огне, в пороховом дыму,
Какие огненные дали
Открылись взору твоему?

А, может быть, ставшие неотвратимо близкими дали XXI века не будут «огненными» для нас, может быть, у человека хватит разума в голове и добра в сердце, чтобы превратить XXI век в эпоху покоя для вольного человека?!

СОДЕРЖАНИЕ

Жили-были... люди, слова и вещи	3
Владимир и Людмила	4
Откуда кафтан пошел и когда исчезли охабни	8
Кожаная и меховая одежда	15
Что надевали на работу	17
«Рубахи надобно: часто наг кожу»	19
Воеводы — в сарафанах, молодцы — в «юпках»	20
Душегрейка, безрукавка и куртка	25
Женские... подзатыльники	27
Про Сенькину шапку.....	32
Рукавицы — варегам родные сестры	39
«Каков женишок, таков и сапожок»	42
Когда появились фартуки и за какой пояс затыкали обидчиков	52
В чем носили деньги древние русичи	55
Лари, сундуки и ларчики	60
Поставец со всякою посудою	65
«Всякое посудье...»	67
«Питейная» посуда в старой Руси	71
«Ананий с ящиком, а жена его с кашником»	76
Подойник и кринка	81
В чем квас... живет	83
«Назвался груздем — полезай в кузов»	88
Мешки и сумки	92
«Учините меры медные...»	95
«Сито часто, а пироги чинит редко»	97
«Худ обед, коли хлеба нет»	99
Красен стол пирогами	103

Сладкие «заедки»	108
Монастырская трапеза в XVI веке	112
Обычаи русского застолья в зеркале истории слов	115
Как пообедать по-французски, а выпить по-английски	122
Умывальник и рукомойник	126
Как учились грамоте	129
Что читали в старину	135
У начала северной литературы	140
Язык — памятник культуры	143
Русская идея как явление русской культуры	145
Как назвать тебя, XX век?	150